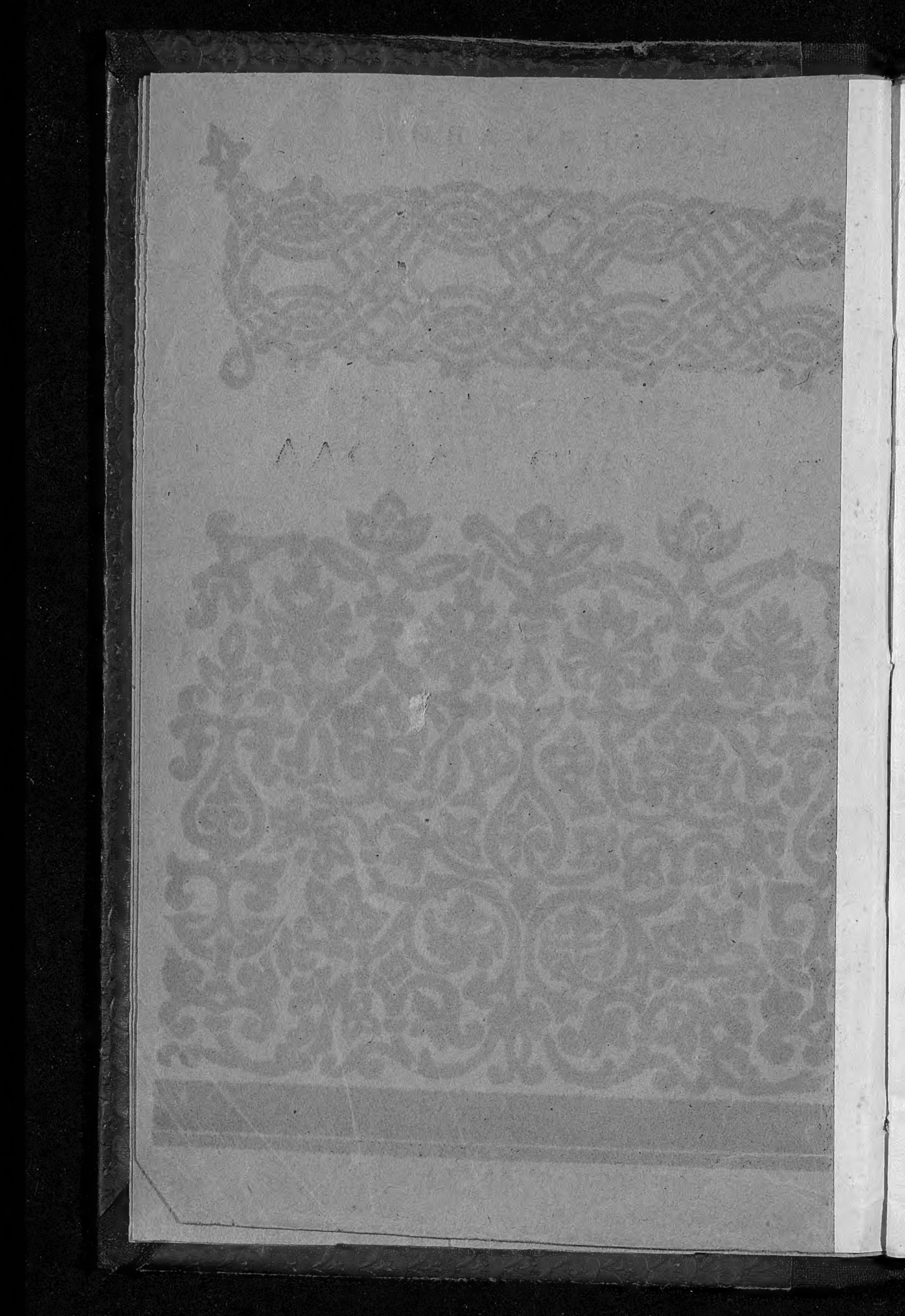
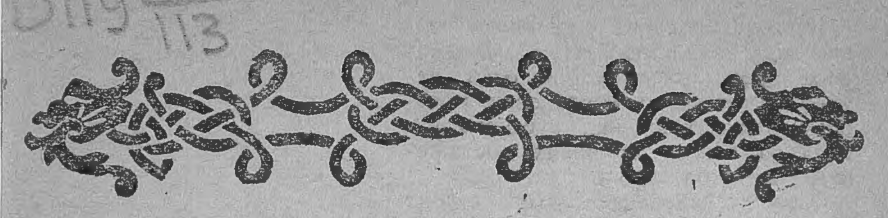

Н. С. ДЕРЖАВИН
АКАДЕМИК

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА

СОВЕТСКАЯ НАУКА 1944

АКАДЕМИК Н.С. ДЕРЖАВИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА

ВЕЛИКОРУССКОГО УКРАИНСКОГО БЕЛОРУССКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКАЯ НАУКА"
МОСКВА 1944

Настоящая книга советского славяноведа, академика Н. С. Державина представляет собой опыт научно-критического исследования проблемы происхождения русского народа на основе новейших достижений советской науки.

Свое исследование автор строит исторически, начиная с древнейших времен, с наиболее ранних следов пребывания человека на восточноевропейской территории Советского Союза. Автор показывает, как в результате длительного процесса хозяйственного и культурно-исторического развития постепенно складывается этнографический тип восточных славян, а затем из славянских племен образуются великорусский, украинский и белорусский народы.

I

ДОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРИОД

1. Население восточноевропейской части территории СССР в доисторические времена

Русский народ в составе трех образующих его братских народов — великороссов, украинцев и белоруссов — ведет свое начало с глубокой древности, с тех времен, когда о русском народе как особой этнографической группе на европейском материке не было еще и речи. Не было тогда речи и ни об одном из ближайших соседей русского народа: ни о литовцах и латышах — на западе, ни о финнах — на севере и северо-востоке, ни о турко-татарах — на востоке. Это время восходит к ледниковому или послеледниковому периоду нашей территории, к которому относятся наиболее ранние следы пребывания здесь человека. Следы эти представлены огромным материалом археологических раскопок на территории восточноевропейской равнины и свидетельствуют о наличии здесь с доисторических времен — с так называемого четвертичного периода — какого-то оседлого, в основном, населения в тех именно районах, которые в исторические времена занимает русский народ.

Время, когда впервые выступает человек ледникового периода с его древне-каменной культурой эпохи так называемого верхнего палеолита *, исчисляется десятками тысяч лет до нашей эры; оно характеризуется своеобразным комплексом примитивных каменных и костяных орудий в обстановке весьма своеобразного мира флоры и фауны, окружавшего тогда человека. Та же культура, начиная со среднего Приднепровья и прилегающих к нему с востока районов Заднепровья вплоть до рр. Донца и Дона, распространяется на западе в районы Прикарпатья, т. е. Подолии и Галиции, верхнее

---

* Значение слов, отмеченных звездочкой, объяснено в кратком словарике в конце книги.

Повисленье с Краковом и еще далее на запад — в Моравию. Генетически культура названного района не увязывается с палеолитической культурой так называемого Неандертальского типа, открытой на Пиренейском полуострове, а также во Франции и затем в некоторых других местах Западной Европы. Палеолитическая культура интересующего нас района по археологическим данным представляет собою своеобразный местный тип, увязываемый с культурою Эгейского моря.

Таким образом часть европейской территории — нынешняя Моравия, Прикарпатье, Галиция, Волынь, среднее Поднепровье и Заднепровье вплоть до верховьев Донца и Дона — уже в древнейшее время была местом обитания первобытного человека, стоявшего на сравнительно высокой стадии общественного и культурного развития. В эту эпоху человек уже не только использовал в качестве орудий труда естественный материал, но и научился изготовлять орудия из кремня и костей животных, а от охоты на мелкую дичь уже перешел к крупной охоте. Это естественно было связано с коллективной организацией труда и общественностью, в обстановке которых быстро совершенствовалась техника, развивались мышление и звуковая речь и шел общий подъем культуры и общественной жизни. К периодам верхнего палеолита относится начало скотоводства и мотыжного земледелия [1, 2] [1].

Судя по данным раскопок, жизнь насельника палеолитических стоянок в местах, населенных позднее великорусским, украинским и белорусским народами, а также в примыкающих районах западного славянства, представляет довольно яркую картину начального периода так называемой средней ступени дикости, характеризуемого в области общественных отношений формированием кровнородственной семьи и возникновением материнского рода (матриархат) [3].

Одно из основных положений нашей науки говорит, что никакой народ не исчезает бесследно со своих мест поселения, но и после того как он сходит так или иначе со сцены, продолжает преемственно жить в культурном наследии последующих насельников той же территории. Это положение подтверждается обширным материалом многочисленных раскопок и результатами

[1] Цифрами в квадратных скобках обозначены литературные источники и комментарии, помещенные в конце книги.

палеолингвистических изучений. Поэтому есть все основания рассматривать нашего диллювиального * человека и его культуру на территории, начиная на западе от Моравии и кончая на востоке средним Приднепровьем и далее — поречьем р. Десны и р. Доном, как древнейшего предка позднейшего славянского населения той же территории, культурно смыкавшейся со Средиземноморьем и составлявшей северо-восточную часть средиземноморской культурной области. Это заключение подтверждается материалами археологических раскопок, доказывающими непрерывность населения на данной территории, начиная с эпохи верхнего палеолита и вплоть до эпохи железа, когда на исторической сцене, по данным письменных источников, здесь впервые выступают славяне.

Начиная со средней ступени дикости (верхний палеолит), это население переживает затем период высшей ступени дикости (неолит *), представляющий собою переходную стадию к низшей ступени варварства и характеризуемый в частности зачатками коллективного деревенского поселения.

Более поздний период в истории населения нашего юго-запада представляет собой так называемая «Трипольская культура», приблизительно датируемая тремя тысячелетиями до нашей эры. Эта культура замечательна не только своими памятниками, характеризующими сравнительно высокий уровень развития местного населения. Она замечательна также тем, что общностью типа своих вещевых памятников и вскрываемого на их основе социального строя теснейшим образом связывает наш Дунайско-Днестро-Бугско-Днепровский район не только с территорией нынешней Румынии и Венгрии, но и далее — с Балканским полуостровом, с Фессалией и древнейшими культурными центрами Средиземноморья — с Микенами и Критом, а на востоке — с Малой Азией. Это дает основание нашим археологам характеризовать «Трипольскую культуру» как домикенскую [4].

Киевский археолог В. В. Хвойка, которому принадлежит заслуга открытия в конце XIX в. на Поднепровье памятников «Триполья», тогда же пришел к заключению, что носителем этой культуры был оседлый земледельческий народ и что именно в нем «можно видеть только наших предков праславян (или прото-

славян), предшествовавших и переживших в нашей местности все известные доселе передвижения и нашествия других иноземных племен, потомки которых удержали в своем владении край предков до настоящего времени».

В своих археологических работах В. В. Хвойка вообще неизменно подчеркивал, что народ — носитель и строитель «Трипольской культуры», занимавший громадное пространство и оставивший на всем его протяжении бесчисленные памятники своего постоянного пребывания от неолитических времен до IV в. н. э. и далее, очевидно, не мог исчезнуть бесследно или быть заменен каким-либо другим и что, следовательно, в течение своей долгой исторической жизни он был постоянным насельником данной территории.

«Трипольское общество» представляло собой родовое общество, которое развивалось по линии разложения материнского рода к патриархату. Семейно-родовая община у «трипольцев» вскрывается археологическими данными, характеризующими жилище «трипольца». Тип его поселка, открытый, например, вблизи с. Халепье в 1934—1937 гг., также вскрывает наличие у трипольцев родовой общины. С нею мы впоследствии встретимся на этой же территории у полянских славян.

По наблюдениям археологов во все периоды неолитической эпохи наблюдаются одинаковый образ жизни древних поселенцев среднего Приднепровья и постепенность их культурного роста, которую легко проследить по древним памятникам этой эпохи, отличающимся цельностью и неизменностью своего основного типа.

Основываясь на телосложении и строении черепов (длинноголовые) насельников интересующего нас района в эпоху неолита, принимая также во внимание характер некоторых оставленных ими предметов и, главным образом, многочисленность роговых и костяных изделий, связывающих культуру неолита с предшествующей ей культурой палеолита, В. В. Хвойка признает неолитических обитателей среднего Приднепровья прямыми потомками их палеолитических предшественников, следы существования которых открыты как в Среднеприднепровской области, так и в Прикарпатье.

Нет нужды, конечно, еще раз подчеркивать, что в истории развития человека культурные типы сменяют-

ся не вдруг, а постепенно и разновременно в разных районах, даже и объединенных типовой общностью предшествовавшей стадии культурного развития. Эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются одна от другой строгими разграничительными линиями.

Эпоху неолита, характерную для высшей ступени дикости и последующей за нею низшей ступени варварства, сменяет на территории интересующего нас района эпоха меди и бронзы — средняя ступень варварства, приурочиваемая на территории СССР ориентировочно к третьему и вплоть до начала 1-го тысячелетия до н. э. Социальный строй этой эпохи характеризуется развитием патриархально-родовых отношений.

Таким образом на основании материалов, выявленных археологическими раскопками в юго-западной части территории Советского Союза, мы можем заключить, что, начиная с эпохи палеолита и вплоть до наступления железного века, подводящего нас уже вплотную к новой эре, здесь жил один и тот же в основном ядре народ, прошедший на протяжении ряда веков длинный путь материального и культурного развития и в процессе своей жизни и своего этнографического становления вырабатывавший тот комплекс характерных соматических *, материальных и социально-бытовых особенностей, который в целом дает определенный этнографический тип. Мы не имеем никаких оснований не видеть в этом типе субстрат позднейшего славянского населения интересующего нас района, испокон веков занимавшего ту самую территорию, которую сейчас занимают в этом районе восточные славяне — украинцы, белоруссы и великоруссы.

С наступлением железного века кончается доисторический период в жизни наших предков. Начиная с этого момента, мы вступаем в историю и располагаем уже значительно бо́льшими данными для изучения древнейших исторических судеб и быта славянского народа. Наряду с материалами археологических раскопок мы получаем в свое распоряжение показания историков и географов древности. Эти документы начинают воспроизводить перед нами все более и более широкую картину международных связей, культурных влияний и быта того народа, из недр которого впоследствии возникает русский народ.

На протяжении нескольких предыдущих страниц мы бегло очертили период приблизительно в сорок тысяч лет, которые наши предки прожили на территории Советского Союза, начиная с эпохи палеолита и вплоть до начала нашей эры. За эти сорок тысяч лет мы не встретили на этой территории ни одного определенного, этнографически оформившегося народа. Мы видели ряд культур, преемственно сменявших собою одна другую, но не встретили пока ни одного народа, как группу людей, объединенную «исторически сложившеюся общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».

Правда, палеолит, неолит и бронза представляют собою известные культуры, которыми, надо полагать, обусловливалась и известная общность психического склада людей, проявлявшаяся в общности культуры. Мы можем также с известной уверенностью говорить и о некоторой общности экономической жизни, характерной для каждой из этих культур. Но мы еще не можем на этом этапе развития человека с такою же уверенностью говорить о наличии общности территории и общности языка. А это значит, что в эпохи палеолита, неолита и бронзы на территории СССР не было еще народа или нации как исторической категории, а были только племена, являющиеся категорией только этнографической.

По материалам раскопок нам известно, что в древнейшую для территории СССР эпоху так называемого верхнего или более позднего палеолита (Мадленское время), характеризуемого как эпоха средней ступени дикости, наши предки жили тотемическими * матриархальными родовыми и хозяйственными общинами, каждая из которых считала себя происходящей от того или иного животного или растения — тотема, т. е. божества — покровителя данной родовой группы, причем имя бога-тотема служило и названием рода.

Этот же социальный строй в более полном развитии продолжает в основном оставаться характерным и на последующей ступени культуры, на так называемой высшей ступени дикости, соответствующей эпохе неолита (приблизительно от 5 до 3½ тысяч лет до н. э.). Однако между начальным периодом неолита и его кон-

цом в области социальных отношений наблюдается весьма существенная разница: родовые общины (союз родов) перерастают в племена; матриархат доживает свои последние дни. Об этом ясно говорят памятники «Трипольской культуры», культуры нашего юго-запада (3500—2100 лет до н. э.), показывающие начало разложения здесь материнского рода и предпосылки к образованию отцовского рода.

С другой стороны, те же вещевые памятники эпохи неолита вскрывают наличие уже в это время на восточноевропейской территории Советского Союза разделение труда. Это обусловлено окружающей человека природой: в лесной и степной полосах сидят охотники и рыболовческие племена; на территории «Триполья» — землеробы-мотыжники с первобытным земледелием «огородного» типа.

Эпоха меди и бронзы (2100—1000 лет до н. э.), средняя ступень варварства, представляет собою дальнейший и знаменательный этап в развитии народного хозяйства, быта, мировоззрения и социальных отношений наших далеких предков — доисторических насельников западной части территории СССР. Мотыжное «огородного» типа земледелие в это время в связи с изобретением металлических орудий постепенно уступает место технически более совершенным формам полевого хозяйства; значительно развивается скотоводство, что ведет к выделению пастушеских племен из остальной массы варваров (Энгельс), с одной стороны, и к созданию, по выражению Энгельса, всех условий для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного учреждения. Главный предмет, которым обменивались пастушские племена со своими соседями, по Энгельсу, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен — одним словом, скот стал выполнять функцию денег и уже на этой ступени играл роль денег, что в частности прекрасно иллюстрируется латинскими словами pecus — скот и pecunia — деньги.

На этом, однако, общественное разделение труда не остановилось. Изобретение металлических орудий труда вызвало развитие горного промысла и металлургии, что в свою очередь привело к появлению горнопромышленных районов или центров, т. е. к выделению

племен новой производственной спецификации. Огромные производственные сдвиги в эпоху меди и бронзы, тесно связанные с изобретением металла, привели к полному разложению матриархальной родовой семьи и к развитию патриархально-семейных и патриархально-родовых отношений.

2. Этнография восточноевропейской части территории СССР к концу эпохи меди и бронзы

Если, подводя итог сказанному, мы представим себе на основании археологических раскопок этнографический состав населения европейской части территории нашего Союза к концу эпохи бронзы, то увидим множество отдельных племенных образований, не успевших еще оформиться в определенный этнографический тип. Эти племенные образования разбросаны на огромном пространстве — от Причерноморья и Приазовья на юге до Белого моря на севере и от западных этнографических границ современных украинского и белорусского народов, вплоть до реки Волги и предгорий Урала на востоке.

Племена эти, еще не объединенные в племенные союзы, живут на началах патриархального строя. По характеру основного хозяйства мы видим здесь четыре больших производственных района: степной — скотоводческий, лесо-степной — земледельческий, лесной — охотничье-рыболовческий и северо-восточный — металлический.

Племена эти находились в постоянном материальном и культурном взаимообмене друг с другом, причем единицей обмена служил скот. Однако взаимоотношения этих племен не ограничивались только обменом продуктами производства и своею культурой, в том числе, в первую очередь, языком. В своих взаимоотношениях они, естественно, находились в процессе постоянных племенных скрещений, вызывавших новые племенные образования и новые языки.

По своему культурному и языковому развитию эти племена стояли на примитивной, до-индоевропейской, т. е. яфетической стадии развития. По своей культуре и языку это были яфетиды *.

По определению Н. Я. Марра, племя — «это определенное скрещение ряда племен, собственно племенное

образование по признакам классового производства, классовое племенное образование» [5].

«Племенное образование, — говорит Н. Я. Марр в другом месте, — это построение одной из входивших в его состав производственно-социальных группировок, с которой и переносилось на все племя ее название, оно же — звуковая сигнализация магической силы, оси соответственного объединения, с определенной поры — тотема, впоследствии — бога или богини (собственно, сначала богини и потом уже бога)».

«Не случайно же в самом деле, — замечает Н. Я. Марр, — то, что в индоевропейских языках Рим (Roma), Афины, Спарта, не говоря о Трое, женского рода, как и название стран — отложения так называемых племенных названий» [6].

И подобно тому как племя всегда представляет собою известную племенную скрещенность, так же точно мы должны видеть и в каждом племенном наименовании скрещенность, т. е. «слияние двух и более однозначных различных слов того же количества племен, образовывающих одну общественность и скрещивающихся уже физически» [7].

Исходя из этих основных предпосылок, мы легко можем себе представить не только статику этнографического состава населения восточноевропейской части нашего Союза к концу эпохи меди и бронзы (средняя ступень варварства), но и его динамику, вскрываемую акад. Марром на анализе огромного топонимического * и ономастического * племенного материала.

3. Скифы и сарматы

Начиная приблизительно с VIII в. до н. э. и вплоть до II в. н. э., на территории современного украинского народа СССР живет группа племен, известная у древних авторов под общим названием скифы и именующая самих себя сколотами. В этом последнем племенном термине Н. Я. Марр, как известно, видел протооснову термина склове н, рассматривая его основу скло- как стяженную форму основы сколо-. Предшественниками скифов на той же территории, по Геродоту, были киммерийцы.

Скифская проблема — это огромная проблема в смы-

сле своего материала. Но она огромна и в смысле своего значения для разрешения вопроса о происхождении русских славян.

Без учета кимерско-скифского материала нельзя даже подходить к проблеме происхождения русских славян, потому что к и м е р ы и с к и ф ы продолжают жить до наших дней в русском, украинском и белорусском языках настолько значительным культурным вкладом, что Н. Я. Марр имел все основания утверждать, что «с л а в я н с к и й, понимаемый палеонтологически, есть скифский, вернее — кимерский».

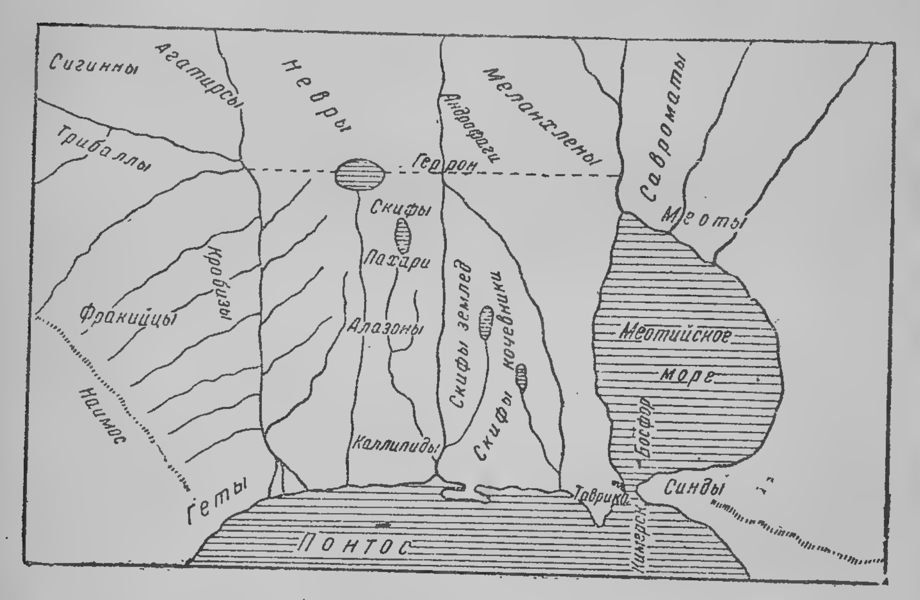

Рис. 1. Геродотова Скифия.

Особенный интерес с этой точки зрения представляет собою западная, днепровско-бугско-днестровская группа оседлых земледельческих скифских племен — прямые потомки насельников названного района в эпохи палеолита, неолита, меди и бронзы. По характеристике Геродота, это д р е в н и е с к и ф ы. Их он противопоставляет восточной группе скифских племен, так называемым ц а р с к и м скифам, очевидно, политическим гегемонам всего обширного скифского союза племен. Названные Геродотом две группы скифских племен этногонически разного типа, хотя в языковом отношении и близки

друг к другу. По характеристике Геродота, западные скифы отличались от восточных и чертами быта, и религией, и, повидимому, также своим типом.

Мысль о том, что западные, оседлые, земледельческие скифы были славянами, в свое время усердно, на основании веских доводов поддерживалась одним из лучших знатоков скифских древностей, русским историком акад. А. С. Лаппо-Данилевским (1887 г.). Мы не будем настаивать на этой мысли Лаппо-Данилевского, представляющей собою известное предположение, хотя и весьма вероятное, особенно для середины первого тысячелетия до нашей эры. Были ли западные, геродотовы, скифы славянами, — вопрос этот, при отсутствии совершенно определенных в данном смысле показаний, не представляется для нас сейчас существенным. Гораздо более существенно то, что западные скифы во всем своем облике, как он представлен у Геродота, выявляют черты, дающие основания одному из крупнейших русских историков, весьма осторожному вообще в своих высказываниях, видеть в них русских славян.

Интересно также и то, что называемые Геродотом западно-скифские племена — каллипиды, они же карпиды после-геродотовых авторов — Эфора, Скимона Хиосского и других, палеонтологически увязываются с наименованием Карпаты и племенными наименованиями карпы, карпианы, хорваты киевского летописца. Как и геродотовы каллипиды, все это жители Прикарпатья.

Все эти наименования имеют своим двойником племенное наименование сармат, то же сармар, отложившееся до наших дней в имени приволжских городов: Самара, Саратов, а также древнего города хазар Саркел. Что же касается самого племенного наименования сармат — сармар, то оно, как и все племенные наименования, представляет собою двуплеменный скрещенный термин сар-мат или сар-мар. В первой части этого термина, т. е. в слове сар, отложилось наименование древнейшего доисторического населения европейской части нашего Союза, народа салы, то же талы или италы, на Кавказе талыши, на Балканском полуострове теталы, т. е. фессалы, страна Фессалия, город Фессалоники, позже Салоники и Солунь.

Народ сал ы оставил значительные отложения в русском языке. В частности, язык этого народа продолжает пережиточно бытовать в русском и в других языках братских народов на той же территории СССР в наименовании населенного пункта с е л о: у чувашей с а л или с а л а, у черемисов с о л а, как в русском наименовании другого типа населенного пункта г о р о д или г р а д (гард) отложилось наименование того же доисторического народа на нашей территории с а л о в или с а р о в, с а р м а т о в, но в спирантизованной * его разновидности к а р ы, которое ярко выступает в наименовании гор К а р п а т ы. В данном случае эта основа выступает в значении «камень», затем «гора».

В халдском клинописном языке языческой Армении на Ванском озере в Малой Азии, относящемся к IX—VII вв. до н. э., т. е. к тому же времени, о котором идет у нас сейчас речь, когда мы говорим о скифах, имеется, по показанию Н. Я. Марра, между прочим, слово pil — камень, которое в усеченной форме pi- присутствует у халдов же в составе слова kar-pi, чаще kapi — камень. Первая же часть этого слова в халдском оформлении значит крепость, замок. Такого же происхождения и русское к р е м л ь [8].

Вторая составная часть племенного наименования с а р м а т — с а р м а р отложилась в черемисском м а р в значении человек, муж и т. п. По мнению некоторых исследователей, название народа м е р я есть славянское изменение слова м а р и [9].

Что касается основы к а р- в значении «город», то она имеет очень широкое распространение не только на территории восточноевропейской части нашего Союза, но и на Кавказе и далее на юг за пределами СССР вплоть до Африки, где она отложилась в названии города К а р ф а г е н (у римлян) или К а р х е д о н (у греков). В Месопотамии к а р х а значит «город», а также «о г р а д а»; на Кавказе — А х а л к а л а к и (Ахал-каркки), К а р с и; у чувашей на Волге к а р - д а — «огороженное место», «изгородь», «скотный двор», «хлев» и просто «город» — в составе названий главных городов ч у в а ш е й или ш и в а ш о в: Ш и в а ш к а р, у зырян С ы к т ы в к а р (Усть-Сысольск).

Эта основа к а р-, то же к о р- или к у р, в экающей форме к е л-, как это мы имеем, например, в названии древнего хазарского города С а р - к е л, представляет

собою спирантизованную разновидность сибилянтного * с а р-, то же с а л-; его спирантный двойник х а р- или х а з-, который мы имеем в отложении в наименовании города Казань, по-чувашски Хоз-ан или Хузан, по-черемисски Озан, что значит «город хазов» или «город хазаров»; то же — в отложении в названии города Харьков, представляющем собою племенное название тех же хазов или хазаров.

Таким образом мы уже частично вскрыли, что в языке русских славян, т. е. в великорусском, украинском и белорусском языках, а стало быть и в народах-носителях этих языков, заключен большой слой культурного наследия их доисторических предков на занимаемой ими сейчас территории. Кое-кого из этих древнейших предков нам уже удалось установить на основании имеющегося в нашем распоряжении такого замечательного в этом смысле документа, как язык. Предки эти, во-первых, кимеры, они же иберы или беры, и во-вторых, салы или сары. К другим предкам мы подойдем позже, а сейчас возвратимся к геродотовым скифам.

Второй после каллипидов скифский народ, включаемый Геродотом в состав западных скифских племен, это алазоны. Они жили там, где реки Днестр и Буг ближе всего подходят друг к другу, т. е. на современном Подолье; стало быть, это были подоляне. Расшифровать название геродотовых алазонов совсем нетрудно. Ведь древние греки буквою ζ (дзет) обыкновенно обозначали отсутствующий в их языке славянский звук ч. Следовательно, можно полагать, что геродотовы алазоны в действительности были какие-то алачоны, или аличи, или галичи, т. е. галичане. Мы не прибегаем к какой-либо искусственной натяжке в истолковании этого геродотовского термина, как склонны думать некоторые исследователи. Наше толкование совершенно закономерно. Основа этого термина ал- представляет собою весьма обычную усеченную форму спирантизованной разновидности племенного наименования сал или сар, т. е. основы гал- с утратою начального спиранта. Аналогичный случай мы имеем, например, в наименовании балканского и кавказского народов албаны, т. е. албанцы.

Я думаю, что нам нет надобности расшифровывать, кто такие геродотовы скифы-пахари, сидевшие на

территории южной части Волыни и Киевщины, и скифы-земледельцы, занимавшие восточную часть Херсонщины и часть Киевщины. Это, несомненно, потомки уже известных нам на Приднепровье землеробов — «трипольцев», продолжавших и в геродотово время оставаться на тех же местах, где они и до Геродота сидели испокон веков.

Таким образом, вопрос о том, кто такие были народы, сидевшие в районах западной Скифии, которых Геродот называет общим термином скифы, не вызывает никаких сомнений. Я почти убежден в том, что и геродотовы скифы-кочевники, или номады, занимавшие западную часть нынешней Запорожской области, представляли собою пастушеские, скотоводческие племена. В эпоху железа, на средней ступени варварства, они в связи с ростом скотоводческого хозяйства выделились из основной массы тех же приднепровских и приднестровских варваров, которые в геродотово время составляли западную ветвь скифского народа.

Подлинными скифами были, вероятно, только так называемые «царские скифы». Но, очевидно, по стадиальности своего культурного развития и по своему языку и эта, восточная, ветвь скифов была близка к западной ветви. В середине I тысячелетия до н. э. все известные Геродоту скифские племена говорили на каком-то, повидимому, общем для всех их языке, стоявшем на до-индоевропейской, т. е. яфетической стадии, не исключавшей, конечно, диалектических отличий, которыми разнились друг от друга отдельные племенные языки, обнимавшиеся у греков понятием скифский язык.

Вобрав в себя культурное наследие своих предшественников на занимаемой ими территории, т. е. кимеров или иберов и этрусков, скифы передали его своим преемникам. Это наследие в скифском оформлении продолжает жить до наших дней как в русском языке, так и в языках соседящих с русскими народов Поволжья — удмуртов (вотяков), коми (зырян) и др.

Для примера укажем, что скифским наследием в русском языке считают слова: скот, золото, соха и др. [10].

4. Ближайшие соседи скифов на севере: невры и будины

В своем рассказе о Скифии Геродот не ограничивается сообщением о племенах, населявших Скифию, но называет целый ряд соседних с ними племен, живших за пределами Скифии на север от нее.

Вспомним, что северная граница Скифии, восстанавливаемая по показаниям самого же Геродота и археологическим памятникам (скифские могилы), шла от верховьев Буга и Днестра на восток через область правого притока Днепра р. Роси к Киеву и отсюда в юго-восточном направлении к низовьям Дона.

По показаниям Геродота, на север от скифов-пахарей жил народ невры. Зная, что скифы-пахари занимали южную часть Волыни и Киевщины, мы можем с несомненностью говорить о том, что геродотовы невры жили на территории нынешней Подолии, Волыни, Галиции и части Польши. Большинство русских и западноевропейских ученых старшего поколения, начиная с Карамзина, польского историка Лелевеля и знаменитого чешского слависта Шафарика, и кончая лучшим знатоком славянских древностей, нашим современником, чешским ученым проф. Л. Нидерле, считали геродотовых невров славянами. В этом убеждает и то обстоятельство, что на территории, занятой в геродотово время неврами, до сих пор память об этом народе живет во множестве названий рек и деревень в области поречья Буга и средней Вислы, т. е. главным образом, на территории нынешних западных украинцев. Это именно: р. Нура (приток Буга у киевского летописца под 1102 г.), местечко Нура, Нурец — правый приток Буга и населенный пункт, Нурчик — левый приток Нурца, деревни Нурец, Нурина, Нуры, Нурвяны, Нурвицы и т. д. Наименование этой области «Земля нурская» держалось вплоть до исторических времен [11].

У римского писателя Валерия Флакка (Caius Valerius Flaccus), жившего в I в. н. э., встречается интересный эпитет, которым он характеризует невра, говоря о нем: «raptor amorum Neurus», т. е. «похититель возлюбленных невр». Это очень напоминает показание киевского летописца о том, что древляне, радимичи, вятичи и кривичи похищали себе жен у источников и что

таким образом у них заключались браки. Рассказывая о неврах, Геродот передает, между прочим, распространенную, очевидно, в его время среди ольвийских греков легенду, будто невры — колдуны. «По словам скифов и живущих в Скифии эллинов, — говорит он, —

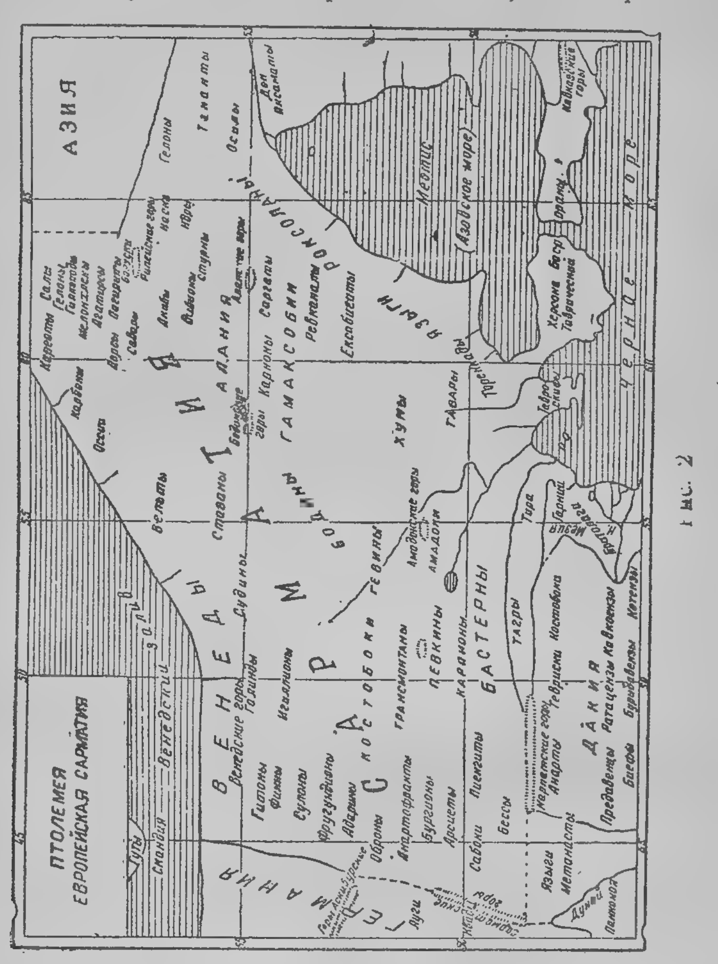

Рис. 2

каждый невр раз в год на несколько дней становится волком и затем опять принимает прежний вид...» (гл. 105). Эта легенда, связанная первоначально с неврами, дожила, повидимому, в устах южан до XII в. н. э. и нашла, между прочим, отражение в «Слове о полку Игореве», где это колдовство приписывается автором полоцкому, сейчас бы мы сказали — белорус-

скому, князю Всеславу, который «людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Киева дорыскаше до кур Тмутороканиия; великому Хорсови волком путь прерыскаше...».

Рядом с неврами, к востоку от них, современные исследователи (Нидерле) помещают геродотовых будинов. Они жили между средним Днепром, по Десне и верховьям Дона, т. е. на стыке (впоследствии) юго-восточных белоруссов, северных украинцев и юго-западных великороссов. Упомянутые исследователи считают будинов славянами, опираясь, с одной стороны, на географические и этнографические данные Геродота об этом народе, с другой — на широкую распространенность личных имен и топографических названий с основою буд- не только у всех славян, но в частности и у восточных славян. Таковы, например, собственное имя одного из воевод Ярослава — Буды, упоминаемого киевским летописцем под 1018 г., а также: р. Буда в Могилевском районе на территории современной Белоруссии; р. Будка у Полтавы и множество населенных мест на той же территории: Буда, Будаево, Будина, Буднищи, Будовка, Будки, Буды, Будаки, Будиновка, Будно, Будники и т. п. Какому бы языку по своему начальному происхождению ни принадлежала основа буд-, сейчас она является характерною для всех славянских языков и народов на востоке, на западе и на юге, что дает нам уже достаточно оснований видеть в геродотовых будинах протославян, позднейших восточных, т. е. русских славян, которых Геродот называет большим и многочисленным племенем, характеризуя в то же время будинов, как голубоглазый и рыжеволосый народ.

Исследования акад. Н. Я. Марра показывают, что другие народы, жившие, по свидетельству Геродота, на север и северо-восток от Скифии, оставили глубокие следы в народах Поволжья и прилегающих к нему районов — в черемисах, чувашах, в коми (зырянах) и удмуртах (вотяках).

Начиная с IV в. до н. э. на территории Украины впервые выступает новый народ — сарматы, который постепенно продвигается на запад и начинает нажимать на скифские племена и на греческие причерноморские колонии. Под влиянием этого нажима часть скифских племен продвигается к Дунаю и даже уходит за Дунай.

Вслед за сарматами выступают на занимаемой ими территории и другие народы. На этнографической карте Скифии появляются новые многочисленные племенные образования — кробизы, физаматы, савдораты, амадоки, бастарны, кораллы, языги, аланы и др. Появление на территории Скифии к началу нашей эры этих имен нельзя, конечно, рассматривать как заселение Украины какими-то новыми народами неизвестного происхождения. Это, в основном, не новые народы, а новые классово-племенные образования, возникающие в процессе племенных скрещений и получающие свое имя от одного классово-доминирующего, руководящего и организующего слоя, имя которого переносится на все племя. Поэтому мы не имеем никаких оснований предполагать, будто к началу нашей эры все старое население геродотовой Скифии поголовно исчезло, а его место заняли какие-то новые народы. Старое население оставалось на своих прежних местах, но в его внутреннем племенном составе произошли неизбежные перегруппировки, передвижки, возникли новые племенные образования, в которых известную роль могли играть и новые этнографические элементы. Во всяком случае, скифский союз племен продолжал существовать и после того, как на его территории начиная с IV в. до н. э. впервые стало выдвигаться новое племенное образование, известное под именем сарматов, имевшее до этого, т. е. еще во время Геродота, своей опорной базой территорию привольного для скотоводства Задонья. Начиная же с I—II вв. н. э. наименование скифов, как и сарматов, у древних авторов приобретает уже общий, чисто географический смысл. Это — народы, населяющие территорию на север от Черного и Азовского морей и на восток от Дуная, Карпатских гор и Вислы.

II

ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ СЛАВЯН

1. Венеды

Сравнительно с древнейшими европейскими народами, каковы, например, греки или римляне, славяне впервые выступают в истории довольно поздно, но не

позже, чем другие современные европейские народы — германцы, французы, англичане. Первые упоминания о славянах восходят к концу I и ко II вв. н. э. В этих известиях славяне выступают под именем народа венеды или венеты.

Известия эти мы находим, прежде всего, у знаменитого римского ученого и писателя Плиния Старшего (23—79 гг. н. э.). В его капитальном энциклопедическом труде «Естественная история» (Naturalis historiae), состоящем из 37 книг, мы читаем следующие строки (кн. IV): «Некоторые рассказывают, что здесь (у Каданского залива) живут до р. Вистулы сарматы, венеды, скифы, гирры. Называется Килипенским заливом, а в устье его остров Латрис. Вскоре другой залив, Лагнус, смежный с кимврами. Кимврийский мыс, выдаваясь в море, образует полуостров, который называется Картрис». Каданский залив Плиния — это Данцигский залив, куда впадает р. Висла. Название этого залива отложилось в имени города Данцига (польское Gdańsk). Залив Килипенский — это Штеттинский залив, куда впадает р. Одра (нем. Одер). Остров Латрис, расположенный, по Плинию, в устье Килипенского залива, — это славянский остров Usedom-Wolin. Залив Лагнус Плиния — это Любекский залив. Восточнее Вислы, по Плинию, уже начиналась Азия, и вопрос о том, какие народы жили к востоку от Вислы, повидимому, не интересовал автора.

После Плиния Старшего вскользь упоминает о венетах римский историк Тацит (P. Cornelius Tacitus, род. около 55 г. н. э., умер около 120 г.). В написанном в 98 г. классическом сочинении под заглавием «О происхождении, местоположении, нравах и народах германцев» (De origine, situ, moribus ac populis Germanorum), известном чаще под сокращенным названием «Германия», мы читаем следующие строки: «Здесь конец Свевии (т. е. Германии, у р. Вислы). Что касается певкинов, венетов и финнов, то я колеблюсь, причислить ли их мне к германцам или к сарматам... (Более похожи на сарматов) венеды: (они) сходятся с ними (до известной степени) и обычаями, ведя бродячую жизнь и живя грабежом. Тем не менее, я их также скорее отнес бы к германцам, так как они умеют строить дома, знают употребление щитов и, будучи проворными пешеходами, охотно ходят пешком: всех

этих черт нет у сарматов, которые живут на телегах и на конях...».

Третью справку из наиболее ранних показаний о славянах мы находим у знаменитого греческого географа, астронома и физика, жившего во II в. н. э. (умер около 178 г.), Птолемея Клавдия в его восьмитомной географии, где имеются следующие два упоминания о венедах: 1) «Сарматию ограничивают великие племена: венеды по всему Венедскому заливу, а к северу от Дакии — певкины и бастерны и со всех сторон Меотиды (Азовского моря) — языги и роксоланы, и близко к ним — амазобии и аланы — скифы» (III, 5, 7); 2) «По р. Висле под венедами — гутоны, затем финны, затем сулоны» (III, 5, 8). Кроме того, этому же автору принадлежит упоминание о Венедских горах, в которых естественно видеть Карпатские горы.

По указаниям Птолемея (или Птоломея), относящимся ко II в. н. э., славяне — венеты, таким образом, занимали в это время пространство между Балтийским морем у Данцигского залива на севере и Карпатскими горами на юге, т. е. поречье р. Вислы от ее верховьев в Карпатских горах до побережья Балтийского моря. По характеристике автора, венеды были великий народ — μέγιστον ἔθνος.

Случайные упоминания о венетах имеются и у более ранних греческих и римских авторов. Так, например, Геродот (V в. до н. э.) говорит о том, что янтарь приходит с р. Эридана от венетов. Венеты в древности славились разработкой янтаря и торговлей им. Специальные химические исследования установили, что оказавшийся в микенских могилах XIV—XII вв. до н. э., а также в египетских гробницах эпохи V династии (третье тысячелетие до н. э.) янтарь именно северного происхождения. Греческий поэт Софокл (497—406 гг. до н. э.) знал, что янтарь родится где-то далеко на севере, в какой-то реке у индов, живущих у северного океана. Софокловские инды представляют собою, повидимому, отзвук рассказов финикийских купцов о виндах, т. е. вендах.

Наконец, имеется и еще один древний картографический источник, упоминающий о вендах. Это — так называемые Пейтингеровы таблицы (Tabula Peutingeriana). Таблицы эти представляют собою пере-

работку карты мира, составленной при императоре Августе (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) его другом Випсанием Агриппой в начале нашей эры. Переработка названной карты была произведена в III в. н. э. некиим Касторием с целью составить таблицы военных путей Римской империи. Карта была издана впервые в 1591 г. по сохранившейся в библиотеке немецкого ученого-гуманиста Конрада Пейтингера или Певтингера (1465—1547) копии, относящейся к 1264 г. На этих таблицах в форме узкой ленты указаны географические пункты и помечены названия племен, через которые приходилось проезжать путнику, без указания, однако, границ расселения упоминаемых племен. На этих таблицах венеды показаны в соседстве с племенем бастарны.

Имя реки Вислы впервые встречается у римского писателя Помпония Мела (I в. н. э.), автора географического пособия — De chronographia или De situ orbis, под названием Vistula. У других авторов древности эта река называется Vistla, Vistula, Visculus (Плиний), Visula и Viskla (Иордан, VI в.) [12].

Что касается вопроса о том, какому языку принадлежит название реки Вислы и каково исходное значение этого слова, то большинство ученых, останавливавшихся на этом вопросе, склонно считать имя реки Вислы словом славянского языка. Шафарик в своих «Славянских древностях» (I, 538) возводил его к корню is-, vis-, вода, и это объяснение остается доминирующим в науке и в настоящее время. Интересно отметить, что в некоторых польских говорах слово висла имеет нарицательное значение и употребляется в смысле большой, полноводной реки вообще. С другой стороны, отмечается широкое распространение этого названия рек в славянских странах в разнообразных вариантах: Вис, Ислоч, Свислоч, Иследзь, Вислица (в бассейне р. Припяти), Вислок, Вислока, Висляновка (в бассейне р. Вислы) [13].

Правильнее все же в названии реки Вислы видеть, собственно, не славянское слово, а слово до-славянского языка населения этой территории, т. е. яфетическое отложение в славянском языке.

Название народа венеды — венеты или венды — винды не кельтского происхождения, как некоторые склонны думать на том основании, что это

слово в форме vindo входит во множество географических наименований, приписываемых кельтскому языку: Vindobona (Вена), Vindomagos («белое поле»), Vindobriga и др., а также в той же форме vindo или vindona — во множество древних надписей, дошедших до нас из районов, населенных некогда кельтами (Верхняя Паннония, Норик, Реция), как собственное имя.

Кельтское слово vindos значит белый. Отсюда заключали, что кельты, будучи сами, как и германцы, краснорыжими, называли русых славян белыми, и это имя осталось за ними (сравни Белая Русь, Белохорваты и пр.) и в устах германцев. К этому прибавляется, что первое арабское известие о славянах, восходящее к VII в., прямо отмечает их белокурость; впоследствии арабы вообще называли славянским (Siklab) тип белокурого европейца.

На этой точке зрения стоит проф. Л. Нидерле, обосновавший свою теорию на учете огромного топонического и ономастического материала [14].

Из более ранних попыток истолкования племенного наименования венед, венд отметим, между прочим, попытку увязать это название с древним северогерманским vand (латинское — unda) — «вода», откуда венды — «люди воды», «жители вод» или «морские жители»; или с немецким wenden, откуда Wanderer — странники, скитники; либо с готским vinja и немецким weiden, откуда weidenden — wenden—«пастухи» и т. п. Пытались объяснить племенное название народа венеды и как славянское слово. Так, например, Гильфердинг связывал имя венет то с древне-индусским названием народа vanita, то с названием древне-русского племени вятичей. Другие (Первольф) возводили то же имя вент к старо-славянскому корню vęt — «великий», пережиточно сохранившемуся в форме старославянской сравнительной степени — вящии и в измененном виде в форме вятичи ант. С вятичами связывал вентов и проф. Ф. А. Браун в своих «Разысканиях в области гото-славянских отношений» (СПБ, 1899, стр. 334). Он считал, что венедами первоначально называли немцы только одно из славянских племен, а затем это название было распространено на весь народ.

Все эти толкования наименования народа венеды надуманы и не выдерживают критики. Подходя к во-

просу палеонтологически, мы должны в каждом племенном наименовании древности искать, прежде всего, значение «человек», «муж», «дети», «народ», «племя», как это мы имеем, например, в наименованиях народов скифы, мари, готы и др. [15].

С другой стороны, в каждом племенном наименовании, как и в каждом племени, мы должны видеть известную скрещенность, т. е. «слияние двух и более однозначных различных слов того же количества племен, образовывающих одну общественность и скрещивавшихся уже физически» [16].

Подходя с этой точки зрения к разъяснению племенного термина венеды — венеты, венды, венд, мы должны прежде всего подчеркнуть, что уже самый факт распространения этого термина на широком пространстве Центральной Европы и за ее пределами, предположительно связанном в древнейшее время с кельтским населением, свидетельствует о том, что слово «вен-д» со всеми своими вариантами — не кельтского, не германского и не славянского, а до-индоевропейского, т. е. яфетического происхождения. Это скрещенный двухплеменный термин, первую часть которого составляет хорошо известная нам яфетическая основа ven- со всевозможными вариантами ее озвончения и огласовки (ven — men, van — man, равно vat — mat и т. п.), как это мы имеем, например, в скрещенных наименованиях * Per-men — «Пермь», Ger-man, Slo-ven, Sar-mat и т. п. в значении «народ», «племя». Вторая часть названия народа вен-д, т. е. звук д или т, представляет собой пережиток того же, повидимому, племенного наименования, которое присутствует во второй части названия народа скифы σκυ — θα, где θα представляет собою ионское племенное название в усеченной форме вместо полного θαν.

Н. Я. Марр отметил, между прочим, слово vent как экающую, чисто фонетическую разновидность одного из трех основных названий для одного и того же вотского племени: vat — «ватка», vot — «вотяк», и vent — вят — «вятка», «вятичи», и рядом с последним поставил и венедов [17].

То обстоятельство, что славяне под именем венедов впервые выступают в истории с конца I и во II вв. н. э., нельзя, конечно, истолковывать в том смысле, что до этого времени на территории Европы не су-

ществовало вовсе данного народа, вернее славянского протонарода или до-славянского субстрата позднейшего славянского народа **венедов**. Протославяне, т. е. славяне на стадии до-славянского этнографического оформления, — такой же исконный с глубокой древности народ в Европе, как и их позднейшие соседи — германцы и кельты, первоначально — протогерманцы и протокельты на западе или протолитовцы и протофинны — на востоке. Но на до-индоевропейской, т. е. яфетической стадии, общей для всех европейских народов, они не выделялись как особый, окончательно сложившийся в процессе племенных скрещений этнографический тип среди прочих племен, населявших европейский материк. Об этом прекрасно свидетельствует, между прочим, характеристика народа **вендов**, данная Тацитом. С другой стороны, далекие от культурных центров древности — Греции и Рима, расположенные за пределами Римской империи, венеды долгое время оставались или вне поля зрения древних историков и географов или же, если и выступали у них, то под другими племенными наименованиями — **киммерийцы**, **фракийцы**, **скифы**, **сарматы**, **готы** и т. п. Эти же последние представляли собою чаще всего крупные межплеменные объединения или племенные союзы, имена которых заслоняли собою наименования частных племенных организаций, входивших в состав этих объединений. При этом коллективные племенные наименования — **киммерийцы**, **скифы**, **фракийцы**, **сарматы**, **готы**, **гунны** и пр. нередко переносились и на отдельные племена, входившие в состав межплеменных объединений или племенных союзов, в том числе и на протославян, а позже — на славян.

2. Славяне, анты

После II в. славяне на целые четыре столетия сходят со страниц исторических источников и вновь появляются в них только в VI в. у ряда готских и византийских историков, из которых наибольший интерес для нас представляют готский историк **Йорнанд**, или **Йордан** и византийский историк **Прокопий Кессарийский**.

Йордан в своем сочинении «О происхождении и истории гетов или готов» (De Getorum sive Gothorum

origine et rebus gestis) говорит о славянах, между прочим, следующее: «За Дунаем лежит Дакия, огражденная, как венцом, высокими (т. е. Карпатскими. — Н. Д.) горами, по левой, к северу обращенной стороне которых, начиная от верховьев Вислы, живет на неизмеримом пространстве многолюдный народ **в и н и д ы** (vinidarum natio populosa). Хотя имена их и изменяются теперь по различию родов (per varias familias) и жилищ, однако они большею частью называются **с л а в и н а м и** и **а н т а м и**. **С л а в и н ы** живут от города Новиетунум и озера, называемого Мурсианским, по самый Днестр, а на север — по Вислу; у них болота и леса заменяют города. **А н т ы** же, самые сильные из них, живут в окрестностях Понта, от Днестра до Днепра, рек, отстоящих одна от другой на несколько дней пути». По Йордану, **в е н е т ы** (виниды), **а н т ы** и **с л а в ы** — это три наименования одного и того же народа.

Второй из названных выше историков VI в., византиец Прокопий в своем сочинении «О готской войне» (Gothica sive bellum Gothicum) говорит о бесчисленных народах **а н т о в**, которые занимают «дальнейшие края на север от Меотийского залива», т. е. нынешнего Азовского моря. «Перед тем, — говорит он, — славяне и анты имели одно имя, т. е. встарину они назывались **с п о р а м и** (Sporoi), потому, думаю, что жили рассеянно. От этого они занимают такие обширные земли; и точно, большая часть земель по ту сторону Истра (Дуная) принадлежит им».

Таким образом, судя по указаниям названных историков, к середине VI в. н. э. **в е н е д ы** делились на две основные группы: **с к л а в и н ы**, или **с к л а в ы** (Σκλαβηνοί, Σκλαυηνοί, Σκλάβοι) — западные славяне и бесчисленные **а н т ы** (Ἄνται, Ἄντες) — восточные славяне, занимавшие обширные пространства от Причерноморья и Приазовья на юге и далее во внутрь страны на север и северо-запад в неопределенную беспредельность. Правда, имя народа **а н т ы** сходит со страниц исторических документов уже в начале VII в., но его следы предположительно до сих пор сохраняются в наименованиях населенных мест на территории СССР в форме: **У т** (село и река в Могилевском районе), или **У т ы** (село в Трубчевском районе Орловской области), или **У т и н к а** (в Смоленском районе) и другие.

Учитывая географические данные Йордана (город

Новиетунум, т. е. Новый город, или «Новгород», и Мурсианское озеро — повидимому, озеро Мурсия на р. Драве, по Птоломею), территорию распространения западно-славянских племен можно определять границами древней Паннонии (территория б. Австро-Венгрии), Чехо-Словакии и Польши, а также на запад от р. Вислы с северной границей по побережью Балтийского моря, вплоть до р. Эльбы (Лаба), бассейна ее притока р. Заалы и на юг к Дунаю между городами Регенсбург и Донауворт. В VIII—IX вв. западная граница этой территории была, повидимому, этнографической границей, отделявшей славянские племена от залабских германских племен.

Таким образом исторически засвидетельствовано, что названная выше обширная территория была занята к середине первого тысячелетия нашей эры венедами, т. е. племенами славян и антов. На этой территории к VI в. уже сложился в процессе племенных скрещений, культурно и этнографически выделившийся из общей массы окружающих племен, славянский народ. На основании весьма веских исторических, этнографических и лингвистических данных можно предполагать, что тот же процесс этнографической консолидации протославянских племен переживало в это время и население Балканского полуострова.

По характеристике Прокопия, славяне и анты имели общий, весьма грубый язык, общий быт, общие верования и обычаи, общую внешность и общий духовный облик. Они сообща предпринимали набеги на римские владения и вместе участвовали в вспомогательных отрядах, двинутых византийцами против готов. Однако, другие показания того же источника говорят о том, что славяне и анты представляют собою два отдельные объединения: каждое из них в своих международных отношениях живет независимой друг от друга политической жизнью, и они не всегда поддерживали мирные, добрососедские отношения. Так, например, при императоре Иустине (518—527) анты одни, без славян, переходят Дунай и предпринимают набег на римские владения; анты одни, без славян, состоят на военной службе у византийского правительства и принимают участие в итальянской экспедиции; анты же самостоятельно, независимо от славян, заключают договоры с римлянами, и т. д.

В антах акад. А. А. Шахматов видел предков русских славян [18]. Акад. М. С. Грушевский видел в антах предков только украинского народа [19]. «Решительно не могу согласиться с этим положением, — замечает А. А. Шахматов. — Распадение русского племени произошло позже появления антов в южной России; оно явилось результатом его расселения именно из тех территорий, которые были захвачены, согласно Йордану и Прокопию, антами; в последних вижу поэтому предков всего вообще русского племени». Акад. Н. И. Срезневский считал антов предками уличей и тиверцев, которых «Повесть временных лет» помещает в юго-западном Причерноморье, говоря о них: «...седяху по Бугу и по Днепру и приседяху к Дунаеви; и бе множество их, седяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря». В пользу мнения, что уличи и тиверцы были потомками антов, предположительно высказался в 1917 г. и проф. А. А. Спицын в учебном курсе «Русская историческая география» (Петроград, стр. 18).

Более определенно по этому вопросу тот же автор высказался в 1928 г. в статье «Древности антов», где он толкует показание Прокопия о том, что многочисленное племя антов обитает в районе Азовского моря и далее, в смысле «где-то за Азовским морем», и притом в полосе лесостепи, на черноземе. Именно в такой полосе, говорит проф. Спицын, начиная от низовьев Днестра и до верховьев Дона, известны древности, принадлежащие к одной и той же культуре VI—VII вв., которую и приходится признавать антскою. Видимо, эта культура находится под сильным влиянием Византии, и вследствие мирового значения последней, если не все, то очень многие ее вещи должны повторяться и у других соседних народностей как оседлых, так и кочевых...»

По характеристике проф. А. А. Спицына, антская культура выступает в виде многочисленных и богатых кладов, которые бывают более или менее значительны по количеству вещей, доходя иногда до многих фунтов веса. Таких кладов сейчас открыто свыше 30 — в бб. Херсонской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской и в занимающей пока по этим кладам первое место Воронежской губерниях. На этой же территории, включая сюда и Курскую гу-

бернию, обнаружено и восемь могильников, в которых найдены вещи, характерные для названных выше кладов. Очевидно, могильники эти принадлежат одному и тому же народу. Тому же народу, можно полагать, принадлежит и ряд обнаруженных городков Приднепровья и Донца в районах бб. Полтавской, Харьковской, Черниговской и Курской губерний. Проф. А. А. Спицын был склонен ставить антов в связь с тиверцами — северянами, но почти полное отсутствие здесь археологического материала заставило его воздержаться от решения этого вопроса [20].

Древнейшие источники, говорящие о лонгобардах, начиная с I в. н. э., и отмечающие затем вплоть до V в. их продвижения с берегов Эльбы на юг в Моравию, Венгрию (490), Паннонию (526) и, наконец, в Италию (568), замечают, между прочим, что лонгобарды в этом продвижении на юг достигли расположенной где-то на востоке страны по имени Anthab или Antaib, т. е. земли или области антов (Antorum pagus) [21].

Где лежала эта «страна антов», в точности неизвестно. Предположительно, исходя из показаний этих источников, которые говорят о востоке за землею бургундов, страну антов считали лежащей где-либо на Днестре или в западной части Полесья (Л. Нидерле), или же в верховьях Днестра и Сана в области лесистого Закарпатья (Ф. Вестберг). В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» (т. I), исходя из представления о Прикарпатье, как «общеславянском гнезде», откуда впоследствии славяне разошлись в разные стороны, учитывая также показания «Повести временных лет» о нашествии авар на дулебов и замечания арабского географа и историка али-Абдул-Хасан Масуди (X в.), что одно из славянских племен, коренное между ними, некогда господствовало над прочими, и это господствовавшее славянское племя называлось валинана, т. е. волыняне, а волыняне те же дулебы, — высказался в том смысле, что дулебы господствовали в VI в. над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем, как впоследствии все восточные славяне стали зваться русью по имени главной области в русской земле, ибо Русью первоначально называлась только Киевская область [22]. Таким образом, Ключевский, говоря о существовании у восточных славян на Карпатах в VI в. «большого военного

союза под предводительством князя дулебов», тем самым разрешал проблему об а н т а х в том смысле, что это были д у л е б ы, а организующим центром антского племенного союза считал Волынь.

Новейшие исследования советских ученых, построенные на сравнительном изучении письменных источников и материалов археологических раскопок, дали весьма убедительные основания видеть область распространения «бесчисленных антских племен» на территории лесостепной полосы от устья Дуная (она опускается здесь почти до самого Черного моря) и далее на северо-восток в направлении на Киев, Чернигов, Полтаву, Курск и Воронеж, причем степь освоена антами лишь частично [23]. Это та самая территория, на которой еще не так давно в прошлом мы видели скифские племена и на которой вскоре после антов увидим восточнославянские племена уличей, тиверцев, отчасти древлян, полян, волынян, отчасти радимичей, северян и отчасти вятичей.

Таким образом, как в территориальном, так и в культурно-этнографическом отношениях а н т ы представляют собою связующее звено между скифами и позднейшими восточными или русскими славянами. О славянщине языка антов, помимо прямых показаний источников, говорят также и называемые этими источниками собственные имена антов — Доброгаст, Всегорд, Бож, Межамир, Келагаст и т. п. «Открытие изумительной преемственности культовых изображений между скифо-сарматским миром и позднейшим славянским, — замечает Б. А. Рыбаков, — позволяет предполагать, что анты были неизбежным промежуточным звеном, воспринявшим часть скифо-сарматских религиозных представлений и передавшим их Киевской Руси, а через нее и далее».

У Йордана имеются и некоторые исторические подробности, касающиеся а н т о в IV в. Он рассказывает о том, что тотчас после вторжения в 376 г. г у н н о в готский король Винитар напал на а н т о в и, хотя вначале был разбит антами, однако же потом осилил их и распял короля их Божа вместе с его сыновьями и семьюдесятью начальниками.

С именем антского короля Божа акад. А. А. Ш а х м а т о в связывал известное место в «Слове о полку Игореве»: «Се бо готьскыя красныя девы въспеша на брезе синему морю, звонячи рускым златом: поють вре-

мя Бусово, лелеють месть Шароканю...», видя в нем отклик старого готского предания, ведущего начало со времени, когда Винитар победил Божа [24].

Впервые имя а н т "Αντας встречается в относящихся к III в. н. э. греческих надписях из Керчи.

Решительный удар по могуществу антов был нанесен уйгурским племенем а в а р о в. Когда в половине VI в. н. э. авары впервые явились на территорию нынешней УССР, они столкнулись здесь в Причерноморье с антами. А н т ы отправили к аварам послом своего знатного сородича Межамира (сына Идаризия и брата Келагаста) [25]. Посол Межамир гордо держал себя перед аварами, и они убили его. Этого убийства анты не сумели отомстить аварам. Поэтому авары стали еще свободнее нападать на страну антов и в середине VI в. покорили ее. Когда после этого авары ушли на запад и заняли Сирмию (впоследствии сербская область Срем), а в 568 г. всю славянскую Паннонию, а н т ы, ставши вновь свободными, отдали себя на службу восточно-римскому императору Маврикию (582—602) для борьбы против авар и славян. Ввиду этого аварский хакан в 602 г. отправил против антов карательную экспедицию под начальством Апсиха с поручением разгромить и уничтожить этот народ.

Чем закончилась эта экспедиция, неизвестно, но имя а н т о в — народа, который еще так недавно характеризовался Прокопием как народ бесчисленных племен, совершенно исчезло со страниц истории. О нем уже больше не упоминает ни один ни римский, ни византийский источник.

Этот факт исчезновения антов представляется старым историкам своего рода загадкой. Одни из них предполагают, что аварская экспедиция Апсиха действительно совершенно уничтожила антов. Другие считают, что анты в качестве союзников римлян перешли на Балканский полуостров, были водворены здесь на жительство, а затем растворились среди болгар. Наконец, Шафарик, а вслед за ним и многие другие полагали, что под нажимом авар а н т ы отошли в глубь России и здесь стали основою всего русского или только украинского народа, либо, по крайней мере, племени русских в я т и ч е й, которое позже выступает на верхней и средней Оке.

Конечно, не может быть и речи о поголовном уни-

чтожении антов аварами. Как мы уже знаем, анты были известны в Византии как самая сильная группа славянских племен, и если бы в 602 г. они действительно были уничтожены аварами, то об этом византийские историки никоим образом не могли бы умолчать. Между тем о каком-либо поражении антов аварами или, тем более, о полном их уничтожении византийские источники ничего не говорят. Гораздо естественнее предположить, что молчание византийцев об антах после смерти Маврикия было вызвано новым сложившимся здесь положением вещей. Дело в том, что до тех пор византийское правительство вело упорную борьбу за Дунай, как естественную границу, предохраняющую Восточно-римскую империю от вторжения северных варваров. В связи с этим отношения, складывавшиеся на Дунае и на его левом побережье, были предметом исключительных забот римского правительства и поэтому находили свое отражение у историков. При ближайших же преемниках Маврикия, императорах Фоке (602—610) и Ираклии (610—641), охрана дунайской границы вынужденно была снята ввиду чрезвычайных внутренних и внешних осложнений, переживавшихся в это время империей — социальной революции при Фоке и напряженной войны с персами и арабами при Фоке и Ираклии. В это время дунайская граница не могла интересовать правительство, да в его распоряжении не было ни сил, ни средств для надлежащей ее охраны. Вскоре после этого на северо-востоке византийской территории (в Добрудже, Делиормане и Герилове) возникла первая славянская держава болгар, официально признанная византийским правительством на основании договора, заключенного с болгарами в 679 г. В связи с этим сфера византийских интересов и северная граница империи отодвинулись к югу, сначала к предгорьям Старой Планины (главный Балканский хребет), а затем и далее, почти к самым стенам столицы. Поэтому анты, которые раньше сидели за Дунаем, в ближайшем соседстве с империей, перестали иметь непосредственное с нею соприкосновение, перестали существовать для нее как опасный противник, а вместе с этим прекратились и упоминания о них у византийских историков.

Начиная со второй половины VII в., на полуострове сложилось первое славянское государство — Болгария,

возникшее вначале в целях самообороны придунайских славянских племен против аварских вторжений. Несколько ранее, но в том же веке, в среде западных славян возникает племенной союз во главе с Само (627—662) для отпора хищническим насилиям тех же авар. В это время восточные славяне, объединенные в мощный антский союз племен, продолжают жить на своих прежних местах. В своем хозяйственном, культурном и общественно-политическом развитии они уже к VII в. достигают таких высот, которые дают основание историку характеризовать общий уровень их развития как высшую ступень варварства, т. е. ту ступень, которой норманны достигли, по Энгельсу, только к IX в. Тем самым антский союз племен смог заложить прочные основы для образования из своих социальных недр в IX в. первого восточно-славянского государства — Киевской Руси.

Многие явления киевской жизни X—XI вв. уходят корнями в антскую культуру: земледелие, скотоводство, рабство, сожжение рабынь на могиле князя, накопление сокровищ и т. п. Киевские князья X в. говорили на том же языке, что и анты в VI в., верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» по тем же антским путям.

Анты — не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры. Предшественниками Олега и Игоря были Межамир Идарич, Хвилибуд и неизвестные нам по именам владельцы приднепровских кладов.

Начало в IX в. грабительских набегов норманнов, привлеченных богатством Киева и его окружения, норманнов, только что вступивших в ту стадию развития, которую приднепровские славяне уже изживали, никакой эпохи не составило и не могло составить. Варяги не могли составить никакой новой культуры, не могли повлиять на способ производства, на социальные отношения: горсточка искателей приключений попала в старую, устойчивую приднепровскую культурную среду и очень быстро совершенно растворилась в ней. «Варяжская закваска» — это недоброкачественный миф, созданный норманистами. Предпосылки для создания государства Ярослава Мудрого начали накапливаться не в IX в., а за триста лет до варягов, в силу чего и историю Киевской Руси надо начинать не с Рюрика и Оле-

га, а с Божа и Межамира, с первых походов на Византию в VI в. [26].

Что касается этимологии слова ант, то она до сих пор не выяснена. Некоторые толковали это слово как модификацию слова vend, vent; другие связывали его с немецким enz, английским enf — «великан». Хорватский историк Рачки видел в нем славянское слово ątinь— vir gigas, т. е. гигант, великан. Ламбин видел в нем греческую измененную форму славянского ulec, unlic из anlic. Другие, как Куник и Wirth, видели в антах черкесскую династию, либо черкесское племя, владевшее славянами.

Если принять эту точку зрения, то в антских именах Доброгаст, Всегорд, Бож, Мечимир, Идарич и т. п. мы, очевидно, должны будем видеть тоже черкесские имена! Известный Peiskep, который вообще рассматривает славян как пассивное быдло, способное только покорно подчиняться, но не жить самостоятельной и независимой культурой и политической жизнью, видел в антах вообще чужеземцев, господствовавших над славянами.

Можно отметить, кстати, что в числе знатных русов, отправленных князем Игорем в 945 г. в Царьград в составе посольства к византийскому императору, мы встречаем также и имя Утин, которое для X в., как предполагают, указывало бы на старшую форму Antinъ. Но проф. Л. Нидерле, исходя из совершенно ошибочных представлений о племенном составе Киевской Руси в X в., не допускает возможности, чтобы среди игоревых бояр, исключительно, как он полагает, не славян по национальности, присутствовал потомок княжеского рода антов [27].

Акад. А. А. Шахматов, склонный считать имя антов вообще не славянским, отверг, по фонетическим соображениям, возможность увязки его с именем «вятичи» и видел в нем кельтское слово [28]. Однако, говоря об известном имени славянского города Vantit, встречающемся у арабско-персидского географа Гардизи (Гурдези) и у других, видит в нем имя «вятичи» и говорит: «появление ан, т. е. естественной передачи носового ę в этом имени, объясняю себе тем, что вятичи, как ляшское племя, называли сами себя więtic, между тем как соседние с ними восточные славяне

произносили wjatič: носовой звук воспринят как а (или е н?) хазарами, откуда vāntit Джейхани и пр.».

Таким образом фонетической связи между вент — ант и вятичи не исключает и Шахматов.

В 1926 г. этимология племенного названия ант была предметом специального рассмотрения германиста В. Брима (см. выше). Исходя из предложенного еще Шафариком в его «Славянских древностях» (1837) толкования этого слова, Брим устанавливает ряд соответствий в индоевропейских языках для слова ант, начиная с русского ут-к-а, и из сравнительно-лексикологического анализа этого слова приходит к заключению, что оно не индоевропейское, а заимствовано из другой языковой группы, и действительно находит его в языке этрусков в значении «орел».

Формулируя свое предположение, В. Брим пишет: «Существовала в Европе какая-то яфетическая народность, тотемом которой была птица. На основании этрусского слова antas (орел) мы заключаем, что название птицы по звукам подходило к форме anta, а отсюда выводим племенное название antai, antes... О существовании этого имени свидетельствует позднее название страны Anthaib у Павла Диакона. От этого яфетического племени унаследовала название и та часть славян, которая выступает в истории под именем ἄνται, ἄντες, antai». «Конечно, — замечает автор, — трудно указать, какие исторические факты обусловили этот переход названия. Но вообще нельзя считать подобные случаи редкими явлениями. От кельтского «Nemeti» произошло «немцы», от «Volcae» — «Волохи», «Волынь» и т. д. Таким образом одна часть славянского племени, жившая когда-то в стране яфетических антов, получила по стране свое имя».

Сходное название кельтского имени Antobroges, означающее «жители Антии», первоначальное поселение которых обнимало южную Германию до Дуная, наличие у венгров собственных имен Antus, Ont, Onthus и факты топонимики, производные от *Ant, дают основание Бриму «искать страну антов где-нибудь в бассейне Дуная, может быть в южной Германии, скорее всего в Баварии».

Изложенные выше соображения В. Брима заслуживают внимания, однако не разрешают проблемы этногенеза интересующего нас народа антов, живших да-

леко на восток от южной Германии. Сложившееся к VI в. лонгобардское предание, как видели мы выше, помещает «страну антов» на востоке за землею бургундов, принадлежавших к вандальской группе германских племен и занимавших некогда территорию восточной Померании. т. е. Привислянский район, заселенный впоследствии, к концу V в. н. э., славянскими племенами лехитской группы (хижане, лютичи, поморяне — кашубы). Если исходить из этого совершенно определенного показания источников, то в поисках «страны антов» нам незачем обращаться к южной Германии уже потому, что это будет не восток от бургундов, а юг или юго-запад.

Начиная с 40-х годов VII в., анты подвергаются нападениям хазар, подчинивших себе сначала славянские (антские) племена на восток от Днепра, а позже и полян на правом его берегу [29]. По теории А. А. Шахматова, усвоенной и проф. Л. Нидерле, анты под нажимом авар и хазар отступили во внутрь России на Дон и Оку, в район, где в X—XII вв. сидело сильное славянское племя вятичей.

Так представляла себе исторические судьбы антов старая наука, исходившая из представления об антах как об одном командном племени, игравшем господствующую роль в ряду соседних восточно-славянских племен. Мы же рассматриваем антов этнографически как целый комплекс восточно-славянских племен, конкретный племенной состав которого обрисовался несколько позже, предположительно с VIII в., в том виде, как о нем говорит киевский летописец. Этот комплекс племен целиком или частично входил в антский военно-демократический союз племен, имевший во главе мощную военно-дружинную организацию, возглавлявшуюся вождем, вроде уже известного нам Божа, погибшего в 376 г., или Межамира, убитого аварами в 558 г., или, наконец, Маджака, он же Μουσωκος византийских источников («Мужик»?), упоминаемого арабским историком Масуди, убитого византийскими войсками на Дунае в 593 г.

3. Готы и восточные славяне

Согласно приведенным выше данным, воспроизведенным Йорданом на основании имевшихся в его руках источников, ныне утраченных, анты уже в IV в. н. э.

подверглись нападению г о т о в, или, как они сами себя называли, г у т о в.

Кто такие были готы, откуда и как они появились на территории антов, какова их подлинная роль в истории восточного славянства, и т. п.,—все это до последнего времени оставалось неясным ввиду отсутствия достаточно надежных источников. Имеющиеся в нашем распоряжении показания Йордана требуют сугубо критического отношения. Они зачастую основаны на легендах, на явном вымысле, смешивают готов с гетами и относят к готам все, что древние писатели говорят о «скифах». Из истории готов, как она дана у Йордана, следует отбросить всю легендарную часть, которая говорит о Скандинавии (остров Скандзия) как о прародине готов, и затем о их миграции в III в. из Прибалтики на юго-восток в славянское Причерноморье. Ни один из древних писателей, знающих здесь готов в III и IV вв., ничего не говорит о приходе их с севера. Не говорят об этом и археологические данные. Поэтому г о т о в в Причерноморье следует рассматривать так, как их рассматривали древние, т. е. как м е с т н о е в а р в а р с к о е н а с е л е н и е. С этой точки зрения выступление готов в Причерноморье (нападение готского короля Винитара на антов), приурочиваемое Йорданом к IV в. н. э., следует рассматривать лишь как выступление одного из местных племен в роли хозяйственно и политически окрепшего, командующего племени или социального слоя в союзе племен. «Появление готов в северном Причерноморье, — говорит историк, — отнюдь не означает полную смену населения этой территории, а только выдвижение на первый план какого-то нового этнического элемента, занявшего ведущее положение в местном причерноморском обществе... Писатели III и IV вв. называют варваров, живущих за Дунаем к северу и далее до Танаиса, скифами или сарматами, или же говорят о них как о тех, кого «мы называли скифами и которые теперь именуются готами». Оба эти термина — скифы и готы — выступают как собирательные, относящиеся к объединению племен, а не к отдельному племени» [30]. Интересно отметить, что имя завоевателя антов, остготского короля Винитара, некоторые исследователи сближают с племенным наименованием в е н е т о в (Маркварт).

Говоря о движении готов с северо-запада на юго-

восток, Йордан показывает, что они пришли в богатый, но изобилующий болотами край Ойум, вдоль которого протекала какая-то бурная река. Эту реку некоторые принимают за Днепр или Припять, в связи с чем загадочную страну Ойум объясняют как Волынь или Киевскую область или же левобережье среднего Днепра на юг от впадения в него Десны. Проф. Браун и акад. Грушевский отождествляли Ойум с Волынью, а акад. Шахматов — с Припятским краем. Проф. Нидерле склонен принимать за страну Ойум край по обе стороны среднего Днепра.

Согласно показаниям источников, восточные приднепровские готы, грейтунги (остроготы) в своем продвижении на юг достигли Черноморского побережья, откуда предпринимали набеги на Кавказское и Малоазиатское побережья и подчинили себе Боспорское царство в Крыму. Административным же центром готов оставался какой-то город на Днепре. Имя этого города, по дошедшим до нас источникам, было Danaprstadir. Некоторые склонны считать, что это был Киев или какое-либо другое укрепление на Днепре, поблизости от Киева, вроде Княжей горы у Канева, Жарища у Черкас и т. п. Основанием для этого служат богатейшие следы так называемой «готской» культуры, открытые в названных выше районах на Днепре, но главным образом в Пантикапее в Крыму.

Другая часть готов, так называемые западные, приднепровские готы, тервинги (везиготы) двинулись в юго-западном направлении вдоль Днестра к Дунаю, в районы римской Дакии, Мёзии, Балканского полуострова и далее на юг, на острова Эгейского моря и Малоазийское побережье. В этих «готских походах» принимали участие не только дружины собственно готского союза, но и другие варвары северного Причерноморья и северных придунайских районов (фракийцы — карпы и геты, певкины, бастарны и др.).

Во главе восточных готов в середине IV в. стоял король Германарик, или Эрманарик (умер в 376 г.). Мы называем это имя потому, что Йордан, заведомо преувеличивая действительное положение вещей, говорит, что Германарику были подчинены не только готы и приазовские герулы, но и ряд финских племен — весь, меря, чудь, мордва и другие, а также эсты и славяне («венеты, анты и склавены»).

Как бы то ни было, во всяком случае не подлежит сомнению, что в конце III и в начале IV в. русские славяне в течение приблизительно 150 лет не только входили в состав обширного готского союза, но составляли основное ядро его населения. Надо полагать, что они в значительной мере пополняли и рядовой состав «готского» войска, потому что видеть в готах какой-то неиссякаемый в походах и боях вооруженный народ мы не имеем никаких оснований. «Готы» — это была, прежде всего, дружина, т. е. военный отряд во главе с военачальником-королем типа тех военнодружинных объединений, содействовавших возникновению королевской власти, о которых говорит Энгельс [31]. Нет никакой надобности предполагать в готах каких-то, выражаясь языком Н. Я. Марра, «пришлых молодцов», наложивших свою властную руку на русских славян. Военные дружины — это характерное явление для всякого родового строя, в том числе и для славян, на известном этапе развития этого строя. В эпоху Цезаря «эти частные объединения у германцев, — говорит Энгельс, — стали уже постоянными союзами. Военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя толпу жаждущих добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Вождь содержал и одаривал их, устанавливал известную иерархию между ними; для незначительных походов служили отряд телохранителей и всегда готовое к бою войско; для более крупных существовал готовый кадр офицеров. Как ни слабы должны были быть эти дружины и как ни слабы они действительно оказываются, например, позже у Одоакра [32] в Италии, все же они послужили зародышем упадка старинной народной свободы и такую именно роль сыграли во время и после переселения народов. Ибо, во-первых, они содействовали появлению королевской власти; во-вторых, как уже замечает Тацит, они могли держаться только путем постоянных войн и разбойных набегов. Грабеж стал целью. Если вождю дружины нечего было делать в ближайших окрестностях, он направлялся со своим отрядом к другим народам, у которых происходила война и можно было рассчитывать на добычу; германские народы, которые большими массами сражались под римским знаменем даже против германцев, состояли отчасти из таких дружин. Система военного наемничества, позор и

проклятие германцев, имелась уже здесь налицо в своих первых проявлениях. После завоевания Римской империи эти дружинники королей образовали, наряду с несвободными и римскими придворными, вторую из главных составных частей позднейшего дворянства» [33].

Приведенные слова Энгельса прекрасно вскрывают, в частности, и подлинную сущность так называемых готов и их историческую роль в судьбах восточного славянства. Это была дружина с военачальником во главе, выдвинувшаяся из среды местного населения, разбившая своих предшественников — антский союз и его верховное правительство и подчинившая себе группу окрестных племен. Вероятно, готы первоначально не составляли даже особого племени в ряду окружавших их варварских племен, а представляли собой межплеменное военнодружинное объединение, складывавшееся постепенно в недрах племенных и межплеменных отношений.

Затем это объединение путем насильственного подчинения и добровольного включения окрестных племенных образований выросло в мощный союз племен, имевший своею восточной границей р. Дон. Однако, начиная с 370 г., этот союз стал подвергаться ударам надвигавшихся с востока гуннов и вскоре прекратил свое существование. Король восточных готов, Эрманарик покончил жизнь самоубийством, а его преемник, Витимир, пал в битве. Готские вожди со своими дружинами бежали на запад, а народ, остроготы, попал под власть гуннов.

Вслед за остроготами были разбиты на Днестре и везиготы, нашедшие затем себе в 376 г. приют за Дунаем, в Мёзии. Там они попали в обстановку разлагавшейся рабовладельческой Римской империи и вынуждены были, объединившись с рабами и колонами, бороться за свое существование. Временами Риму удавалось привести варваров в подчинение, наладить с ними добрососедские отношения и даже использовать их с успехом в своих военных предприятиях. Но в 395 г., после смерти Феодосия, везиготы под предводительством Аларика вновь подняли восстание против восточно-римского правительства и безнаказанно грабили Балканский полуостров. Путем уступок готам Аркадий, сын Феодосия, сумел привести Аларика к повиновению, ли-

квидировать восстание везиготов и поселить их в Иллирике. Вскоре приближение наступавших к Дунаю гуннов заставило Аларика двинуться в Италию. В 410 г. при поддержке огромной массы восставших рабов готы занимают Рим и предают его разграблению. После смерти Аларика везиготы под предводительством его преемника, Атаульфа, проникают в южную Галлию, где в 419 г. и оседают в Аквитании на правах федератов империи.

Что представляет собою готский язык, об огромном вкладе которого в славянские языки так любят говорить обычно все буржуазные лингвисты? «Готский вопрос, — замечает Н. Я. Марр, — один из основных в истории Восточной Европы. Без его разрешения или хотя бы правильной постановки его решения, думается, этнологическая проблема народов европейского Востока едва ли сдвинется с места, на котором она застряла. Положение с готским вопросом хуже, чем то было и остается с русским. Касательно русских возникло сомнение, правда ли они явились с севера; кое-кто отстаивал и юг, как так называемую «прародину» русов... Касательно же готов и таких вопросов не видим, ни у кого не возникает никаких сомнений, что они изначально германцы, и на этом зиждется полное спокойствие. Готы — германцы и только. Одно время предполагалось даже, что их речь — германский «праязык», но от этого отказались...» [34].

Цитируемая выше блестящая работа Н. Я. Марра, посвященная изучению готского языка, окончательно вскрыла вздорную сказочность легенды о северном происхождении готов и одновременно с максимальной убедительностью разрушила вторую легенду о том, что готы — германцы. Огромный материал, использованный Марром при исследовании готской проблемы, помог разрешить ее в совершенно новой плоскости. Он показал, что племенное название готов, «известное за ними с момента их появления на северном Черноморье», тотемистически связано с ними, готами же, притом вовсе не на германской, а на до-германской почве. Тем же своим племенным названием готы, и прежде всего черноморские готы, через скифов, двойниками которых они оказались, увязаны с архаическими насельниками Кавказа и с более молодыми, средневековыми народностями, в том числе грузинами, у которых в народной,

более древней речи удостоверена общность слова для термина «бог» с германцами.

При этом оказалось, что фонетически именно готская разновидность слова «бог» — guϑ), а не немецкая или английская «почти тождественна с основой грузинского народного слова ğu—ϑa (родительный падеж ğuϑ—is) «бог».

Племенное название готов gu-ϑ ←→ go-t имеет, по Марру, своим двойником go-g, resp. gu-g, которое сохранилось на Кавказе с окончанием множественного числа -ar: армянское gu + g = ar + q, по-гречески go + + g — ar + en — e. Это — г о г и с м а г о г а м и библейских текстов до-ассирийских источников, отождествляемые обыкновенно со скифами; это — г у г а р ы, г о т а р ы, т. е. г у г и или г о г и — «этническая среда выработки грузинской социальной формации, грузинской национальности, древнейший этап в этом исторически важнейшем для Кавказа процессе, породившем к а р т о в, или к а р т в е л о в, с их древнейшим национальным героем Gorg'ом, или Gurq'ом, переработанным иранизованной общественностью в персидский Gorgasar».

Этим мы здесь и ограничимся. Огромный материал, использованный Н. Я. Марром не для разрешения во всем объеме, а лишь для предварительной наметки разрешения готской проблемы, привел исследователя к заключению о наличии «связи готского с звуковою речью населения Кавказа яфетической системы, особенно с языками шипящей группы с оканием, именно мегрельским и чанским, но также грузинским»... Родство причерноморских готов с о «скифоидными сородичами», такими же причерноморскими, как сами готы, ведет нас к скифам-сколотам (skot ←→ skuϑ) В связи с этим, в частности, стоит грузинское kolt — «стадо», первично тот или иной животный вид — «лошадь», «свинья»; армянское koyt←→kuyt, древне-северное go-ti — «конь»;— «собственно его, — говорит Марр, — должны бы найти прежде всего у готов или скифов». И совершенно правильно, замечает Марр, некоторые «сопоставляют готов с (этим) древне-северным словом, причем напоминают о рассказе Йордана, что готы были когда-то выкуплены ценой одной лошади». Тот же «скиф» sku — ϑα и skol-ot продолжает жить в русском «золото» и во всех его разновидностях, как-то: суоми — kulta, немецкое gold ← kolt, чувашское ə'ltan из * ultan, турецкое altun,

и в значении «скота», «стада» — грузинское kolt — «стадо»; армянское koyt — «стадо», «куча»; чувашское kёtü «стадо»; русское «скот», означающее не только «скот», как грузинское kolt и армянское koyt — «стадо», но и «имущество», «деньги» [35].

Несомненная связь языка причерноморских готов с яфетическими языками скифоидов — кавказцев, мегрелов и чанов, а также с грузинским и скифским языками ведет нас к готам-скифам, т. е. в ту же социальную среду, с которой органически связаны в частности и яфетиды-протославяне. В названии готов gu-ϑ ←→ go-t и его двойника go-g, resp. gu-g (см. выше) Н. Я. Марр видит «разновидность скифа». В другом месте Марр говорит: «готы — превращение скифов и связаны теснейшим родством с исконным населением Кавказа, его древнейшими и древними и даже средневековыми народами и народностями, так называемыми яфетическими».

Известно, что у днестровских везиготов было распространено христианство, и что некий епископ Ульфила, или Вульфила, в IV в. н. э. перевел культовые книги на готский язык, который до последнего времени некоторые склонны были считать чуть ли не прагерманским языком. Сейчас мы знаем, что Ульфила (Вульфила, 311—383 гг.) был выходцем из Каппадокии, т. е. не готом по национальности. И другие пионеры христианства у готов, как, например, Евтих, также не были готами. Имя Ульфилы («волчонок», «волк») не представляет собою ничего специфически готского, но есть обычное название у всех народов, в частности у грузин, мегрелов и других. Марр замечает, что «христианство при своем первом появлении застает массовое население и Каппадокии, и Армении, и Иберии-Грузии, увязанное тотемически с предшественниками хетитами и халдами:..», причем «конкретное слово wol-f ←→ готское wul-f с его русским двойником «вол-к» до-германского, как и до-славянского происхождения». Наконец, язык переводов Ульфилы, дошедших до нас в рукописях V—VI вв., изготовленных в Италии, не представляет собою готского языка III—IV вв. По определению специалистов, это — «типичный литературно-письменный язык феодализирующейся остроготской знати, сложившийся в результате ее сращивания с господствующими слоями Византии и Италии и существенно

отличный от того «междуплеменного» готского языка, который бытовал в готском и гуннском союзе».

После всего сказанного для нас становится ясным, что мы должны совершенно иначе поставить и вопрос о так называемых готских заимствованиях в славянских языках. Их нужно рассматривать не как заимствования, а как яфетический вклад, общий для так называемого «готского» и славянских языков.

Так же точно мы разрешаем и вопрос о так называемой «готской культуре» и «готском стиле», которым характеризуется довольно значительная полоса в истории материальной культуры нашего Поднепровья и Причерноморья. На основании обширного археологического материала можно заключить, что так называемая «готская культура» вовсе не есть нечто принесенное извне на территорию восточного славянства. Наоборот, это есть продукция творчества местного населения, известная не только здесь, но и далеко за пределами Поднепровья и Причерноморья — на Алтае, в Казахстане, в Поволжье, на Северном Кавказе, в Сибири и пр. еще до образования готского союза племен. Расцвет же ее относится ко времени уже после распада готского союза, т. е. ко времени образования гуннского союза. «Но и тут, — замечает историк, — нужно говорить не о роли гуннов или готов, как таковых, а о длительном процессе, происходившем в местном обществе благодаря постоянному и несомненно плодотворному соприкосновению и взаимодействию мира варваров с миром античного рабовладельческого общества причерноморских колоний.

Носителями этой культуры были племена, входившие в состав как сарматского, так и аланского союза, затем готских племенных союзов и, наконец, гуннского племенного союза. Создание последнего крупного межплеменного объединения несомненно способствовало укреплению тех элементов культуры, которые уже ранее здесь сформировались, и распространению этой культуры далеко за пределы припонтийских степей» [36].

Характеризуя так называемую «готскую культуру» в целом, специалист-историк приходит к заключению, что «появление готов в северном Причерноморье никакого отражения в археологических памятниках не получило и никаких коренных изменений в культуре населения Причерноморья не произвело. Элементы сходства

культуры Поднепровья и Средней Европы, какие со всею очевидностью выступают в первые века нашей эры, говорят не о влиянии германцев-бастарнов или готов, а о сложении этнографической общности у населения всей этой обширной территории, в связи с чем здесь и возникает новое этническое образование — славяне».

III

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

Славяне уже с первых веков нашей эры занимали обширные пространства на территории Центральной и Восточной Европы [от р. Дона и верховьев рр. Оки и Волги — на востоке и до р. Эльбы (славянское Лаба) и бассейна ее притока — р. Заалы — на западе; от Эгейского моря, северного Причерноморья и Приазовья — на юге и до Балтийского побережья и Ладожского озера — на севере]. По языку, обычаям и всему укладу своей жизни славяне, составлявшие в целом один народ, делились на множество разрозненных племен. Эти племена иногда вступали в союзные объединения, из которых с течением времени в некоторых случаях складывались *союзы племен*. В таком именно состоянии история застает славян задолго до образования у них, начиная с VII—IX вв., первых государственных объединений.

Разнородность обстановки исторического развития древних славян на востоке, юге и западе занимаемой ими обширной территории, в своеобразном для каждого из названных районов культурном, политическом, экономическом и этнографическом окружении, привела славянские племена с течением времени к естественному территориальному обособлению и территориальным племенным группировкам. В результате этого образовались три большие территориальные группы славянских племен — восточная, южная и западная. Со времени возникновения у славян первых государственных объединений три основные племенные группы значительно разошлись в своем политическом и культурном развитии. Это находилось в тесной связи с международным политическим, культурным и хозяйственным окруже-

нием каждой из них. Так возникли современные три группы славянских народов: восточные славяне (великороссы, украинцы и белоруссы), западные славяне (чехи, словаки, сербы-лужичане, поляки и поморские кошубы со словинцами) и южные славяне (словенцы, хорваты, сербы, македонцы и болгары).

1. Племенной состав

Древнейший наш исторический источник «Повесть временных лет», или так называемая Несторова летопись, составленная в 1112 г., дает совершенно определенную картину этнографического состава восточнославянского населения в VIII—X вв.

1. В районе среднего течения р. Днепра, на правом его берегу вплоть до р. Роси, живут поляне; их административно-организационный, торговый и культурный центр — г. Киев.

2. К северу и северо-западу от полян, вплоть до р. Припяти, в бассейне притока р. Днепра — р. Тетерева и притоков р. Припяти — рр. Уши, Славечны и Уборти, т. е. на территории Волынской области, живут древляне, или деревляне, имея своими городами Искоростень и Вручий (Овруч).

3. На левой стороне р. Днепра, против полян, в бассейне рр. Сулы, Десны и Сейма, в Черниговской и Полтавской областях живут северяне, или север, с городами: Переяславлем, Новгород-Северским, Курском, Черниговом.

4. Севернее древлян, за Припятью и вплоть до Западной Двины на севере живут дреговичи, имевшие своими городами Слуцк, Клецк и Друцк.

5. К востоку от дреговичей, между верхним течением Днепра и рекою Сож, в пределах Могилевской области, живут радимичи; о них Начальный летописный свод (конец XI в.) сообщает: «быша от рода ляхов, прешедше ту ся вселиша».

6. Севернее радимичей, в самых верховьях рр. Днепра и Западной Двины, в Псковской области, живут кривичи; их города — Изборск и Смоленск.

7. К западу от кривичей, севернее дреговичей и радимичей, по среднему течению р. Западной Двины, живут родственные с кривичами полочане (город Полоцк).

8. Севернее полочан и кривичей, в бассейне оз. Ильменя и р. Волхова в Новгородской области, живут словене (город Новгород).

9. Верхнее и среднее течение р. Оки с ее бассейном занимают вятичи, отождествляемые позднейшими летописцами с рязанцами. По предположению А. А. Шахматова, вятичи ранее сидели южнее, в бассейне р. Дона.

10. В бассейне верхнего течения р. Западного Буга, а также правых притоков р. Припяти живут бужане, они же велыняне, или волыняне; раньше здесь жили дулебы; в конце VIII или в начале IX в. дулебы переселились за р. Припять в область дреговичей.

11. В бассейне р. Днестра, между рр. Бугом и Днестром, вплоть до устьев р. Дуная и побережья Черного моря, живут угличи, или уличи, и тиверцы; уличи имели своим городом Пересечен (сейчас с. Пересечина в б. Оргеевском уезде Бессарабии).

12. В бассейне р. Днестра на территории позднейшей Галиции живут хорваты, тоже причисляемые летописцем к русским славянам [37].

Названные выше племена, образуя в целом русский народ, не были, конечно, отгорожены друг от друга непроходимыми стенами или строго изолированы в своих районах без каких бы то ни было связей между собой. Процесс сложения племенных образований и языков, как мы уже знаем, испокон веков протекал именно в порядке племенных скрещений. Племенной состав русского народа, как он отражен на страницах летописи, представляет собой лишь один из этапов истории его этнографического становления. Данному этапу предшествовал длительный процесс сложения первичных племенных образований на той же территории, уходящий корнями в далекое прошлое, исчисляемое десятками тысяч лет. Равным образом, данным этапом племенного становления и не заканчивался процесс сложения великого русского народа. Наш народ вырастал из межплеменных скрещений, растворявших предшествовавшее племенное наследие в новом племенном образовании.

«Сам термин «славянин», как и «русский», — замечает Н. Я. Марр, — равным образом не вклад исторических эпох в пределах России. В формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное доисторическое

население должно учитываться не как источник влияния, а как творческая материальная сила формирования: оно послужило в процессе нарождения новых экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещения фактором образования и русских (славян) и финнов. Доисторические племена, следовательно, — по речи все те же яфетиды, одинаково сидят в русских Костромской губ., как и в финнах, равно и в приволжских турках, получивших вместе с финнами доисторическое праурало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется, — более раннее, чем индоевропейцы получили из той же доисторической этнической среды свое праиндоевропейское оформление, но конкретные народы — русский, финский и турецкий — Приволжского района можно располагать хронологически в порядке лишь событий исторического значения, но отнюдь не в смысле явлений этногенического характера, поскольку речь идет о генезисе новых видов. Происхождение новых исторических видов протекало путем отнюдь не влияния, а неизбежно возникавшего, на экономической базе концентрации этнических масс, скрещения многочисленных видов доисторического типа, до нас вовсе не дошедших в совершенно чистом виде во всем обширном районе, если даже не забывать о чувашах» [38].

Прекрасную иллюстрацию этого основного положения Н. Я. Марр приводит, между прочим, в статье «Чуваши-яфетиды на Волге». В этой статье, посвященной вопросу о русско-финских языковых отношениях, содержится в частности интереснейший анализ слова «юг», которое имеется сейчас в финском и русском языках и ошибочно рассматривалось до последнего времени в старой этнографической и лингвистической науке как «доказательство когда-то бывшего сплошного инородческого (подразумевай—финского) населения края» [39].

Итак, племя — «это определенное скрещение ряда племен, собственно племенное образование, по признакам классового производства, классовое образование...» [40].

«Это построение одной из входивших в его состав производственно-социальных группировок, с которой и переносилось на все племя ее название, оно же — звуковая сигнализация магической силы, оси соответственного объединения...» [41].

Возвращаясь к племенному составу восточного славянства в VIII—X вв., как он рисуется летописью, необходимо отметить несколько фактов, подчеркиваемых летописцем. Факты эти отчасти вскрывают процесс фор-

Рис. 3.

мирования племенных образований. Это, во-первых, показание летописи о дулебах. Раньше они жили по Бугу, — говорит летописец, — где ныне живут волыняне, называвшиеся прежде бужанами. Известно,

что в конце VIII или в начале IX в. дулебы выселились с правого берега р. Припяти (нынешняя Украина) на левый, в область дреговичей, т. е. на территорию нынешней Белоруссии.

Во-вторых, говоря о радимичах, которые жили между верхним течением р. Днепра и р. Сожем, т. е. в восточных районах нынешней Белоруссии, летописец дважды отмечает их ляшское происхождение. Появление выходцев с запада, радимичей, в области дреговичей А. А. Шахматов ставил в связь с распадом аварской державы (IX в.) и продвижением авар после разгрома их франками во главе с Карлом Великим и его сыном Пипином, начиная с 791 г., на северо-восток и восток. В связи с этим появление племени радимичей в области дреговичей А. А. Шахматов (без всяких колебаний называющий радимичей ляшским племенем) относит к IX в. Под давлением аварского гнета тогда же ушли с Волыни за р. Припять в область дреговичей и дальше в бассейн Западной Двины и р. Великой и дулебы. На это движение дулебов с Волыни и Галиции, первоначального места их поселения, на север, в нынешнюю Белоруссию и примыкающие к ней с севера псковские районы, указывает, по А. А. Шахматову, название селений «Дулебы», с одной стороны, на Волыни и в Галиции, с другой — в Белоруссии и в б. Псковской губ.

Оседание «ляшских», по Шахматову, племен в области дреговичей, т. е. на территории русских племен, прадедов нынешнего белорусского языка и белорусского народа, объясняет наличие в современном белорусском языке ряда условно называемых ляхизмов вроде свистящего произношения мягких **т** и **д**. Таким же путем «ляшские» элементы проникли и в восточно-славянский язык западной отрасли кривичей (древне-псковское наречие): смешение звуков **ш** и **с**, **ж** и **з**, **ч** и **ц** (польское «мазуpаканье»), польские сочетания **дл** и **тл** вместо восточно-славянского звука **л** (ведли, откуда вегли вместо вели; жадло, откуда жагло вместо жало и т. п.).

Таким образом, в среде племен, составлявших единый русский народ (восточные славяне или русские славяне), уже в IX в. возникают в процессе межплеменных скрещений зародыши позднейшей языковой диференциации. Мы не говорим уже о том совершенно есте-

ственном факте, что отдельные восточно-славянские, т. е. русские племенные языки испокон веков имели свои диалектические отличия потому именно, что племенные образования и их языки всегда возникают в процессе межплеменных скрещений. Возникающие же вновь племенные скрещенности, т. е. новые племенные образования, как и их языки, всегда хранят пережиточно и культурное наследие своих предшественников.

2. Этруски-расены и русский язык

Мы уже знаем сейчас, что предшественниками русского народа, как и его языка на всей занимаемой им сейчас территории, были народы глубокой древности, стоявшие в своем культурном и языковом развитии на до-индоевропейской или яфетической стадии развития. На юге и юго-востоке европейской части нашего Союза в первом тысячелетии до нашей эры это были киммерийцы, они же кимеры или иберы, затем скифы и сарматы, известные древнегреческим авторам, начиная по крайней мере с V в. до н. э. Названными народами не исчерпывается, однако, весь этнографический состав населения восточноевропейской части нашего Союза в древности. В него входили также этруски и некоторые другие народы.

Работы Н. Я. Марра вскрыли в недрах русского языка огромное этрусское наследие, или этрусцизмы, притом в составе наиболее коренных русских слов.

Этрусским наследием в русском языке являются, например, следующие термины:

«а) названия первых животных передвижения — собака — «лайка» (отсюда «лай», «лаять»), конь — «**лошадь**», олень — «**лось**»,

б) космические термины — рай, радуга, рок, рокот (от «неба», «грома»), луна, луч, ручей, река и т. д.,

в) микрокосмические — глаз, рот («утренняя заря»), основа в глаголах рождать, расти и др.,

г) социальные термины (в числе их и возрастные, равно термины родства) — раб, отрок, ребенок..,

д) технические — рука, ремесло, рыть (ср. ров), рушить,

е) надстроечные понятия — рад, ропот, речь и т. д.,

ж) прилагательные — румяный, рыжий и т. д., не говоря о множестве глаголов» [42].

Обширные палеонлингвистические изыскания привели Н. Я. Марра к заключению, что русский язык, как он ныне разъясняется палеонтологией речи, «... вопиет против совершенно наивной мысли будто спорный некогда термин (т. е. термин Русь — Н. Д.) занесен к русским с германского севера или вообще является генетически, а не в широком его исторически известном применении, вкладом каких-то заезжих молодцов, чуждых автохтонному* процессу возникновения и развития русского народа...».

«В самом племенном наименовании рус, русский, — говорит Н. Я. Марр, — мы имеем отложение племенного наименования этрусков-расенов, как оно же отложилось в племенном наименовании древнего народа на территории СССР — роксоланы (рокс-аланы) у Страбона» [43].

По определению Н. Я. Марра, к этрусцизмам в русской речи относятся также слова: речка, лес, рог, рок, рожь, род, народ, рост, рос || рус, Русь, русский, г. Руса, река Рог и его приток Русская, р. Рытая, на которой расположено Русино || Росино, р. Рось, р. Полоть, р. Порусье, р. Редья, древнее наименование р. Волги — Ра (Rha); гг. Кречево, Рязань, Ряжск, Ржев, Ростов и др., а также: русло, рука, сравнительная степень — лучше, тризна, краса, красный, красить, кресать (высекать огонь), рад, радоница←→радуница, рожать, ржать и др.

В частности, по характеристике Н. Я. Марра, этот племенной состав, этрусский или расенский или проще... русский или расский, и характеризует классовую организацию строителей древнейших городов на Руси [44].

По определению Н. Я. Марра, этруски, они же руши, и пелазги — это русские яфетиды, т. е. один из элементов того языкового субстрата или той речевой базы, на которой вырос впоследствии славянский русский язык в составе великорусского, украинского и белорусского языков. Приведенные выше этрусцизмы в одинаковой мере присущи всем названным трем языкам, а не только одному великорусскому. Это дает нам, между прочим, основание говорить об общности этнического и культурного субстрата, лежащего в основе ве-

ликорусского, украинского и белорусского языков, и называть восточных славян именно русскими славянами.

Этрусцизмами, однако, не исчерпывается богатейший вклад яфетического наследия в трех названных языках, выросших в далекое доисторическое время на одном и том же общем речевом субстрате. В этих языках одинаково представлены отложения и других доисторических, т. е. яфетических племен-народов на территории СССР, возникших в результате многовекового сожительства народов друг с другом и в процессе племенных скрещений. Яфетическим наследием в русском языке, помимо отмеченного выше, являются также следующие слова: бог, истукан, солнце, слеза, журчать, шуршать, сулить, посылать (соответственно — посулы и посол), юг, день, жена, сети, первый, бег, берег, смерть, смердь, смерды, сумерки, смелый, месяц, серебро, целый, чело, дерево, дергать, держать, дерзкий, тень, конь (украинское кiнь), бор, мор, морда, муравей, буря, бушевать, гнать, тонуть, вор, ворог, время, ворожей, ворожить, волхв, скоморох, чумак (первоначально — купец), товар, кабак, чумарка и многие другие, а также имена рек: Дон, Днепр, Днестр, Дунай; Хвалынское (Каспийское) море; имена городов — Пермь, Бежецк, Березань, Кострома, Муром, Кинешма, Псков, Киев и др.

Огромный яфетический вклад содержат русские легенды и фольклор, например известная легенда об основании Киева тремя братьями (Кий, Щек и Хорив); легенда о призвании братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора. В частности в этих трех именах Н. Я. Марр предполагает имена тотемных божеств у доисторических народов Новгорода и Волжско-Камского района. В то же время это племенные названия: Рюрик — «Рус», Синеус — скрещенный термин «ионорус», Трувор — «сармат».

С этим культурным наследием народ, в ближайшем будущем — русский народ (великороссы, украинцы и белоруссы), в начале нашей эры вступал в историю сначала под именем венедов или венетов, а позже, начиная с VI в. н. э., под именем венедов, славян и антов.

К сказанному прибавим, что С. Гедеонов в своем классическом труде «Варяги и Русь» утверждает, что

«от Волги — Рось и до Куришгафской Русны все пространство земли, занимаемое славянскими и родственными им по языку литовскими племенами, покрыто реками, носящими названия Рось, Русь, Роса, Руса». Автор приводит много таких названий. Наименования рек Волга — Рось, Неман — Рось, Оскол — Рось и т. д. явно указывают на исконное значение термина рось — «вода», «река» вообще; в кельтском rus, ros — «озеро», откуда и имя речного божества или нимфы воды — русалка, и праздник русалии, и ручей, и русый — светлый, и русло — «и русло, и русалка от речного, священного Русь» [45]. Отголоском языческой старины Гедеонов считает и народное выражение святая Русь или, как это мы имеем, например, у Курбского, «святорусская земля».

С этногенетической точки зрения использование термина русь в значении «вода» и одновременно в качестве племенного наименования совершенно закономерно. Ведь мы знаем, что у западных славян термин Морава используется для наименования и реки и народа. Отметим кстати, что в последнем случае наименование тотемного божества отложилось в имени героизированного и историзированного южно-славянского кралевича Марко, по изначальному происхождению — бога реки.

3. Славяне — русь

Киевский летописец, перечисляя восточно-славянские племена, не назвал среди них руси. Между тем, в повествовании это племенное наименование фигурирует у летописца очень часто, причем племенной термин русь служит летописцу и для наименования страны, населенной русью.

Так, например, под 6374 г. читаем: «Цесарю же отшедшю на Агаряны, и дошедшю ему Черныя рекы, весть епарх посла ему, яко Русь на Цесарьград идуть, и вратися цесарь». Под 6415 г.: «И рече Олег: ищиите пре паволочиты Руси, а Словеном кропиньны».

В договоре Олега с греками от 6420 г. сказано: «... и по повелению от великого князя нашего и от всех, иже под рукою его сущих Руси»; «аще ли таковая лодия, ли от буря, или боронения земьнаго боронима, не можеть возвратитися в своя си места; сопотружаемся

гребьцем тоя лодия мы, Русь, и допровадим ю с куплею их посдраву...»; «Се бо токмо Словеньск язык в Руси: Поляне, Древляне, Новгородьци, Полочане...»; «и есть притьча в Руси и до сего дьне: погыбоша акы Обри...». В договоре Олега с греками 911 г. (6420 г.) говорится: «Аще злодей возвратится в Русь, да жалують Русь хрестияньскому цесарьству, и ят будет таковый, и возвращен будеть, не хотяи, в Русь»; «И да не имеють власти Русь зимовати в устии Днепра, Белобережии, ни у святаго Евферия; но егда придеть осень, да идуть в домы своя, в Русь»; «Темь же из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы...» и т. п.

Собирательному племенному наименованию р у с ь соответствует единичное р у с и н: «О семь, аще кто убиеть или хрестияна Русин или хрестиян Русина, да умреть, идеже аще сотворить убийство» (договор 6420 г.). Прилагательные, производные от племенного наименования р у с ь: Р у с ь с к а я з е м л я; «А Днепр втечеть в Понтьское море трьми жерелы, еже море словеть Руськое...»; «А Словеньск язык и Руськый един есть...», «и потом даяти уклады на Руськыя грады...»; «Мы от рода Руськаго: ... иже послани от Олега, великого князя Руськаго...»; «Цесарь же Леон почьсти слы Руськыя дарми...»; «И великий князь наш Игорь и князи и боляре его и людие вси Русьстии послаша ны к Роману и к Костянтину и к Стефану...»; «И иже помыслять от страны Руськыя раздрушити таку любовь...» и т. п.

Исследование вопроса о значении термина р у с ь с несомненностью установило, во-первых, что «имя Руси, как н а р о д н о е, принадлежит всем племенам союза восточных славян; как п л е м е н н о е — одному только югу»; и во-вторых, что «имя с л о в е н, исключительно п л е м е н н о е, принадлежит только Новгороду и его области: на Руси оно никогда не имеет общего значения народного с л а в я н е» [46]. Поэтому, когда летописец рассказывает о событиях и лицах, связанных с севером и северными племенами, среди последних отсутствует р у с ь. Так, например, рассказывая о выступлении Олега из Новгорода, летописец пишет: «В лето 6390. Поиде Олег, поим воя многы: Варягы, Чюдь, С л о в е н ы, Мерю, Весь, Кривиче...»; «И придоста к горам Кыевьскым...» и т. д.

Р у с ь в этом списке племенного состава олеговой

армии отсутствует. Но вот Олег водворился на княжение в Киеве, и летописец пишет: «и рече Олег: се, буди мати градом Руськым». «И беша у него Варязи и Словене, и прочии прозвашася Русию».

Другой случай: Владимир выступает из Новгорода: «Володимер же собра вои многи, Варяги и Словени, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогволода» (Лавр., 32). О руси и в данном случае нет ни слова, но когда летописец рассказывает, например, о выступлении Игоря из Киева на греков, то в составе его многочисленного войска из Киева выступает уже и русь: «В лето 6452. Игорь же совокупив воя многы: Варягы, Русь и Поляны, Словены и Кривиче, и Тиверьце, и Печенегы ная». Или — Святополк выступает из Киева: «Пристрои без числа вои, Руси и Печенег»; Ярослав из Киева идет на Святополка: «совокупив Русь, и Варяги, и Словене» (Лавр., 62) и т. д. Таким образом, славянами летописец называет исключительно северные племена, русью — южные племена.

Противополагая в племенном отношении северян — славян южанам — руси, летописец, однако, называет все восточно-славянские племена общим народным именем русь: «Се бо токмо Словеньск язык в Руси: Поляне, Древляне, Новгородци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, после же Волыняне. А се суть инии языци, иже дань дают Руси, Чюдь, Меря, Весь, Мурома...» и т. д. В другом месте летописец подчеркивает: «Тем же Словеньску языку (т. е. славянскому народу) учитель есть Павел, от негоже языка (т. е. от того же народа) и мы есмь, Русь... А Словеньск язык и Руськый един есть...», т. е. славянский народ и русский — это одно и то же. А чудь, меря, весь, мурома, черемисы и пр. — это, говорит летописец, иные народы, платящие дань Руси.

Образуя в целом один народ — русь, все названные выше восточно-славянские племена, по летописцу, составляют и в политическом отношении одну страну — Русь или Русскую землю. «В лето 6420. Посла Олег мужа своя построит мира и положит ряд межю Грекы и Русию...»; «Мы от рода Руського.., иже послани от Олега, великаго князя Руського и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великых князь и его великых боляр к вам, Львови и Александру и Констянтину...»; «Такоже и вы, Греци, да храните такуже любовь

к князем нашим светлым Русьскым и к всем, иже суть под рукою светлаго князя нашего, несоблазньну и непреложьну выину и во вся лета» [47].

Договор, заключенный в 911 г. (6420) киевским князем Олегом с византийским правительством, был договором двух соседних государств. Поэтому в частности и термин русин, употребляемый в этом договоре, обозначал собою не этнографическую единицу, т. е. не единицу того или иного племени, но политическую единицу, т. е. субъекта, принадлежавшего к русской государственности, русского гражданина, без различия его племенной принадлежности. Равным образом и «сълы Русьскые», заключавшие в Царьграде по поручению Олега договор с византийским правительством, явились сюда не в качестве представителей того или иного племени, но в качестве полномочных представителей киевского князя, т. е. были дипломатическими представителями русского государства и русского славянского народа.

«Слышав же се Володимер в Новегороде, — читаем мы в летописи, — яко Ярополк уби Олега, убоявся бежа за море; а Ярополк посадники своя посади в Новегороде, и бе володея един в Руси».

Таким образом, как до летописца Нестора, использовавшего в своем летописании предшествовавшие ему летописные труды и другие источники, так и при Несторе, термином русь обозначались все восточно-славянские племена, входившие в состав обширного славяно-русского племенного союза.

Походы и завоевания киевских князей Олега и Игоря, в частности их походы на Царьград, предпринимавшиеся ими с огромными армиями, достигавшими десятков тысяч вооруженного народа; такие же походы руссов на Каспийское море в X в. (913—944 гг.); договоры Олега и Игоря с греками, которые, «ведутся исключительно от имени Руси, как народа сильного, давно оседлого на своих местах и довольно ясно определявшего свои отношения к соседям»; крупные иноземные торговые сношения, поддерживаемые русскими купцами с Константинополем, с Хазарией, с Поволжьем и далее на восток, — все это доказывает, говорит историк, «что Русь, основавшая наше государство, не была какою-нибудь отдельною дружиной или каким-то родом, который пришел со своими князьями, призванными в

Новгородскую землю для водворения порядка, но это был целый сильный народ, отличавшийся предприимчивым, суровым и властолюбивым характером» [48].

Однако, даже поверхностное знакомство с договорами, заключенными Олегом и Игорем с греками от имени Руси, делает ясным, что между Русью и Византией существовали уже и до этих договоров организованные торговые сношения, и показывает, что эти договоры заключались «на удержание и на извещение от многих лет межю христианы (т. е. греками, Византией) и с Русью бывшюю любовь», а следовательно, показывает, что Русь существовала на Днепре и на Черном море задолго до второй половины IX в., т. е. до эпохи так называемого призвания варягов. Это явствует также и из двух выступлений византийского патриарха Фотия в 865 г., где о р у с а х говорится, между прочим: «эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление их соплеменников и благословно требовали и ожидали кары, равной злодеянию... Их привел к нам гнев их; но за ними, как мы видели, следовала божия милость и отвратила их набег» [49].

По свидетельству арабского писателя Хордадбе, византийский император и царь Хазарии брали десятину с русских купцов. Но Хордадбе писал в эпоху Рюрика и Аскольда. Следовательно, организованные торговые сношения Руси с припонтийскими и прикаспийскими странами существовали задолго до легендарного «призвания варягов», о котором, между прочим, ничего не знают византийские источники, как не знает о нем, в частности, и патриарх Фотий, современник этого события. Напротив, яркая характеристика, которую просвещенный византийский дипломат Фотий дает северным варварам, р о с а м, нахлынувшим тучею на Византию, не оставляет никакого сомнения в том, что этими варварами — росами была хорошо знакомая грекам по предшествовавшим нападениям на Константинополь славянская русь, т. е. русский народ.

Для Фотия — это «народ ничем не заявивший себя, народ непочетный, народ, считаемый наравне с рабами, не именитый, но приобретший славу со времени похода к нам, незначительный, но получивший значение, смиренный и бедный, но достигший высоты блистательной и наживший богатство несметное, народ где-то далеко от

нас живущий, варварский, кочевой, гордый оружием, не имеющий стражи (внутренней), неукоризненный, без военного искусства, так грозно, так мгновенно, как морская волна, нахлынул на пределы наши, и как дикий вепрь истребил живущее здесь, словно траву, или тростник, или посев...» и т. д. [50].

Но не только Фотий называет восточных славян росами (русами) — ὁ Ῥῶς, οἱ Ῥῶς. И другие византийские авторы, современники первых выступлений Руси в Царьграде, знают их под тем же именем ὁ Ῥῶς, множественное число οἱ Ῥῶς. Так, например, Никита Пафлагонянин в жизнеописании патриарха Игнатия упоминает о свирепстве скифского народа рось в окрестностях Царьграда. Константин VIII Порфирородный (905—959), живой свидетель нападений на Византию киевского князя Игоря, заключивший с ним договор и принимавший у себя его супругу Ольгу, много говорит в своих сочинениях о русах, которых он хорошо знал как народ туземный, а не пришлый откуда-либо со стороны, т. е. как восточно-славянский русский народ. Византийский историк Лев Диакон (X в.), описывая войну Святослава с греками и сообщая много интересных подробностей о русах, ничего не знает о появлении их из Скандинавии или откуда-либо из другой страны, но приурочивает их преимущественно к берегам Черного и Азовского морей.

Необходимо отметить, что византийские источники никогда не смешивают руси и варягов, а всегда говорят о них отдельно, причем о руси они говорят раньше, чем о варягах. Не подлежит никакому сомнению также и тот факт, что норманны-варяги и русь, не имевшие ничего общего между собою в смысле племенного родства, состояли на византийской службе, первые — в составе сухопутных отрядов, вторые, т. е. русь — преимущественно во флоте.

Те же варяги-норманны состояли на службе в качестве наемной дружины и у русских князей. Но в России их было больше вначале, чем в Византии, и они принимали здесь более активное участие в событиях, чем в Византии.

Арабские писатели также говорят о славянах и русах, как об одном и том же народе. Так, у Ибн-Хордадбе (60—70-е годы IX в. н. э.) мы читаем: «Что же касается

купцов — русских — они же суть племя из славян, — то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому (т. е. Черному) морю, и царь Рума (т. е. восточно-римской империи) берет с них десятину. А если желают, то ходят на кораблях по реке Славонии (т. е. Волге), проходят по заливу Хазарской столицы (г. Итиль, при впадении Волги в Каспийское море), где владетель ее берет с них десятину. Затем они ходят к морю Джурджана (т. е. Каспийскому морю, собственно, его юго-восточная часть) и выходят на любой им берег... Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад» [51].

Говоря о славянах и руси, арабские писатели всегда выделяют их в особую группу народов и рисуют их быт и нравы общими чертами. Так, у Аль-Масуди (первая половина X в.) мы читаем: «Что же касается язычников, находящихся в стране хазарского царя, то некоторые племена из них суть Славяне и Русы. Они живут в одной из двух половин этого города (т. е. Итиля) и сожигают своих мертвецов с их вьючным скотом, оружием и украшениями. Когда умирает мужчина, то сожигается с ним жена его живою; а если умирает у них холостой, то его женят по смерти...» и т. д. [52].

Тот же автор, рассказывая о том, как в г. Итиле организован суд, говорит, «что в нем бывает семь судей, двое из них для мусульман, двое для хазар, которые судят по закону Тауры (т. е. Торы, Пятикнижия), двое для тамошних христиан, которые судят по закону Инджиля (т. е. Евангелия); один же из них для славян, русов и других язычников, он судит по закону язычества, т. е. по закону разума... Русы и славяне, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу».

Общность похоронного обряда у славян и русов (сожжение трупов), а равно и общность для них судьи в столице хазар, о чем говорит Масуди, обратила внимание уже А. Я. Гаркави, который с большою вероятностью заключал, что Масуди «знал о славянском происхождении русов, или по крайней мере о родстве их». Причем, — говорит Гаркави, — он, конечно, знал, что последние не поглощены между другими славянскими племенами, а составляют самостоятельный отдел этого

племени... Русов считает он прибрежными жителями Черного моря; следовательно, придется допустить, — говорит автор, — что Русь означает у него южно-славянские племена России, а под именем Славян разумеет он более северных соплеменников их, живших на север от Хазарии».

Интересно отметить, что современник Аль-Масуди, арабский писатель Ибн-Фадлан называет русами северные славянские племена и отличает от них южных, которых называет Куябы (Киев). Масуди вовсе не знает имени Куябы, а Истахри и Ибн-Хаукал, писавшие через 30—40 лет после Ибн-Фадлана, уже знают, что Куяба есть часть Руси. Этот разнобой в показаниях арабских авторов, писавших в одно и то же время, говорит о том, что в первой половине X в. имя русь одинаково принадлежало как северным, так и южным славянским племенам. Приурочение же его то к северным, то к южным племенам стояло, очевидно, в связи с источником, от которого тот или иной арабский автор черпал на местах свои сведения. О том, что не только южные славянские племена (Киев), но и северные (Новгород) назывались русью, русскими, говорят нам и западные источники. Так, у Адама Бременского и в других источниках Русью называется Новгородская область. Совершенно определенное показание в этом смысле дает нам арабский писатель половины X в., Аль-Истахри, у которого мы читаем: «Русы состоят из трех племен, из коих одно ближе к Булгару, а царь его живет в городе, называемом Куяба (т. е. Киев), который город больше Булгара; другое племя называется Славия и еще племя называют Артания, а царь его находится в Арте...».

Исходя из приведенных выше данных о славянах — руси, мы приходим к заключению, что все восточнославянские племена в целом были известны с древнейших времен под именем руси, т. е. русского народа. В более узком смысле этим именем назывались южнославянские племена и в первую очередь племя полян, «яже ныне зовомая Русь», т. е. поляне — русь, сердце Киевской Руси. В сношениях с иностранцами восточные славяне обыкновенно называли себя русскими независимо от своей племенной принадлежности. Так же называли восточных славян и иностранцы (арабы, греки, германцы). Что же касается наименования

славяне, то это, прежде всего, новгородцы; затем северная группа славянских племен (славяне, кривичи, радимичи, вятичи, полочане и быть может верхние дреговичи) в противоположность южной (поляне, древляне, северяне, бужане, уличи, тиверцы и др.). В соответствии с этим византийский писатель Константин Порфирородный называет Новгород внешнею Русью — ἡ ἔξω Ῥωσία. Арабские писатели, как видели мы выше, называют иногда наши северные славянские племена общим термином славия.

В записях Пруденция, епископа города Труа, входящих в состав так называемых Бертинских анналов или летописей и обнимающих события с 835 по 861 гг., имеется, между прочим, очень ценное показание, касающееся Руси. Оно уже давно обратило на себя внимание наших историков как свидетельство, позволяющее отодвинуть начало Русского государства к значительно более раннему времени, чем середина IX в. Пруденций рассказывает о том, что в 839 г. к императору франков, Людовику Благочестивому (814—840), сыну Карла Великого, явились послы византийского императора Феофила (829—842) вместе с представителями «народа Рос». Посольство было торжественно принято императором в Ингельгейме 18 мая. Названные выше представители «народа Рос» говорили, что они, т. е. их народ называется рос. Император Феофил писал Людовику, что этих представителей к нему направил их царь по имени Хакан для заключения дружбы, как они утверждали, и просил Людовика, чтобы тот помог им вернуться на родину, ибо пути, по которым они ранее прибыли в Константинополь, находятся сейчас в руках варварских и весьма жестоких народов. Поэтому Феофил не захотел, чтобы послы возвращались по этим путям, опасаясь, как бы их не постигла опасность.

В данном показании Бертинских летописей обращает на себя внимание титул царя росов хакан или каган, хорошо известный южной Руси. Этим титулом именовался, например, Владимир Киевский в известном «Слово о законе и благодати» Илариона. «Едва ли можно усомниться в том, — замечает по этому поводу акад. А. А. Шахматов, — что эта Русь прибыла в Константинополь из южной России. Следовательно, Русь сидела уже там в первой половине IX века».

Таким образом даже для норманиста А. А. Шахматова было ясно, что русь сидела в южной России уже до «призвания варягов».

Однако, приведенное выше показание Бертинских летописей, подвергшееся в свое время весьма основательной критике со стороны антинорманиста проф. Д. И. Иловайского и других исследователей, интересно и в другом отношении. Оно дает некоторые указания на местоположение древней Руси. В самое последнее время проф. В. А. Пархоменко высказал предположение, что исконная древняя Русь была расположена недалеко от Константинополя, но отделялась от Византийской империи «варварскими и жестокими народами», и что вместе с тем она была не так уж далеко от Франкской империи, в состав которой входила большая часть Германии. Проф. Пархоменко полагает, что Русь возникла на юге и затем соединилась с тем образованием, которое независимо возникло на севере. Известное же летописное сказание о призвании варягов является, по мнению В. А. Пархоменко, не рассказом о начале государства Руси, а лишь материалом по истории северного княжества, раньше которого и, во всяком случае, не позже 30-х годов IX в. на юге возникло довольно сильное в военном отношении княжество, связанное с Черным морем и пользовавшееся известностью у соседей.

Таким образом, показания Бертинских летописей с несомненностью говорят о том, что русь была известна в Приазовье и в Причерноморье и за их пределами задолго до так называемого «призвания варягов». В этом убежден, как видели мы выше, и норманист А. А. Шахматов. Интересно в связи с этим отметить, что Шахматов не исключал возможности, что значительные полчища этой руси, вернувшись после первого неудачного набега на Константинополь, осели где-нибудь южнее, быть может, даже восточнее Киева и Поднепровья — на берегах Азовского моря, где при устье Дона был известен в XII в. находившийся под властью греков вместе с Тмутороканью город Росия (Ῥωσία) [53].

Как предполагает проф. В. А. Пархоменко, «географические условия положения юго-восточной группы русско-славянских племен или собственно «Руси» в соседстве со степными кочевниками содействовали, несомненно, выработке в их быту и нравах таких особенно-

стей, которые выделяли их в сознании наблюдавших их соседей, арабов и византийцев, в особую племенную группу «русов», отличающуюся от прочих славянских племен отвагой и предприимчивостью, дававшими себя знать весьма чувствительно византийцам».

«К X веку — говорит В. А. Пархоменко — юго-восточная «Русь» явилась преемницей юго-западной группы славянско-русских племен, выдвинув из своей среды таких организаторов новой государственности, как Аскольд, Олег, Игорь, Ольга, Святослав и др.».

По мнению проф. Пархоменко, «это не были северные иноземные норманны, а вожди юго-восточного русско-славянского племени. Вокруг Киева в IX в. шла борьба не днепровских славян с северными норманнами, а юго-восточной славянской Руси с юго-западною группою своих сородичей — уличей и древлян».

Останавливаясь в частности на именах киевских князей Аскольда и Олега, тот же исследователь подчеркивает, что первое из них «сильно напоминает юго-восточное, приводимое летописью имя половецкого «князя» XI в. Искала». Место же гибели Аскольда — Угорское лежит к югу от Киева, что, по мнению проф. Пархоменко, указывает на движение Игоря к Киеву с юга.

Что касается Олега, то цитируемый нами автор обращает внимание на прямое свидетельство одного древнееврейского памятника о том, что Олег жил на юго-востоке Руси, вблизи хазар, в постоянных сношениях и столкновениях с ними, и отсюда предпринимал по востоку и дальше походы в Византию, а затем в Персию, или Фракию, и что он был царем «Русии», а в договоре 911 г. с греками назван «великим князем русским».

Таким образом, по мысли проф. Пархоменко, в начале X в. юго-восточная «Русия» была метрополией усиливающейся на Днепре полянской Руси. Когда же в 913—914 гг. юго-восточная «Русия» потерпела поражение со стороны объединенных сил хазар, камских булгар и буртасов, когда войско ее было истреблено, а несколько позже погиб и Олег со всем своим «станом», то значение метрополии всецело перешло к Киеву. Победой над уличами Игорь открыл себе путь по Днепру к морю, вскоре после чего Святослав для защиты своей

бывшей «метрополии» предпринял поход против хазар, разгромил их, разрушил Булгар, опустошил буртасов, взял и разрушил хазарскую крепость Саркел, города Итиль, Семендер, проник отсюда в хазарские владения на Северном Кавказе и завоевал здесь ясов и косогов, т. е. осетин и черкесов, и т. д.

Изложенные выше факты приводят исследователя к заключению, что летописцы, а может быть, даже не они, а их предшественники, творцы нового предания, «переодели героев старого предания — Аскольда, Олега, Игоря в норманнов, но не сумели совсем изгладить из предания и пользовавшейся им летописи ни борьбы полян с древлянами и уличами, ни также воссоздать более или менее приемлемую в смысле достоверности, не существовавшую историю борьбы с норманнами, которые у летописцев оказались в несоответственной роли — мирных завоевателей более культурного юга и насадителей здесь государственности...» [54].

4. Норманская теория происхождения Киевской Руси акад. А. А. Шахматова

Для знакомства с тем, как представляют себе происхождение Киевской Руси норманисты, остановимся на брошюре акад. А. А. Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени», изданной в 1919 г. [55].

А. А. Шахматов исходит из известного рассказа летописца об образовании русского государства, который начинается следующим кратким сообщением: «Варяги, приходя из заморья, брали дань на Чуди, Словенах, Мере, Веси и Кривичах, а хазары брали дань на Полянах, Северянах и Вятичах». Эти немногие слова летописца рисуют картину политических отношений, сложившихся в России в первой половине IX в. По мнению А. А. Шахматова, почти все восточное славянство и значительная часть финского населения России попали под влияние двух разных политических сфер: север и северо-запад — в сферу скандинавского влияния, а юг и юго-восток — в сферу хазарского влияния. А. А. Шахматов признает, что летопись ничего не говорит ни об основании варягами государства, ни о том, откуда распространялось их влияние, ни о покорении ими восточнославянских племен, словен и кривичей. Тем не менее,

как выражается А. А. Шахматов, летопись позволяет догадываться, что на северо-западе России был такой политический центр варягов, откуда они господствовали над финскими и восточно-славянскими племенами.

Таким образом, норманская теория А. А. Шахматова о происхождении Киевской Руси представляет собою по существу догадку. Так как обосновать надлежащим образом эту догадку на показаниях летописи нельзя в виду отсутствия необходимого материала, то автор обращается к свидетельствам некоторых других источников и пытается опираться на анализ последующих событий. Эти последующие события, говорит А. А. Шахматов, дают основание догадываться и о том, как постепенно складывалось на севере России варяжское государство, захватившее во второй половине IX в. днепровский путь, овладевшее Киевом и перенесшее туда свое могущество (стр. 54).

По мнению Шахматова, археологические данные устанавливают наличие более или менее обширных скандинавских поселений в IX—X вв. на территории России в пределах бб. Петроградской, Новгородской, Смоленской, Ярославской, Владимирской и др. губерний. В этих поселениях автор видит административные центры, куда свозилась собираемая дань и награбленная добыча. Господство приходивших из заморья варягов осуществлялось именно через подобные центры. Такова первая предпосылка теории Шахматова, явно имеющая, как мы видим, характер догадки или домысла автора.

Затем Шахматов обращается к древнейшим арабско-персидским историко-географическим сочинениям и останавливается на следующем месте Ибн-Рустэ, находящем соответствие у Гардизи: «Что касается до Русии, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они (русь), занимает пространство трех дней пути [56]; покрыт он лесами и болотами; нездоров он и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-Рус. Они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их (славян) в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там».

Исходя из этого показания, Шахматов, изменяя обыч-

ному для него в других случаях критическому отношению к источнику и не сопоставив его с показаниями других персидско-арабских авторов, восходящими к IX в., где русские называются «племенем из славян» (см. выше), присоединяется к выводу Вестберга, что руссы образовали на славянском севере военно-организованную, ведшую торговлю, разбойническую колонию численностью до ста тысяч человек [57].

Островом, на котором находилась Русия, Шахматов считает не Новгород, который скандинавы называли Holmgardr, т. е. «островной город». Самое имя Новгород показывает, что ему предшествовал другой город, который со времени возникновения Новгорода оказался старым городом. Имя этого старого города было Holmgardr («островной город»), и по предположению Шахматова, оно могло быть перенесено на Новгород. Затем, снова предполагая, что название города переносилось на всю страну, а название страны («островной город») вызывало у иностранцев представление о том, что она вся составляет остров, вмещается на острове, Шахматов считает вероятным, что «островным городом» (Holmgardr) скандинавы называли город, получивший позже (после основания Новгорода) имя Старой Русы и упоминаемый под именем Руса уже в 1167 г. [58]. Мы видели, говорит Шахматов, что скандинавы производили оживленный торг с волжскими болгарами и хазарами [59]. Их купцы, т. е. купцы русов, а не скандинавов, как утверждает Шахматов, считая, очевидно, вопрос о тождестве скандинавов с русами à priori решенным, — направлялись по Волге. В Итиле, как видно из сообщения Ал-Бекри, знали, что Волга течет в страну хазар из страны русов; это служит лишним указанием на то, говорит Шахматов, где искать древнейшую Русь.

По мнению Шахматова, следствием политического и военного развития государства россов было и стремление овладеть Днепром, ведущим в плодородные хлебные местности. Неизбежность столкновения при этом с хазарами, данниками которых были левобережные поднепровские племена — кривичи, радимичи, дреговичи, северяне, древляне и др., которые и сами могли дать отпор наступлению северной руси, побудила русского кагана искать союзников против хазар. Это заставило его обратиться с посольством к византийскому импера-

тору. В анналах Пруденция (см. выше) Шахматов видит сведения об этом посольстве. Без всякой критики Шахматов принимает заявление группы людей, присланных в 839 г. византийским императором Феофилом к Людовику в сопровождении специального посольства, о том, что их народ называется Rhos, и признание в них Людовиком шведов (comperit eos gentis esse Sueorum). Родину этих послов русского кагана Шахматов помещает на северо-западе России. То обстоятельство, что послы не надеялись на свободный пропуск через Днепр, Шахматов истолковывает как указание на то, что путь этот в то время еще не был в руках русского (читай: северно-русского, т. е. скандинавского. — **Н. Д.**) кагана. Послы могли пробраться в Константинополь, по Шахматову, этим путем под видом торговцев (ср. рассказ о князе Олеге, объявившем себя купцом, едущим в Царьград), но возвращаться тем же путем им, как видно, не пришлось, быть может потому, что хазары, осведомившись о направленных против них переговорах в Константинополе, дали или могли дать распоряжение о задержании русских послов.

Исходя из своего толкования показаний Пруденция, в частности из того, что Людовик признал шведов в людях, назвавших свой народ именем Rhos, причем остается неизвестным, на основании каких данных Людовик признал их шведами — потому ли, что они называли себя народом Rhos, или же потому, что они говорили с ним по-немецки, — Шахматов утверждает, что в результате достигнутого с ромеями соглашения (о чем, между прочим, не говорит ни один из источников. — **Н. Д.**) или в результате скопления вокруг русского кагана достаточных сил, в е р о я т н о, вскоре после 839 г., говорит Шахматов, началось движение р у с и на юг. Об этом можно д о г а д ы в а т ь с я, продолжает автор, по тому обстоятельству, что в 860 г. мы видим русских уже под стенами Царьграда. Между тем, этому походу должно было предшествовать более или менее продолжительное существование русской державы на юге. Ведь для того, чтобы утвердиться здесь, ей пришлось вести борьбу с хазарами, покорять силою оружия восточно-славянские племена, сидевшие на верхнем и среднем течении Днепра, обезопасить себя еще и от южного врага — могущественной мадьярской орды; все это тре-

бовало продолжительных усилий. Шахматов считает все же возможным, что молодое русское государство, основавшееся в Киеве около 840 г., нашло достаточно сил для того, чтобы в 860 г. совершить успешный морской поход на Царьград.

В приведенном выше очерке-реконструкции исторических событий, как они предположительно, по Шахматову, происходили, обращает на себя внимание явная несообразность. В 839 г. северно-русское посольство является к византийскому императору для заключения дружественного союза. Посольство встречает в Константинополе самый радушный прием и заключает с ромеями соглашение, после чего русь начинает движение на юг и, повидимому, укрепляется в Киеве (Аскольд и Дир). А всего через 20 лет, т. е. в 860 г., мы видим ту же русь в походе на Царьград. Но этому походу, по справедливому мнению Шахматова, должно было предшествовать более или менее продолжительное существование русской державы на юге, заполненное борьбой с хазарами, покорением восточно-славянских племен, самообороной от мадьяр и от скандинавских государств, возникавших на севере. За 20 лет «молодое русское государство, основавшееся в Киеве, как мы видели, около 840 г.», конечно, не могло проделать такой огромной работы. Не могло оно также, заключив с ромеями в 839 г. дружественное соглашение именно ввиду сложности своего международного окружения, предпринять в 860 г. ни с того, ни с сего морской поход против своего вчерашнего союзника, только что помогавшего русским укрепиться в Киеве. Очевидно, знаменитые Rhos были все же не шведами и представляли собою посольство к императору Феофилу не от северно-русского, а от южно-русского кагана, имевшего центром своих владений Киев или Приазовье (приазовская или причерноморская Русь).

Пока северная Русь, захватив Киев, устраивалась на новых местах и, занятая здесь сложными делами, забыла о своих северных данниках, последние, по Шахматову, сбросили с себя русское иго, изгнали русских посадников и стали управляться самостоятельно: «изгнаша варягы за море, и не даша им дани и почаша сами собе володети». Замену в этом тексте руси варягами Шахматов считает естественным для отдаленного предания,

восходящего к тому времени, говорит он, когда русь и варяги были синонимами. Отпадение северных племен должно было вызвать поход против них со стороны русского, т. е. киевского князя. Весть о движении киевского князя заставила отложившиеся от него северные племена — кривичей, словен, чудь и мерю обратиться в конце IX в. за море, к варягам, за помощью, что было обычным в те времена (Владимир в 980 г., Ярослав в 1014 и в 1018 гг.). В результате обращения к варягам северных племен в Новгород и в другие племенные центры явились варяжские наемные войска. Об этом летопись и сообщает, как о факте призвания варягов, варяжских князей, отражая народное предание, соответствовавшее, говорит Шахматов, исторической действительности.

Таким образом по Шахматову, во второй половине IX в. на месте русского государства, основанного скандинавами на северо-западе России, возникает здесь со средоточием в Новгороде новое варяжское государство. В создании нового государства принимают живое участие местные, туземные элементы — народ, и этим оно отличается от старого, основанного завоевателями, т. е. иноземными насильниками. Это отличие проявилось как в строе, так и в размерах нового варяжского государства. Ведь старое, русское, государство представлялось всего лишь разбойничьим гнездом: «пашен они (русы) не имеют, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян»; «они не имеют ни недвижимого имущества, ни городов (или селений)...» и пр. (Джейхани, Ибн-Рустэ, Гардизи). Новое, варяжское, государство имело, по Шахматову, иной характер, о чем можно догадываться, говорит автор, из участия земли в призвании варягов, а также из дани, наложенной позже на словен, кривичей и мерю, как на определенные коллективы.

Борьба между варяжским и русским государствами, говорит Шахматов, могла затянуться на долгие годы; победило то из них, с которым была земля, т. е. государство варяжское. Варяжский конунг Олег овладевает Киевом, и объединяет под своею властью территории русского и варяжского государств. По Шахматову, это была третья по счету русская держава. Первою была существовавшая в первой половине

IX в. на северо-западе России; второю — русская держава с центром в Киеве (Аскольд и Дир), третьей — Киевская Русь Олега, на долю которой выпала роль собирателя восточно-славянских земель.

Исходные положения теории происхождения русского государства, с которою мы только что ознакомились, акад. Шахматов развил в 1908 г. в капитальном труде «Разыскания о древнейших летописных сводах», где этому предмету посвящена XIII глава — «Сказания о первых русских князьях» (стр. 289—340). Итак, по Шахматову:

1. Русь — это те же норманны, те же скандинавы; русь — это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном, лесистом и болотистом славянском севере. Вторые же выходцы, потомки скандинавского населения, давшего и первых выходцев, стали известны уже под именем не руси, а варягов. Впрочем, замечает Шахматов, финские племена продолжали называть и новых выходцев из Скандинавии старым именем, как и до сих пор финны называют их все так же Ruotsi. Впоследствии забывается самое имя варягов, и несмотря на продолжающиеся сношения со Скандинавией, ее жители получают название свен.

2. Показание летописца о том, что олеговы варяги, поселившись в Киеве, переименовываются в русь, дает основание Шахматову высказать мысль, что в этом отразилось живое в XI и в XII вв. представление о том, что имя руси — это имя княжеской дружины, княжеских бояр и вообще правящих верхов. На севере же таким правящим слоем, давшим свое имя всему подвластному племени, были варяги.

3. В VIII—IX вв. среди приднепровских славян появляются полчища скандинавов; они садятся в укрепленных местах и начинают покорять себе славянские племена; их называют русью... Занявши южные области, русь недружелюбно встречает новых, последующих выходцев из Скандинавии... Колонизационная волна вынуждена поэтому оседать в местностях, более близких к Скандинавии и менее привлекательных по природным свойствам. Так скандинавы занимают озерную область

и покоряют финнов и ильменских славян; захватив верховья Волги, они проникают и в среднюю Россию. Эти новые выходцы носят название варягов.

4. Государственность, складывавшаяся понемногу на юге, начинает зарождаться и на севере. Покорители и тут и там ассимилируются с местным населением — в этом их сила. Но зато они дают занятым ими местностям, а также племенам, особенно тесно с ними слитым, свое название. На юге поляне получают имя руси, широко распространяющееся затем всюду, куда проникает княжеский данщик, где садится княжеский дружинник. На севере словене получают имя варягов. Это имя носят не только варяжские, но и славянские дружинники и на Белоозере, и в Ростове, и в далеком Муроме. Столкновения двух государственностей становится неизбежным...

Это столкновение варяжского севера с русским югом, начавшись в IX в., принимает затем, по Шахматову, характер затяжной борьбы, которая продолжается около двух столетий и носит характер соревнования между русским и варяжским началами. Заканчивается это соревнование полным торжеством начала русского. Новгород попадает под зависимость киевского князя, хотя и получает от него великие свободы в награду за помощь, оказанную неоднократно князю, посаженному на русский стол варяжским севером. В результате торжества русской государственности варяги спешат переименоваться в русских не только на юге, но и на севере, и само имя варягов быстро забывается. Оно не удерживается и в Новгороде, куда на смену ему проникает имя русь. Но это имя означает уже не скандинавов, а киевского князя и его родичей, а также княжеских дружинников. Преимущественное же значение этого имени — жители южного Приднепровья.

Вероятно читатель заметил и без моего указания некоторое расхождение в воззрениях Шахматова 1908 г. и 1919 г. Это расхождение касается, впрочем, частного вопроса и не меняет сущности его теории в целом. В 1908 г., в годы торжества политической реакции в России, либерал Шахматов, говоря о затяжной борьбе русского юга с варяжским севером, подчеркивает торжество русского великокняжеского начала, в результате

чего варяги спешат переименоваться в русских не только на юге, но и на севере. В 1919 г., когда Россия, пережив буржуазную революцию, вступала в начальные годы социалистической революции, отмеченные в истории ВКП(б) как период иностранной военной интервенции и гражданской войны, Шахматов, не изменяя своей схемы, меняет свою точку зрения в вопросе о том, какое из двух начал одержало верх в борьбе за государство, и теперь уже оказывается, что «победило то из них, с которым была земля, т. е. государство варяжское».

Исходным пунктом, на котором Шахматов строит свою теорию происхождения русского государства, служит ему традиционное убеждение норманистов, что древняя Русь, как и варяги, — это норманны, скандинавцы. Все прочее в его теории — это уже искусственное построение, основанное на догадках, предположениях, вероятностях и субъективных истолкованиях источников, направленных к одной цели — свести концы с концами в той сумбурной путанице, какую представляют различные редакции летописного рассказа о первых русских князьях. Огромная, однако, заслуга акад. А. А. Шахматова заключается в том, что он, владея глубоким и прекрасным знанием летописного материала, дал исключительный по мастерству анализ интересующего нас рассказа о первых русских князьях. Серьезный же анализ воочию убеждает каждого беспристрастного читателя в путанности, искусственности и династической тенденциозности этого рассказа в такой мере, что делается весьма сомнительным самая пригодность этого источника, даже после шахматовской препарировки его, для серьезного научного построения.

Для того чтобы полнее представить позиции современных норманистов в интересующей нас проблеме, остановимся в нескольких словах и на работе германиста проф. Брима [60], как тесно примыкающей к работам акад. Шахматова [61] и дополняющей их.

Проф. Брим прежде всего устанавливает, «что уже в древнее время существовал у Черноморья и в частности на юге России какой-то историко-географический термин «Рос». И, конечно, — замечает автор, — не может быть сомнения, что он оказал влияние на образование национального имени русской народности». Затем проф. Брим

обращается на север России и здесь находит ряд географических названий, образованных от основы «рус», причем отмечает, что эти названия встречаются все в Новгородской губ., т. е. в области, давно связанной с Варяжским — Балтийским морем. «Поэтому, — говорит проф. Брим, — справедливо не перестают искать все снова объяснение слова «Русь» в этом направлении». Говоря все, автор имеет в виду Будиловича и Куника, а затем Платонова, Ключевского и Шахматова, т. е. норманистов, и не называет имени даже такого яркого антинорманиста, каким был в это же время акад. Н. Я. Марр.

Основное положение, из которого проф. Брим исходит в своем построении, — это тезис норманистов, что термин «русь» исконно представляет собою специальное название варяжской княжеской дружины. Проф. Брим поддерживает эту точку зрения новым материалом. Он находит в древне-шведском языке слово drôt со значением толпа, дружина, которое, по его утверждению, «по звукам и по значению строго отвечает финскому Ruotsi и славянскому Русь». Итак, заключает автор, летописное — «русь» в смысле «дружина» передает старый технический термин шведского языка, обозначающий институт комитата или дружины.

Таким образом, в качестве исходной точки своего исследования проф. Брим взял на веру у норманистов толкование племенного термина русь как «дружина». Затем он нашел в древне-шведском языке слово drôt, которое означает «толпа, дружина». Подкрепив свое открытие известными лингвистическими выкладками норманиста акад. Шахматова и, таким образом, опираясь на его авторитет, Брим доказывает, что в основе финского Ruotsi лежит не что иное, как древне-шведское drôt. Открытие проф. Брима составляет несомненное приобретение нашей науки, но делаемое им на основании этого открытия заключение мы не можем признать правильным. Прежде всего, и финское Ruotsi, и летописное русь могли вовсе не восходить к древне-шведскому drôt. Оба эти слова могли представлять собою позднейшие производные общего этим трем языкам до-индоевропейского, т. е. яфетического наследия, указанного, например, в свое время Н. Я. Марром в племенном термине «этруск». Поэтому чисто механическое использова-

ние Бримом открытого им нового слова нельзя считать доказательством какого бы то ни было положения.

Отметив интересный в научном отношении факт наличности в древне-шведском языке слова drôt со значением «толпа», «дружина», проф. Брим строит затем на этом факте свою теорию. Получив, говорит автор, в Новгородской губернии название русь, варяги пришли к берегам Днепра, где имя русь быстро и прочно пустило корни среди славян и византийцев и оживило на юге старую прочную традицию вокруг термина «рос»... Наконец, говорит автор, имя рос, исстари державшееся на юге у Черноморья, закрепилось за племенем, властвовавшим в Киевском государстве и случайно (?!) носившим похожее (?!) название русь. Слово случайно проф. Брим подчеркивает. Племенем (его проф. Брим не называет), которое, как он говорит, случайно носило похожее название русь, были, как известно, поляне — «яже ныне зовомая Русь» (стало быть, не дружина, а племя! — **Н. Д.**). Таким образом, по Бриму, вышло так, что на территории древней Руси оказались два похожие племенные термина: на юге — рос, а на севере — русь. И вот эти термины затем случайно встретились друг с другом и, слившись, дали, как полагает проф. Брим, название русскому народу русь. Конечно, подобное построение представляет собою чистейший домысел и есть лишь попытка найти выход из тупика, в котором, в связи с успехами советской науки, оказалась старая норманская теория происхождения Руси.

Теории Шахматова, как и норманской теории вообще, мы, прежде всего, противопоставляем теорию происхождения государства Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина и на ней строим свое историческое знание, на ее основах реконструируем историческое прошлое любого народа. Однако, и сейчас еще по укоренившейся традиции нередко начинают дело, в большей или меньшей мере, с большими или меньшими оговорками, но с данных именно норманской теории: русь это финское Ruotsi, это норманны, шведы, скандинавы, хотя давным давно доказано, что древний племенной термин рус, или в позднейшей грецизированной форме рос, с незапамятных времен идет не с севера на юг, а с юга на север, в том числе и на скандинавский север, где в местном

языковом оформлении получает своеобразное отложение. Это второй основной тезис, из которого надо исходить в объяснении деталей и частностей вопроса о происхождении русского государства. Тогда нам незачем будет в разрешении своих научных трудностей прибегать к помощи варягов. Обладая таким совершеннейшим орудием, как марксистский метод, с одной стороны, и всеми достижениями советской науки в области истории, археологии, этнографии, лингвистики и критики текста — с другой, мы без помощи варягов прекрасно справимся с разрешением проблемы о происхождении русского государства.

5. Значение термина **р у с ь**

Подводя итог сказанному выше по вопросу о происхождении племенного термина р у с ь, о с л а в я н а х — р у с и и о значении термина р у с ь в исторически засвидетельствованной древности, как политического и этнографического термина, мы приходим к следующим выводам.

1. Термин р у с ь представляет собою отложение в русском языке древнейшего племенного термина, восходящего к терминологической группе э т р у с к, принадлежавшей одному из древнейших, доисторических дославянских племен или группе племен на территории восточноевропейской части СССР (кимеры-иберы, салы и др.), которые легли в основу позднейших племенных образований, и в первую очередь — славянских племенных образований на той же территории.

2. Э т р у с к и, оставившие в позднейшем русском языке исключительно богатый лексический и топонимический материал, представляли собою, повидимому, материально и культурно мощное племенное объединение. Они сыграли крупную организующую роль особенно в жизни той группы или союза племен, из которой с течением времени выросла, в процессе племенных скрещений и хозяйственного и культурного развития, с переходом от до-индоевропейской на высшую индоевропейскую стадию, группа славянских племен, унаследовавшая от своего организатора его имя, как имя политического центра или господствующего, организующего племени-вождя, ставшее для этих племен политическим, а впоследствии и этнографическим наименованием.

Подобное явление в исторической этнографии не представляет собою ничего исключительного. Таким же образом в свое время возникли, например, этнографические названия румын, болгар или болгарин, франк — француз и др. Вначале это были только политические термины: румын — это балканский фракиец, подданный Римской империи, называвший поэтому себя римлянином, что, прежде всего, и значит дословно румынский племенной термин român, т. е. румын. Болгар или в славянизированной форме болгарин — это балканский славянин, подданый болгарского государства. Франк, француз — это кельт, ставший подданным державы германцев — франков.

С течением времени эти политические вначале термины превратились у данных народов в термины этнографические. Следовательно, племенной этнографический термин русь, будучи таким именно термином для основного этнографического ядра — до-индоевропейского, а стало быть, и до-славянского племени этрусков, был одновременно и политическим термином, которым называла себя группа до-славянских племен, объединявшаяся этрусками, рушками или русками в до-славянский русский союз племен.

Выросшие из этой до-славянской группы племен славяне, вначале только южно-русская группа славянских племен, и после исчезновения этрусков или русков, давно сошедших с этнографической сцены и растворившихся в новой племенной скрещенности, давшей позднейших славян, продолжали по традиции сохранять, наряду со своим племенным наименованием славян, и наименование своего былого политического объединения — русь, превратившегося из политического наименования в этнографическое и ставшего таким образом синонимом славянина южно-русской группы. Так именно было на юге, среди южно-русских славянских племен, где в IX в. впервые складывается государственное объединение «Киевская Русь».

Однако, на той же восточноевропейской территории СССР имелись славянские племена, которые в эпоху до-славянского русского союза племен оставались, повидимому, вне этого союза и продолжали поэтому и в начальный период Киевской Руси именоваться словене, не зная имени русь. Так было, например, на новгород-

ском севере. С образованием же на юге государственного объединения «Киевской Руси», вместе с объединением под его властью северных и северо-западных славянских племен, и эти последние получили имя своего политического центра, Руси. Политический для них вначале термин р у с ь с течением времени стал для них же и термином этнографическим, синонимом термина с л о в е н. Стало быть, фигурирующие в номенклатуре древнекиевской общественности IX в. два названия с л о в е н е и р у с ь представляли собою в это время не два разных народа, а два, уже ставших к этому времени для южнорусских славян синонимическими, этнографических термина, причем термин р у с ь был преимущественно политическим, государственным термином, а с л о в е н, с л о в е н и н — преимущественно племенным, этнографическим термином. Славянские племена, входившие в состав Киевской Руси и политически зависимые от Киева, в этнографическом отношении были с л а в я н е — р у с ь. Славянские племена, не входившие политически в состав Киевской Руси и остававшиеся в начальные времена Киевской Руси в известной мере политически автономными, или только что включавшиеся в состав Киевской Руси, продолжали именоваться своим племенным именем с л о в е н е. Как мы видели выше, и они позже усвоили себе имя своего политического центра Р у с ь.

Выше мы говорили о том, как надлежит представлять процесс сложения племенных образований путем племенных скрещений с господствующим в каждой новой племенной скрещенности племенным организующим центром. Исходя из этого представления, мы имеем основания предполагать, что доисторический племенной элемент э т р у с к и-р у с к и, давно исчезнув, как один из племенных элементов, растворившись в составе новых, последующих племенных скрещенностей, вплоть до возникновения племенного образования с л а в я н е - р у с ь, продолжал, однако, попрежнему оставаться на положении организующего, господствующего, но уже не племенного элемента, а мощного экономически и политически социального слоя, т. е. социальной верхушки в составе славянской племенной общественности. Эта верхушка выдвигала из своей среды племенных князей, составляла ближайшее окружение князя, т. е. его дружину, предпринимала под водительством своего князя по-

ходы и разбойничьи набеги на соседей, ведала племенными делами, торговала и поддерживала международные торговые связи и пр.

Со времени выступления на сцену первого южно-русского славянского государственного объединения, Киевской Руси, этот социальный слой, образующий собою высшие классы киевской славянской общественности, преемственно сосредоточивал в своих руках политическую власть, заключал договоры с Византией, представлял за границей свое славяно-русское государство и говорил от имени «великого князя русьского, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь и его великих боляр». Но это был не какой-либо чужеземный народ, не варяги, не шведы, не норманны, а те же славяне, основное, политически ведущее ядро славянского народа.

Очень ценные соображения по вопросу о происхождении русского государства в самое последнее время высказал проф. С. В. Юшков [62]. Он пришел к заключению, что Русь, прежде чем это название стало применяться в этническом смысле, представляла собою социальную группу, возникшую в среде восточного славянства и стоявшую над славянами и вообще над другими группами, что, по византийским источникам, это или дружинники — профессиональные воины, или купцы — жители городов; они взимают дань со славян и ведут торговлю предметами дани с Византией, славяне же — это земледельцы-общинники, подвластные руссам. Руссы, по Юшкову, — это организаторы и участники грабительских походов на Византию и на хазар, на Черноморское и Каспийское побережья; профессиональные воины, служившие у византийских императоров и хазарских каганов, организаторы экспедиций за рабами и вместе с тем организаторы первых государств, возникших на территории восточного славянства.

Возникновение этой социальной группы С. В. Юшков ставит в связь с периодом разложения первобытно-общинного строя у восточного славянства (VIII—IX вв.). В процессе разложения первобытного общества и разделения труда у славянских племен, по Юшкову, возникают ремесленники, купцы, военачальники. Оторвавшись от своих корней в народе, роде и племени, эти элементы оседают в племенных городах. С течением времени го-

рода пополняются выходцами из других племен, и городское население становится, таким образом, межплеменной группой. По мере же развития внешней торговли, в крупных или пограничных славянских городах оседают и ассимилируются с местным населением иноземные — скандинавские, норманские купцы. Вместе с иноземными, скандинавскими купцами оседают в этих же городах и скандинавские воины — викинги, искусные мореплаватели и пираты. В результате общения с иноземцами язык местного городского населения получает более совершенное развитие в сравнении с племенными славянскими языками и включает много иностранных слов. Одновременно в жизнь городского общества проникает и много чужеземных обычаев.

Так, С. В. Юшков воспроизводит процесс сложения в недрах восточного славянства особой, городской социальной группы или городских социальных групп, известных исторически под именем русь. Первые группы руси, по Юшкову, возникают на юге, среди южно-русских славянских племен — полян, северян, дулебов. И за Киевом и Киевской землей впервые закрепляется название Русь. Но русь оседала, говорит автор, конечно, по всему течению Днепра и по всему торговому пути, ведшему «из варяг в греки». Оседала она и повсюду, где шел процесс разложения первобытно-общинного строя. Отсюда естественно появление Руси в Галиции (Червоная Русь) и даже на территории восточного славянства, граничившей с Венгрией (Угорская Русь).

Таким образом возникновение руси проф. Юшков связывает с возникновением у восточных славян классового общества в недрах разлагавшегося первобытнообщинного строя. С возникновением же классового общества, судя по источникам IX—X вв., на территории восточного славянства возникает и ряд государств варварского типа, образованных русью на территории восточного славянства и на Азовско-Черноморском побережье, предшествовавших государству Рюрика и Киевскому государству (К и е в с к о е г о с у д а р с т в о р у с о в Аскольда и Дира, которые не принадлежали к «племени Рюрика», т. е. не были норманнами; Н о в г о р о д с к о е г о с у д а р с т в о р у с о в, где под 838 г. называется князь Бравлин, известный по нападению на Сурож; и третье крупное г о с у д а р с т в о ру-

сов на побережье Азовского моря, Артания, отождествляемая с Тмутараканскою Русью).

Таким образом проф. С. В. Юшков не только устанавливает несомненный исторический факт — существование на территории восточного славянства ряда примитивных, варварского типа, русских государств еще до событий 859—862 гг., т. е. до легендарного «призвания варягов», но и с исчерпывающей обоснованностью рисует процесс возникновения первых государственных объединений у русских славян — «не в результате завоевания славянских племен норманнами, а в результате общественно-экономического развития восточного славянства и обусловленного этим развитием возникновения классового общества».

Однако, проф. С. В. Юшков, сумевший вполне удовлетворительно справиться со сложною проблемою происхождения русского государства и увязать в одно органическое целое основные детали этой проблемы, остававшиеся до сих пор не увязанными ни норманистами, ни антинорманистами, не смог так же удовлетворительно справиться с историко-этнографической проблемой происхождения термина русь. Он утверждает, что социальные группы, называемые русью, «говорившие на особом, более развитом, нежели наречия славянских племен, языке (условно, конечно, особом. — *Н. Д.*), имевшие более высокую культуру, развившуюся под значительным арабским и византийским влиянием, настолько резко стали отличаться от массы общинников (т. е. славянского населения страны. — *Н. Д.*), что возникла необходимость в особом названии этих групп» (подчеркнуто нами. — *Н. Д*). «Так возникло, — говорит проф. Юшков, название Русь...». Спрашивается, у кого же возникла эта необходимость? У славянского ли населения, у городской ли особой, поднявшейся экономически, культурно и политически над массовым славянским населением социальной группы, при дворе ли князя, или у чужеземного скандинавского купца? На этот естественный вопрос проф. Юшков не дает ответа.

Термин русь есть племенной термин, а племенные термины имеют обыкновенно свою историю, и так просто, как это рисуется проф. Юшкову, не возникают. Правильное истолкование такого сложного племенного

термина, как термин р у с ь, требует, прежде всего, обращения к материалам исторической этнографии, что и проделано нами выше. С нашей точки зрения, предложенный нами выше опыт истолкования термина «славяне — русь» представляет собою, несомненно, последнее слово нашей советской науки.

Если принять это истолкование, то сам собою должен отпасть и второй вопрос, на котором в своей интересной статье останавливается проф. Юшков, — вопрос о том, славянский это термин или не славянский. Не уверенный в правоте своего высказывания, проф. Юшков склонен думать, что он, вероятно, не является славянским. Конечно, этот термин не славянский, а до-славянский. Но поскольку он восходит к племенному наименованию одного из до-индоевропейских и до-славянских племен, которое вместе с рядом других таких же до-индоевропейских племен легло в основу позднейшего славянского этнографического образования, постольку термин р у с ь является вместе с тем и славянским термином. Славяне преемственно унаследовали его от своих далеких до-славянских предков.

Только при таком истолковании происхождения термина р у с ь становятся понятными и сохраненный летописью терминологический дуализм в этнографической номенклатуре древне-киевских документов и значение термина р у с ь, р у с ь к и й, как политического вначале, по преимуществу, термина для славян, подданных Киевской Руси, и противопоставление р у с и с л а в я н а м. «И рече Олег: ищиите пре паволочиты Р у с и, а с л о в е н о м кропиньны»; «Посла Олег мужа своя построит мира и положит ряд межю Греки и Р у с и ю», т. е. между Византией и Киевской Русью; «И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривне на ключ, и потом даяти уклады на Р у с ы с к и е грады: первое на Киев, также на Чернигов и на Переславль и на Полотеск и на Ростов и на Любечь и на прочая грады, по тем бо градом седяху велиции князи, под Олегом суще».

В этом списке городов нет ни Смоленска, ни Новгорода, ни Пскова, ни Ладоги. А ведь это крупные племенные центры. Следовательно, в это время они не были еще «под Олегом», т. е. не входили в состав Киевской Руси, не были р у с ь к и м и городами, а были городами с л а в я н с к и м и, откуда в армии Олега при-

ходило немало тех самых наемников словен, которым он предложил довольствоваться «кропиньными», т. е. полотняными парусами в противоположность своим непосредственным подданным, киевлянам — руси, которые получили от него «пре паволочитые», т. е. паруса из дорогой и прочной шелковой ткани — паволоки.

Повидимому, в начале XII в., когда составлялась «Повесть временных лет», в киевской общественности не было никакого сомнения в том, что терминами словене и русь испокон веков именовался один и тот же народ — словене. «Темь же Словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмь, Русь», — читаем мы в «Повести временных лет». Убеждение летописца в племенном единстве и тождестве словен и руси дает ему основание утверждать, что апостол Павел, по преданию учитель западного славянского народа, тем самым является и нашим учителем, т. е. учителем Руси, русского народа: «Темь же и нам, Руси, учитель есть Павел, понеже учил есть язык Словеньск... А Словеньск язык и русьский един есть...».

Для киевского ученого книжника XII в. этот вопрос был совершенно ясен и не вызывал никаких сомнений. Но терминологический дуализм, повидимому, и тогда интересовал людей и, вероятно, вызывал недоумения и споры. Ответом на эти споры и явилось положительное утверждение летописца: «А Словеньск язык и Русьский един есть, от варяг прозвашася Русию, а первее беша Словене; аще и Поляне звахуся, но Словеньска речь бе; Полями же прозвашася, зане в поли седяху, а язык Словеньск бысть им един».

Как мы видим, летописец не ограничился простым утверждением того, что он знал и в чем был убежден, т. е. что славяне и русь — это один и тот же народ, что мы, русь, русский народ, испокон веков принадлежим к числу славянских народов и представляем собою такой же славянский народ, как и прочие славяне, — «бе бо един язык Словеньск: словене, иже седяху по Дунаеви, ихже преяша Угри, и Морава, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже ныне зовомая Русь». С целью быть более убедительным и понятным для своих читателей, летописец в дополнение к своему рассуждению, для его иллюстрации приводит общеизвестный конкретный пример терминологического дуализма — поля-

не: хотя этот народ и назывался полянами, потому что они жили в степи, а по речи это были славяне, тот же славянский народ.

Но откуда же ведет свое происхождение название славян русью? На этот вопрос летописец дает свой собственный с его точки зрения совершенно определенный ответ: так их прозвали, говорит он, варяги, а раньше они были и назывались славянами [63].

6. Племенные группировки и основные культурные центры русского народа в IX в.

Как мы уже знаем, по представлению восточно-мусульманских писателей IX—X вв., население современной им Руси делилось на три обособленные группы племен. Так, например, Истахри говорит: «Русы состоят из трех племен, из коих одно ближе к Булгару, а царь его живет в городе, называемом Куяба, который город больше Булгара; второе племя называют Славия и еще племя называют Артания, а царь его находится в Арте... Арта находится между Хазаром и великим Булгаром, который граничит с Румом к северу... [64].

Такая группировка восточно-славянских племен в IX—X вв., восходившая, надо полагать, и к более раннему времени, не чужда была, повидимому, и представлениям древне-русского летописца. Так, например, в летописи (по Лаврентьевскому списку) под 6367 (859) годом мы читаем: «Имаху дань Варязи из заморья на Чуди и на Словенех, на Мери и на В(е)сех, и (на) Кривичех; а Козари имаху на Полянех и на Северянех и на Вятичех» [65].

Таким образом, согласно показаниям летописи, новгородские славяне и кривичи в IX в. находились в сфере влияния заморских варягов — норманнов: они были их данниками. Другая группа славянских племен — поляне, северяне и вятичи — находилась в то же время в сфере влияния Хазарского каганата и «востока». Это две группы или два русских племенных центра арабских источников — Славия и Артания: северо-запад, т. е. Новгород—Смоленск, и юго-восток т. е. Подонье и Приазовье. Третью группу племен, имевшую своим центром г. Куяба арабских источников, т. е. г. Киев, расположенную в ближайшем соседстве с дунайскими болгарами, составляли, повидимому, уличи

с тиверцами и древляне. Эта юго-западная группа племен, сидевшая у Черного моря и соседившая в древности с греческими колониями, находилась в IX в. в сфере влияния Византии (Рум) и представляла собою наиболее культурное и мощное славянское племенное объединение. Об этом говорит тот факт, что в конце IX в. у уличей, по Новгородской первой летописи, был крупный центр — город и вместе сильная крепость Пересечен, а также (по Лаврентьевской летописи) ряд приморских городов [66].

Акад. А. А. Шахматов устанавливает к началу IX в. наличие двух сфер влияний, действовавших на территории восточно-славянских и соседивших с ними финских племен: скандинавская и хазарская. Север и северо-запад попали в сферу скандинавского влияния, а юг и юго-восток в сферу хазарского влияния.

Хазары еще в VII—VIII вв. образовали в юго-восточной России большое и могущественное государство, столицей которого был г. Итиль, расположенный недалеко от устья Волги. Прежде всего под владычество хазар попало восточно-славянское население Донского бассейна. В результате покорения этого населения, говорит Шахматов, власть хазар распространилась и на сидевших севернее вятичей, а затем и на северо-запад, ибо, судя по летописи, данниками хазар были и радимичи (см. под 885 г.). Владычество над восточными славянами в Донском бассейне привело хазар и к покорению сидевших на Десне и среднем течении Днепра северян. Можно думать, говорит Шахматов, что в VIII в. сфера влияния хазар сталкивалась на Днепре со сферой влияния аваров. Падение аваров дало хазарам возможность распространить свое влияние и на правобережных полян; в летописи имеется предание о том, как попали под хазарскую руку воинственные поляне [67].

О том, что юго-западная группа древне-русских племен — уличи с тиверцами и древляне — представляла особую в культурном и экономическом отношении группу племен, говорит в частности длительная и упорная борьба, которую ведут с нею поляне. Эта борьба началась, вероятно, еще до Аскольда и Дира, была продолжена ими и их преемниками, Олегом и Игорем, и окончена княгинею Ольгою, сумевшей подчинить себе древлян [68].

Таким образом мы имеем все основания говорить о наличии в IX в. в среде древне-русских племен трех культурно-исторических центров, развивавшихся каждый в своеобразной культурной и экономической обстановке международного окружения и международных связей:

1) юго-западный — уличи с тиверцами и древляне, — находившийся в сфере западно-славянского и византийского взаимовлияний;

2) северо-западный — новгородско-ладожские славяне и кривичи, — находившийся в сфере взаимовлияний скандинавского и финского;

3) юго-восточный — поляне, северяне и вятичи, — находившийся в сфере взаимовлияния хазар и Востока.

Однако нет никаких оснований говорить о том, что эти три центра были решительно обособлены друг от друга и не имели друг с другом никаких связей. Напротив, они всегда находились в тесном общении друг с другом путем, прежде всего, широких торговых связей, поддерживавшихся во всех направлениях по обильным водным путям и обусловливавших собою и культурные связи и культурный взаимообмен. В этих связях росла и крепла своеобразная культура, отличная от Востока и Запада, комплексная по характеру привходивших в нее с глубочайшей древности элементов, общая в своих основах для всех древне-русских племен и оставшаяся общею, как субстрат культуры современного русского народа в составе трех образующих его братских народов — великороссов, украинцев и белоруссов. Уходя своими корнями в доисторическое прошлое русского народа, вобрав в себя культурное наследие своих далеких предков, живших за тысячи и десятки тысяч лет до нашей эры на восточноевропейской части территории нашего Союза, эта культура впитала все лучшее, что давала тогда культура передовых народов Востока и Запада. На этой богатой основе и создалась та своеобразная, национальная по форме культура, которая уже в X—XI вв. выдвинула Киевскую Русь на передовые позиции среди народов всего тогдашнего мира. Эту культуру создавал своим трудом весь русский народ, все составлявшие его племена севера и юга, востока и запада. В нее внесли свою долю и северяне (словене, кривичи, полочане), и южане (уличи, тиверцы, древляне, поляне, хорваты), и восточные племена — северяне и вятичи. Эта

культура — родная всему русскому народу, и ее наследием до сих пор продолжают жить и великоросс, и белорусс, и украинец.

О наличии в IX в. трех культурно-исторических центров или трех основных восточно-славянских племенных групп говорят и археологи, и антропологи, и лингвисты. Так, например, археолог А. А. Спицын в статье «Расселение древне-русских племен по археологическим данным» [69] устанавливает три отдельные групы славянских племен: 1) северо-западную — новгородцы с кривичами, 2) западную — древляне, 3) восточную — северяне.

Академик А. И. Соболевский различает: 1) северозападную группу говоров — говор кривичей или словен (новгородский, псковский и полоцко-смоленско-витебский); 2) средне-русский или великорусский говор (язык) — говор древних вятичей и их колонистов на обоих берегах верхней Волги (современные говоры северные или окающие и говоры южные или акающие); близким к этому говору, по Соболевскому, был старый западно-русский или белорусский говор — говор древних дреговичей, родоначальник современного белорусского языка; 3) галицко-волынский говор — говор дулебов-волынян, предок современного украинского языка [70].

По Шахматову, древне-русские племена Несторовой летописи составляли три основных группы племен.

1) Южно-русскую группу. В нее входили: поляне, занимавшие правое побережье среднего течения Днепра и имевшие своим центром город Киев; уличи и тиверцы — к юго-западу от полян, по Днестру, до самого его устья, причем тиверцы сидели южнее уличей; бужане, они же дулебы, они же позже волыняне — в верхнем течении Южного Буга; хорваты — западнее волынян, т. е. в нынешней Галиции; древляне — в пределах Волынской области и южной части Минской области; северяне — по левой стороне Днепра, в бассейне рр. Сумы, Десны и Сейма, в нынешней Черниговской и Полтавской областях.

2) Средне-русскую группу. В нее входили: дреговичи (по Шахматову — «ляшское» племя; наименование производится от «дрягва», древнее дрьгъва —

болото, болотистое место), населявшие нынешнюю Минскую область и часть Витебской области (Белоруссия); радимичи — в нынешней Могилевской области (Белоруссия); вятичи — в бассейне р. Оки (Рязанская, Тульская и Калужская области).

3) Северно-русскую группу. В нее входили: кривичи, сидевшие в бассейне верхнего течения Западной Двины, верхнего течения Днепра и Волги; словене — в области озера Ильменя [71].

IV

ДРЕВНЕ-РУССКИЕ ПЛЕМЕНА И ПОЗДНЕЙШИЕ НАРОДЫ — ВЕЛИКОРУССКИЙ, УКРАИНСКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ

Со второй половины IX в. южные степные приазовские и причерноморские районы нашего Союза становятся на некоторое время ареною движения и кочевья восточных народов — угров (IX в.), печенегов (X в.) и половцев (XI в.). Столкновение этих народов с юго-восточными славянскими племенами (северяне, вятичи) вынуждает последние передвигаться на северо-запад — к Десне и к Днепру (северяне) и на север — к Оке (вятичи). Проф. В. А. Пархоменко высказал остроумную догадку о том, что аналогичные судьбы в своей истории пережили и поляне, продвинувшиеся в это время из степного Подонья и Приазовья (донско-азовская Русь) на северо-запад, к Днепру [72].

В результате этой передвижки возникала новая передвижка, на этот раз уже в среде северных племен, в направлении с востока на запад. Так, например, южнорусские племена уличи и тиверцы сидели некогда между Днепром и Южным Бугом до самого Черного моря; затем они продвинулись к северу, в область между Южным Бугом и Днестром; еще позже они поселились по Днестру.

По предположению А. А. Шахматова, и вятичи жили некогда гораздо южнее бассейна Оки, в северной части Донецкого бассейна, а быть может и еще южнее — в направлении к Азовскому морю. Позже они продвинулись на север, в бассейн р. Оки, и осели в нынешних Рязанской, Тульской и Калужской областях, откуда в половине X в. вытеснили радимичей, заставив их продвинуться в северное Поднепровье, в Могилевскую

область, продвигаясь вслед за ними туда же и сами. Свидетельством этого передвижения может служить, между прочим, наличие реки Прони в Рязанской области и реки с тем же именем в Могилевской области.

Продвижение на север в Галицию южно-русских «украинцев», уличей и тиверцев вызвало передвижку и в среде правобережных южно-русских племен. Хорваты продвинулись на запад, в горные прикарпатские районы; древляне из Волынской области переместились на север, за Припять, в область дреговичей, коренного населения Минской области, и т. д.

Уличи, тиверцы, поляне, северяне, древляне, волыняне, или бужане и хорваты в их племенных скрещениях представляют собою позднейший славянский субстрат современного украинского народа и украинского языка во всем разнообразии его наречий и говоров.

Племенные скрещения южно-русских древлян со средне-русскими дреговичами и средне-русских радимичей с восточно-русами вятичами и часть кривичей представляет собой позднейший славянский субстрат современного белорусского народа и белорусского языка во всем разнообразии его наречий и говоров. По Шахматову, белорусский язык представляет собой соединение восточно-русских, ляшских и южно-русских элементов. Связь белорусского языка с южно-великорусским определяется тем, говорит Шахматов, что в состав белорусского языка вошли южно-великорусские, иначе — восточно-русские элементы.

Выше мы видели, что в состав северно-русской группы, как ее намечает Шахматов, входили кривичи, сидевшие в бассейнах верховьев Западной Двины, Днепра и Волги, и словене. Кривичи, по Шахматову, распадались на две группы — восточную и западную. Восточная группа кривичей занимала верхнее течение Волги; западная — верхнее течение Двины, реки Великой и Чудского озера. Западная группа кривичей была захлестнута волною племени радимичей, залившей собою всю Белоруссию, и усвоила некоторые черты его языка. Типичным представителем западно-кривичского говора, по Шахматову, является древне-псковской язык, известный с XIV в. Характерными для этого

языка являются, во-первых, основные северно-русские особенности (замена ч и ц, произношение ѣ, как и); во-вторых, «ляшские» особенности (смешение ж и з, ш и с; образование гл из дл, например, жерегло, вегли, сегли); в-третьих, восточно-русские особенности (аканье).

Восточные кривичи, занимавшие вначале верховья Волги, осели впоследствии и в бассейне Оки, где встретились с восточно-русами вятичами, вынужденно продвигавшимися с Подонья на север в Рязанскую область и на северо-запад в Поднепровье, в Черниговскую область. Племенные центры восточных кривичей — Суздаль и Владимир и вятичей — Рязань были одновременно и политическими центрами. Встреча восточных кривичей с вятичами не была дружественной. Об этом говорит, между прочим, поход Владимира Святославича Киевского в 981 и в 982 гг. против вятичей, а также борьба с Рязанью суздальцев и потом москвичей. Борьба восточных кривичей-суздальцев с вятичами-рязанцами увенчалась для первых относительным успехом: часть вятичей, «суровых рязанцев, полоумных смердов», по характеристике суздальского и московского летописцев, была приведена к подчинению суздальским князьям.

А. А. Шахматов предполагает, что это была борьба за обладание бассейнами Оки и верхнего течения Волги, и с этою борьбою связывает перенесение политического центра северо-восточной русской области из Владимира на запад — в Москву, представлявшую собою в середине XII в. всего только вотчинную усадьбу суздальского князя Юрия Долгорукого и выросшую через сто лет в центр Московского вотчинного княжества (1271 г.), а к началу XIV в., при Юрии Даниловиче и его брате Иване Калите, — в столицу великого княжества Московского. Москва выросла на мирном стыке двух племенных образований: северно-русов кривичей и южно-русов — вятичей. Этим стыком с конца XIII и начала XIV в. определяется, по Шахматову, возникновение великорусского народа, представленного соответственно двумя основными наречиями — северно-великорусским и южно-великорусским. «В бассейне Оки, вокруг Москвы, — говорит Шахматов, — они (т. е. кривичи и вятичи) встретились уже не

для борьбы, а для прочного сожительства и взаимной поддержки».

Главная историческая задача Москвы заключалась в защите населения средней России от татар. Выполняя эту задачу, Москва естественно перешла к собиранию русских земель, но это стало возможным только после сбразования вокруг Москвы сплоченного этнографического ядра, вобравшего в себя племенные элементы соседних земель, подлежавших собиранию. Образование этого ядра великорусской народности было результатом несомненно сложного, хотя, быть может, и не столь продолжительного процесса. Впрочем, процесс этот мог начаться задолго до возвышения Москвы и даже задолго до татарского нашествия, ибо Москва издавна находилась на стыке северно-русского и восточно-русского населения [73].

К сказанному добавим, что названные племенные элементы представляют собою сравнительно позднейший славянский субстрат, легший в основу образования великорусского народа, вобравшего в себя всю массу материального и культурного наследия предшественников славян на той же территории, о чем мы говорили выше.

Начиная со смерти Ярослава (половина XI в.), с момента окончательно установившейся феодальной раздробленности бывшей «империи Рюриковичей», деление Руси на племена в летописи прекращается. Имена словене, поляне, северяне и пр. исчезают и заменяются наименованиями центров феодальных княжеств — Новгород, Киев, Чернигов и др. Вместе с развитием феодальных отношений и возникновением новых самостоятельных политических центров — княжеств: Новгородского, Ростово-Суздальского, Муромо-Рязанского, Смоленского, Киевского, Черниговского, Северского, Переяславльского, Волынского, Галицкого, Полоцкого и Турово-Пинского — русское имя, как принадлежность собственно днепровских земель, переходит из племенного в территориальное, название Руси все более и более сосредоточивается на одном Киеве; в конце XII в. является для Киева особое имя Русской области: «да то ты, а то Киев и Русская область» (Ипатьевская летопись, 144, под 1195 г.). Русским именем отличаются киевские князья от черниговских: «И

прииде ту вся земля Половецькая, и вси их князи, а из Киева князь Мстислав со всею силою, а из Галича князь Мстислав со всею силою, Володимер Рюрикович с Черниговци, и вси князи рустии и вси князи черниговски» (Троицкая летопись 217, под 1223 г.).

«По соединении в одно целое всех частей государства при Иоаннах, собирателях русской земли, русское имя, скрытое для историка, — замечает С. Гедеонов, — но никогда не исчезавшее для народа, внезапно является общим, связующим наименованием всех частей обновленной и окрепшей России».

Академик А. А. Шахматов приводит записанное, по его предположению, в XII, а может быть даже и в XI в., свидетельство псковского летописца о событии 6568 (1060) г., в котором псковичи и новгородцы называются русью. Напротив, замечает Шахматов, в Новгородской летописи слово Русь в XII в. означает преимущественно Киевскую область, но под 1169 г. Русскою землею названы и низовцы [74]. Под 6746 (1238) г. Русскою землей названы Суздальская, Рязанская, Ростовская и Тверская земли. Вообще, говорит Шахматов, с середины XIII в. имя Русь начинает употребляться для обозначения Суздальской области. Но себя, свою землю новгородцы еще не скоро назовут русским именем [75].

Уже в течение X в., по Шахматову, завершается объединение восточно-славянских земель вокруг Киева, получающего в силу своего положения возможность стать не только политическим, но и культурным центром для всего Поднепровья и прилегающих к Поднепровью земель. Киев, русский по преимуществу город, передает русское имя не только южной России, в частности и Черному морю, на которое опирается его могущество, а и средней России и новгородскому северу. Правда, в Ростове и Суздале Русью называют по преимуществу южную Россию, Киевскую землю, но в отношении к чужеземцам русью начинают себя называть все вообще восточные славяне. Это показывает, что раздробленное в прошлом славянство слилось в одну семью, связанную политическими и культурными узами. В стороне остаются, как кажется, юго-восточные племена в бассейне Дона и жившие на крайнем юго-западе уличи и тиверцы. Но часть уличей, покоренная киевским князем, приобщается к государственной организации, возглавляемой Вла-

димиром Святославичем и пошедшей от него княжеской династией. Остальные уличи, а вероятно и тиверцы, вошли в состав Галицких земель Ростиславичей [76].

Однако и после того как центр политической и культурной жизни русского народа передвинулся из Киева на север, Киевская и вся западная область продолжали называться Русью или, по греческому произношению, Россией, а население их — русским или российским народом или родом. Так, например, Окружная грамота, напечатанная в Киеве в 1629 г., т. е. еще до воссоединения Украины с Москвою (1654 г.), начинается такими словами: «Иов Борецкий, милостию Божией архиепископ Киевский и Галицкий и всея России, всем посполито Российского Рода, так в короне Польской, яко и у великом княжестве Литовском, всякого достоинства, духовного и светцкого, высокого шляхетного и низшого посполитого стану людем...».

В одной книге, изданной в 1619 г. в Киеве, известный украинский ученый, Памво Берында, обращаясь к читателю, говорит о Лавре Печерской: «се убо приносит ти... матер твоя в России Малой». В «Грамматике», вышедшей во Львове в 1591 г., говорится, что она издана в наставление — «многоименитому российскому роду». Митрополит киевский и галицкий Михаил Рагоза именуется «архиепископом всея России». А прежние митрополиты киевские, бывшие до Михаила Рагозы, писали: «и всея Руси» или «всея Русии».

В 1592 г. Львовское братство обращалось к царю Федору Ивановичу с просительными посланиями, в которых именует его по старой традиции, восходящей в письменных документах к X в., «светлым царем Российским», вспоминает «князя Владимира, крестившего весь Российский род» и т. п.

Гетман Богдан Хмельницкий в своем Белоцерковском универсале 1648 г. писал: «Вам всем обще Малороссиянном о том доносим... Кому из вас любима целость отчизны вашей, Украины Малороссийской... — о увольнению от бед лядских всего народа Малороссийского...» и т. п.

В ответном письме Запорожской Сечи гетману Хмельницкому от 3 января 1654 г. читаем следующие строки:

«А замысл ваш, щоб удаться и буди зо всѣм народом Малоросийским, по обоих сторонах Днѣпра будучим, под протекцию великодержавнѣйшего и пресвѣтлѣйшого монарха Российского, за слушный быти признаваем, и даемо нашу войсковую вам пораду, а быстѐ того дѣла не оставляли и оное кончили, як ку найлутшой ползѣ отчизны нашой Малоросийской...».

Такое же употребление имен «Россия», «российский» известно в те времена и на русском северо-западе, в Литовском княжестве. Так, например, в одном выпущенном здесь в 1616 г. издании (Учительное евангелие) говорится, что русский перевод этой книги «выданьем з друку, на все широкии славного и старожитного народу Российского краины разослан...» [77].

V

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОРУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ

Образование в IX в. первого русского государства (Киевская Русь) явилось заключительным актом уже сложившихся и окрепших к этому времени в русском обществе новых производственных отношений, характерных для феодального строя, с господством класса крупных земельных собственников и наличием зависимого от них крестьянства.

Развитие крупного землевладения с одновременным закабалением крестьянства вызывает в Киевской Руси уже в XI в. рост областных городов и усиление политического влияния экономически окрепшей областной землевладельческой знати, князей и боярства. Это выражается в значительном подъеме политической жизни «земель» и в ослаблении руководящей и организующей роли центра — Киева — в политической жизни страны.

В результате феодализации производственных отношений уже с начала XI в. в жизни Киевского государства наблюдаются первые признаки его распада. Первым попытался отложиться от Киева Новгород, боярство которого в 1014 г. отказалось вносить дань Киеву. Попытка киевского князя Святополка силою оружия заставить новгородцев подчиниться верховной власти Киева потерпела неудачу. В 1016 г. Святополк был разбит у Любеча новгородцами под предводительством Ярослава и

бежал в Польшу к своему тестю, князю Болеславу Храброму (992—1025).

Ближайшему преемнику Святослава, Ярославу Владимировичу Мудрому (1019—1054), при всех его крупных государственных дарованиях, не удалось предотвратить распад государства. Рост производительных сил страны и возникновение новых феодальных отношений с неумолимой неизбежностью ломали старые устои централизованной «империи Рюриковичей». Ярославу Владимировичу удалось в известной мере временно парализовать сепаратистские устремления Полоцка (князь Брячислав) и Тмутаракани (князь Мстислав), но не удалось остановить естественный процесс распада старой Киевской державы, и после его смерти начинается заметный ее упадок.

Новая попытка трех старших сыновей Ярослава Владимировича, крупнейших владетельных князей — Изяслава Киевского и Новгородского, Святослава Черниговского и Тмутараканского и Всеволода Переяславского— задержать распад государства не только не увенчалась успехом, но закончилась восстанием киевлян в 1068 г. Это восстание вспыхнуло в связи с поражением киевской армии половцами. В результате восстания Изяслав принужден был бежать из Киева в Польшу и там искать поддержки у своего племянника, польского князя Болеслава II (1057—1080).

Между тем, экономический и политический рост отдельных земель-княжеств, входивших в состав «империи Рюриковичей», продолжал наносить разрушительные удары по великодержавной гегемонии Киева. Вместе с тем росли и обособленческие устремления отдельных его земель-княжеств. Это привело Киев прежде всего к экономическому упадку, так как стал значительно сокращаться приток даней, обильно поступавших раньше в казну киевского князя со всех концов его обширной державы. В то время как отдельные земли-княжества росли и материально крепли, Киев все больше беднел. В конце концов ряд княжеств отказался признавать гегемонию Киева и восстал против его великодержавных тенденций.

В результате этого конфликта на территории бывшей «империи Рюриковичей» во второй половине XII в. сложился ряд новых политических объединений, представ-

лявших собой самостоятельные феодальные княжества: Новгородское, Ростово-Суздальское, Муромско-Рязанское, Смоленское, Киевское, Черниговское, Северское, Переяславское, Волынское, Галицкое, Полоцкое и Туро-во-Пинское. С этого времени Киев утратил ведущую политическую роль, и «империя Рюриковичей» прекратила свое существование. Взятие и разгром Киева в 1169 г. объединенными войсками одиннадцати феодалов под главенством владимирско-суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского явилось одним из последних эпизодов в истории распада Киевской державы.

Усилившиеся в это же время грабительские набеги на русскую землю половцев, принявшие в XII в. угрожающий характер, еще больше содействовали политическому упадку Киева, утрате им былой ведущей политической роли и естественной передвижке руководящего политического центра в наиболее безопасные от внешнего врага периферийные районы: Галицко-Волынский и Полоцкий — на западе и Владимирско-Суздальский и Новгородский — на севере и северо-востоке.

Феодальная раздробленность сыграла решающую роль в дальнейших культурно-исторических судьбах русского народа. Она содействовала областному обособлению отдельных феодальных земель-княжеств. Создавалась обстановка, неизбежно обрекавшая княжества на экономическую, политическую и культурную разобщенность друг от друга, на известную замкнутость их в узких рамках областных границ. Напряженные международные отношения (длительные княжеские междоусобицы и постоянная угроза со стороны Литвы, Польши и Венгрии на западе, немцев и шведов на северо-западе, турецко-татарских интервентов на востоке и юге) вынуждали демократические элементы общественности, в целях сохранения национальной независимости и защиты своих трудовых интересов, сплачиваться внутри узких рамок областных границ феодальной государственности, как например, в Галицко-Волынском княжестве на всем протяжении его исторической жизни.

Таким образом, вместе с феодальной раздробленностью в отдельных феодальных и феодально-областных объединениях постепенно нарастали предпосылки для дальнейшего углубленного развития исконных, местных, хозяйственно-бытовых и культурных племенных особенностей (язык, техника и хозяйство, материальная культура,

обычаи, религия, фольклор и пр.). Этот процесс шел в рамках отдельных феодальных объединений, но на основе общего для всех их старого доисторического и исторического общерусского культурного наследия.

Хозяйственно-экономическое и культурно-историческое развитие русского народа — сначала в обстановке феодальной раздробленности, а затем в обстановке ликвидации феодализма и подъема капитализма, — привело постепенно к сложению в недрах русского народа трех новых этнографических и культурно-исторических областных образований — великороссов, украинцев (малороссов) и белоруссов, трех братских народов, образующих в составе великого Союза Советских Социалистических Республик каждый в отдельности особую нацию и все вместе в своем единстве — русский народ как мощное племенное целое.

В первой половине XIV в. в результате деятельности московского князя Ивана Даниловича Калиты (1304—1341) на северо-востоке Руси вырастает Московское великое княжество. Оно образовалось на основе начатого уже предшественниками Калиты и продолженного его преемниками в XV в. объединения соседних уделов: Переяславля, Можайска, Коломны, Суздаля, Рязани, Мурома, Костромы, Галича, Калуги, Дмитрова, Владимира, Нижнего-Новгорода, Ярославля, Твери, Новгорода Великого, Пскова, Вятки и др. Московское великое княжество объединило бывшие русские племена восточной ветви кривичей, вятичей и новгородских славян и по своему материальному положению и по ведущей политической роли в стране и в международных отношениях явилось фактически Великою Русью или Великою Русией. Объединенные же названные выше племена стали основным ядром великорусского народа.

Перечисляя главнейшие древне-русские славянские племена, составлявшие «словеньск язык в Руси»: полян, древлян, новгородцев, полочан, дреговичей, северян, и бужан или волынян, киевский летописец одновременно называет и ряд соседних с русскими славянами неславянских народов: чюдь, мерю, весь, мурому, черемисов, мордву, пермь, печору, ямь, литву, зимеголу, корсь, норому, либь. «Се суть инии языци, иже дань дают Руси», — замечает об этой группе народов летописец. Таким образом в состав Киевской Руси входили

как славянские племена, так и не славянские. Последние, сохраняя, повидимому, свою племенную автономность, были связаны с Киевом данническими обязательствами и в этом смысле стояли в политической зависимости от Киева. На севере, северо-востоке и востоке это были финские племена: чудь, меря, весь, мурома, черемисы и др.; на западе — литовско-латышские племена: литва, зимегола, корсь, норома, либь и др. Названные финские племена были ближайшими соседями новгородских славян, восточной ветви кривичей и вятичей, т. е. той группы русских славян, которая легла в основу великорусского народа.

Выше мы рассказали о том, как шел процесс становления из начальных племенных образований и дальнейшего сложения прототипов позднейших племенных единиц — коллективов: славян, финнов, турко-татар. Вспомнив это, мы легко себе представим, что истории этнографического становления великорусского народа предшествовал длительный процесс межплеменных скрещений. В этом процессе скрещивавшиеся племена-компоненты представляли собою прежде всего хозяйственно-производственные коллективы, объединенные каждый общностью примитивного языка — речи, но вовсе не какие-либо определенные, более или менее уже сложившиеся этнографические группы. Процесс формирования позднейших исторических этнографических коллективов-особей и имел в виду Н. Я. Марр, когда он утверждал: «В формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а как творческая материальная сила формирования: оно послужило в процессе нарождения новых экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещения фактором образования и русских (славян) и финнов».

По Марру, «и в русских и в их мирных сожителях на территории Костромской области — финнах, а равно и в приволжских турках одинаково сидят доисторические племена, по речи все те же яфетиды». «Происхождение новых исторических видов, — замечает Н. Я. Марр, — протекало путем отнюдь не влияния, а неизбежно возникавшего на экономической базе кон-

центрации этнических масс скрещения многочисленных видов доисторического типа, до нас вовсе не дошедших в совершенно чистом виде во всем обширном (приволжском) районе, если даже не забывать о чувашах» (см. выше).

Как мы выше отметили, Н. Я. Марр иллюстрировал свое положение на анализе, в частности, слова «юг», бытующего сейчас в финском языке и одновременно в русском и до последнего времени ошибочно рассматривавшегося в старой этнографической и лингвистической литературе как «доказательство когда-то бывшего сплошного инородческого (подразумевай — финского!) населения (костромского) края». Слов, подобных слову «юг», бытующих одновременно в финском и русском языках и представляющих собою общее для обоих народов культурное наследие их доисторических предшественников, имеется, вероятно, много. Вот почему, если в русском языке на данной территории имеются элементы, в той или иной мере общие с финским языком, то они, во-первых, не представляют собою непременно позднейшего финского заимствования в русском языке. Никак нельзя на таком основании утверждать, будто территория, в языке русского населения которой или в местной топонимике которой имеются финские элементы, некогда непременно принадлежала финнам, которых впоследствии вытеснила отсюда русская колонизация. В истории становления и русского и финского народов подобные факты имеют гораздо более глубокие корни и гораздо более глубокое значение, чем простые позднейшие финские заимствования в русском языке, которые никем не отрицаются и представляют собою ценный культурный вклад в общую сокровищницу русского языка.

Таким образом, мы прежде всего должны категорически отвергнуть представление о том, что образование великорусского народа «последовало на территории, которая ранее была занята финскими племенами». Это представление не имеет ничего общего с исторической и доисторической действительностью и в такой общей формулировке не оправдывается никакими положительными данными, кроме орографической * и гидрографической номенклатуры. Но происхождение номенклатуры, как видели мы выше, в отдельных случаях могло восходить и к временам, когда о финнах не было и речи.

Наличие к северу от Смоленска и на Днепровско-Окском водоразделе «финских» названий рек послужило в свое время проф. Д. Анучину достаточным основанием для ошибочного утверждения, будто некогда «финны» продвигались к самому Днепру, и что «русские славяне, таким образом, расселяясь из области в верховьях Вислы, Днестра и Припяти, должны были утвердиться в областях, занятых первоначально неславянскими племенами». В частности, по мнению проф. Анучина, новгородские славяне, кривичи, вятичи должны были заселить область, занятую ранее финскими народами [78]. К этому, в корне ошибочному и неверному заключению проф. Анучин должен был неизбежно притти потому, что свои представления об образовании восточно-славянских народов он строил на основах миграционной теории, выводившей эти народы из общеславянской прародины, с верховьев Вислы, Днестра и Припяти. Однако, исходя из основных положений этой теории, проф. Анучин столкнулся с целым рядом недоуменных вопросов. Для устранения неувязок ему пришлось прибегнуть к построению новой теории о мирном (в основном) врастании славянских пришельцев в окружавшее их, такое же мирное «финское море» путем основания небольших поселков и городков, причем не исключалась возможность в некоторых случаях и более усиленной массовой колонизации. В подтверждение последней мысли автор прибегает к аналогичным примерам уже из исторической эпохи. Между прочим, он ссылается на массовое переселение украинцев в XVI в. на левый берег Днепра и в нынешнюю Харьковщину. Но украинцы переселялись на пустовавшие в то время окраины, а не на заселенные каким-либо народом земли, как это было на финском востоке и севере. В конце-концов, по Анучину, оказалось, что «в течение немногих веков на месте жительства финских племен образовалась великорусская народность и утвердилось Московское государство, включившее затем в себя и других инородцев среднего Поволжья и Прикамья...». «Замечательно, — говорит проф. Анучин, — что несмотря на несомненное участие финского элемента в образовании великорусской народности, последняя удержала вполне особенности своего языка, только включив в него, смотря по местностям, большее или меньшее количество инородческих слов...».

Несомненно, что финскому элементу принадлежит известная доля участия в образовании великорусского народа. Но для более правильной постановки вопроса о финско-русских этнографических взаимоотношениях и связях следует различать в истории образования великорусского народа два периода: доисторический период, когда территория восточноевропейской части Советского Союза была заселена племенами, стоявшими на доиндоевропейской (яфетической) стадии развития, и позднейший, исторический период, когда на сцену выступают славяне и финны уже как две сложившиеся особые этнографические группы.

Бытующие сейчас в великорусском и финском языках общие элементы восходят, прежде всего, к доисторическим временам и представляют собою общее обоим народам культурное наследие некогда общего их источника, их яфетического субстрата. Можно полагать, что общность протоосновы, на которой выросли и финны и русские, отложилась не только в их языках, но и в общих чертах основного физического типа обоих народов. Впоследствии этот тип подвергся воздействию разных для каждого из народов привходящих элементов, обусловивших их дальнейшие этнографические расхождения.

Вслед за этим идет исторический период, период соседской жизни и соседских взаимоотношений восточной ветви русских славян (новгородские славяне, кривичи и вятичи) и финнов, как двух особых народов. В течение этого периода неизбежны были племенные взаимосхождения обоих этих народов в периферийных районах, давшие новые отложения в их физическом типе и новые взаимозаимствования в их культурной, хозяйственной и бытовой жизни.

По данным, опубликованным в свое время акад. В. И. Ламанским, термин «Великая Россия» впервые встречается в Хрисовуле* византийского императора Иоанна Кантакузина 1347 г., где называются епископии «Великой России» — αἱ τῆς Μεγάλης Ῥωσίας ἁγιώται ἐπίσκοπαί. Под этими епископиями разумеются не малорусские и не белорусские епархии, а именно епархии, находившиеся в русских землях, признавших в то время верховную власть московского князя Симеона Ивановича

(1341—1353) и его ближайших предшественников, строго державшихся титула «великого князя всея Руси». Акад. Ламанский отметил, что в грамоте 1347 г. того же императора на имя владимирско-волынского князя Димитрия Любартовича сказано, между прочим, что со времени крещения русского народа установлено обычаем и законом, «чтобы во всей Руси, Великой, и Малой, находился один митрополит Киевский».

Польский историк XV в. Ян Длугош (1415—1480), говоря о р. Березине, отмечает, что Березина вытекает из болот и пустынь Великой Руси подле города Полоцка — ex paludibus et desertis Russiae maioris prope oppidum Polocsko. В связи с этим показанием Длугоша акад. Ламанский допускал возможность, «что, разумея Белую Русь не в смысле политическом и не включая ее в Малую, дабы, быть может, эту последнюю не увеличивать и через то не смешивать с Великою, а частью, может быть, и по соображениям этнографическим, по бо́льшим ее отличиям от Малой, чем от Великой Руси, иногда Белую Русь и в самом деле включали в Великую». Вообще же «под Великою Русью разумелась вся Русь не литовская и не польская, Русь, имевшая у себя великого князя всея Руси и других князей Рюриковичей, наконец держава или земля Новгородская, область Великого Новгорода». Трудно сказать, замечает Ламанский, получила ли Великая Русь свое название из-за великого князя (суздальского, владимирского, московского) или из-за великих владений Великого Новгорода на севере и северо-востоке. Можно думать, говорит Ламанский, что первоначально Великою Русью в собственном смысле и была земля именно Новгородская. На такое заключение наводят нас слова Гильбера де Лануа, посетившего в 20-х годах XV в. Великий Новгород и удивлявшегося его богатству и могуществу... «Русские Великой Руси, — заключает Ламанский, — были, кажется, первоначально новгородцы, Русь северная, окающая, а затем уже это название перешло и на Русь восточную, акающую» [79].

Термин «Великая Россия» был официально введен в царский титул в XVI в. под греческим влиянием взамен прежних терминов «Русь» или «Русия». Старый же термин «Русия» вместо «Росия» до сих пор живет в славянских языках на Балканском полуострове. После воссоединения с Москвою Малороссии (1654 г.) царь Але-

ксей Михайлович стал именовать себя самодержцем «всея Великия и Малыя России», а по воссоединении с Россией в 1655 г. Вильны этот титул был пополнен включением в него «и Белыя России». Термины «великоруссы» и «малорусы» более позднего происхождения, восходят к середине XIX в. и впервые введены в обиход, предположительно, Костомаровым.

Что касается терминов «малороссияне», «народ малороссийский», «Украина малороссийская» и «Россия Малая», то, как видели мы выше, эти термины появились задолго до воссоединения Украины с Москвою и до включения в официальный титул московских царей термина «Малая Россия».

В то время как с XII в. на северо-востоке Руси росло и крепло под верховною властью Москвы и Московского великого княжества новое феодально-государственное объединение, на юго-западе, на территории западно-русских племен хорватов, имевших своим центром город Перемышль, и дулебов, впоследствии бужан или волынян (велынян), имевших своими центрами города Владимир Волынский и Червень, складывалась и росла Червоная Русь, впоследствии Галицко-Волынское феодальное княжество.

Расположенный в непосредственном соседстве с Польшей и Венгрией, этот окраинный уголок русской земли отличается исключительными природными богатствами и выгодным в торгово-промышленном отношении положением. Поэтому он издавна являлся объектом нападений своих западных соседей и нередко, переходя из рук в руки, попадал к ним в неволю. Однако и в самые мрачные годы чуженационального гнета население этого края никогда не забывало своей кровной, родственной связи с русским народом, жило этим сознанием, поддерживало с русским народом смежных областей тесные политические связи и вместе с ним принимало активное участие в общерусской политической жизни, в борьбе русского народа с половцами и татарами, с литовцами и поляками, с немцами и шведами.

Феодальное Галицкое княжество (Червоная Русь) организационно оформилось в конце XI в., после Любечского княжеского съезда 1097 г., под руководством князя Ростислава Владимировича, внука Ярослава Мудро-

го. Быстро окрепнув экономически, Галицкое княжество очень скоро выросло в мощное государство. Энергично противостоя захватническим притязаниям Польши и Венгрии, Галицкое княжество поддерживало оживленные торговые связи с братскими русскими княжествами, доставляя им в изобилии продукты сельского хозяйства и промышленности — зерно, скот и соль, и одновременно вело широкую торговлю по Днестру. Уже к половине XII в. при князе Владимирко Володаревиче Червоная Русь, имевшая в это время своим политическим центром город Галич, еще более окрепла экономически и расширила свои границы — на юг по течениям рек Днестра, Прута и Серета вплоть до Дуная и берегов Черного моря. Таким образом открывался для Руси новый водный путь в Византию, заменивший собою старый исторический путь «из варяг в греки» по Днепру, отрезанный от Руси южными кочевниками. И в то время как Киев все больше приходил в упадок и утрачивал свою ведущую политическую роль, Галич вырастал в крупный торгово-промышленный и политический центр, а Галиция превращалась в мощное экономически и политически государство. Неизвестный нам автор «Слова о полку Игореве», обращаясь к галицкому князю Ярославу «Осмомыслу» (1152—1187), дал в ярких образах блестящую характеристику того высокого международного положения, которого достигло Галицкое княжество в конце XII в.

Объединение в 1199 г. Галицкого княжества с Волынским в одно феодальное княжество под властью волынского князя Романа Мстиславича из династии Мономаховичей (1199—1205) с центром в г. Галиче привело к созданию в начале XIII в. на юго-западной территории бывшей Киевской Руси самого обширного и самого мощного из всех русских княжеств — Галицко-Волынского княжества. На севере оно граничило с литовскими племенами, на западе — с Венгрией, на северо-востоке — с Полоцким, Пинско-Туровским и Киевским княжествами, а своими южными окраинами упиралось в низовья Дуная и Черноморское побережье.

В своем управлении страной князь Роман Мстиславич опирался на демократические слои среднего и мелкого галицкого боярства, а также на горожан и беспощадно уничтожал галицкое «великое» боярство, игравшее в политических судьбах Галичины самую гнусную

роль, предававшее родину, готовое в любой момент признать власть и Венгрии и Польши, лишь бы они поддержали его узко классовые эксплоататорские интересы. Последовательно проводя свою политическую линию, Роман Мстиславич поднял свое княжество на уровень передовой европейской державы. Византийское правительство обращается к нему с просьбой о помощи против половецких набегов, и Роман Мстиславич в двух больших походах громит половецкие вежи, захватывает добычу и пленников и освобождает из половецкого плена множество русских людей. «И бысть радость велика в земли Рустей» — замечает в связи с этим летописец.

Победы Романа Мстиславича над половцами укрепили дружественные связи между Галицией и Византией. В это же время настойчиво добивается дружбы галицкого князя и римский папа Иннокентий III. Показателем могущества Романа Мстиславича служит указание летописи, что он титулуется как «великий князь и самодержец всей Руси».

В начале XIII в. (1214 г.) Галицко-Волынское княжество стало жертвой польско-венгерской интервенции. Воспользовавшись смертью Романа Мстиславича, венгры захватили Галич, а поляки — западные и северные районы Волыни. Оставшись без главы государства и имея против себя «великую» боярщину, перешедшую на сторону интервентов, галицкий народ сам поднялся на защиту родины от чужеземных насильников и повел против них беспощадную партизанскую войну. На помощь галицкому народу пришел брат Романа Мстиславича, новгородский князь Мстислав Мстиславич Удалой. Он выгнал из Галиции венгров, а вместе с ними и их друзей, галицких «великих» бояр, и в 1219 г. занял Галич. В это же время племянник его, молодой Даниил Романович, сидевший после смерти отца вместе с младшим братом Васильком во Владимире Волынском, при поддержке Мстислава и других русских князей отнял у Польши захваченные ею волынские земли и воссоединил их с Волынью.

После смерти Мстислава Удалого (1228) наступает длительный период упорной борьбы галицкого народа во главе с Даниилом Романовичем (1228—1264) с захватническими устремлениями венгров, поляков, литовцев, ятвягов, немецких рыцарей и татар. Правление

Даниила Романовича заполнено стойкой борьбой галицко-волынского народа с иноземными интервентами и одновременно с «великим» боярством, неизменно помогавшим внешнему врагу овладеть страной. Столица княжества, славный Галич, переходит из рук в руки: в 1230 г. его занимает Даниил Романович; в 1232 г. его захватывают венгры; в 1233 г. он вновь переходит в руки Даниила; в 1235 г. он попадает в руки черниговского князя Михаила и его сына Ростислава; в 1235 г. Галич вновь в руках Даниила Романовича, который в 1240 г. занимает также и Киев.

В 1237 г. на территорию Галицко-Волынского княжества врываются с прибалтийского севера немецкие рыцари-крестоносцы и с помощью поляков захватывают его северные районы с городом Дорогичином. Однако, в следующем же году Даниилу Романовичу удается собственными силами разгромить крестоносцев, захватить в плен их предводителя Бруна и вернуть себе город Дорогичин.

Не прошло после этого и двух лет, как Галицко-Волынское княжество становится жертвой татарского погрома (1240), в результате которого Даниил Романович лишается южных своих владений. Галицкое Понизовье, Болоховская земля (Валахия) и придунайские области отходят к татарам. Тяжелая международная обстановка принуждает Даниила Романовича в 1245—1246 гг. признать власть Золотой Орды, после чего он получает от хана ярлык на все свои владения. Обеспечив себе таким образом поддержку татар, Даниил Романович заключает союз с Польшей и Венгрией, ликвидирует ятвягов, беспокоивших его владения постоянными набегами с севера, и присоединяет к себе часть их территории, составившей вместе с северными районами Волынского княжества, с центрами Берестье и Дорогичин, область, известную исторически под именем Подляшье. В 1254 г. ему удалось наладить добрососедские отношения с литовским князем Миндовгом, и он, продолжая решительную борьбу с галицким «великим боярством», поддерживавшим связи с венграми и поляками, готовится к борьбе с татарами.

В это время римская курия предложила Даниилу Романовичу заключить унию с католической церковью. Предполагая использовать Рим в борьбе с татарами, Даниил Романович принял предложение папы, за что

получил от него королевский титул и корону. Но так как обращение папы к европейским державам с призывом к «крестовому походу» против татар не нашло никакого отклика, Даниил Романович прервал свои сношения с Римом, и уния не состоялась. Тогда папа, обманутый в своих надеждах, предал галицкого князя церковному проклятию и стал проповедывать «крестовый поход» против русских. Это, однако, не испугало Даниила Романовича, и он начал борьбу с татарами собственными силами. Но справиться с сильным татарским войском ему не удалось, и он принужден был окончательно и безоговорочно признать власть татарского хана. Галицко-Волынское княжество стало «улусом» Золотой Орды и обрекалось на хищническую эксплоатацию со стороны ханских чиновников и на разорение. Татарское владычество крайне ослабило Галицко-Волынское княжество, и оно постепенно стало клониться к упадку, но в начале XIV в. еще продолжало существовать и бороться за свое существование и самосохранение со значительно более сильными Литвою и Польшей.

Внук Даниила Романовича, Юрий I Львович (1301—1308), еще раз объединил под своей властью все галицко-волынские земли и именовался rex Russiae, т. е. «король Русии». Сыновья же его, Андрей и Лев Юрьевичи (1308—1323), вновь поделили между собою княжество. Поддерживая торговые связи с немецкими городами, они заключали союзы с немецкими рыцарями, а в грамотах именовали себя титулом «Милостию божией князь Русии» (Dei gratia dux Russiae).

Со смертью братьев Юрьевичей Галицко-Волынское княжество переходит к потомкам Даниила Романовича по женской линии и попадает в руки польского мазовецкого князя Болеслава Тройденовича. Приняв православие с именем Юрий II, он объединил под своей властью оба княжества и именовал себя титулом «Dux totius Russiae Minoris», т. е. «Князь всей Малой Русии». Грамота 1335 г., в которой имеется этот титул, является наиболее ранним историческим документом, где Галицко-Волынское княжество именуется «Малой Россией»; отсюда ведут свое начало и термины: Малороссия, народ малороссийский, малороссияне, Украина Малороссийская.

Почему галицко-волынский князь Юрий II наименовал

свое княжество «Малая Россия»? Возможно, что в данном случае какую-то роль сыграло наличие на северо-востоке Руси более мощного Московского княжества, т. е. Великой России. Может быть, на появление этого термина повлияло и то обстоятельство, что рядом с Галицко-Волынским княжеством лежала «Малая Польша» с древнейшей столицей польского народа, г. Краковом, представлявшая собою важнейший культурный и политический центр всего польского государства. Галицкое княжество, известное у поляков под именем «Червоная Русь» (Czerwona Ruś), своими западными границами непосредственно соприкасалось с Малой Польшей, что и могло дать бывшему польскому мазовецкому князю Юрию-Болеславу основания для официального наименования своего нового русского владения, Галицкого княжества, «Малой Россией» по аналогии с соседней «Малой Польшей».

Юрий-Болеслав Тройденович был женат на сестре литовского князя Любарта Гедиминовича. Поэтому, когда в 1340 г. князь Юрий был отравлен галицкими боярами, Галицко-Волынское княжество, по инициативе бояр-убийц перешло к литовскому князю Любарту Гедиминовичу. Это повлекло за собой вторжение на территорию Галиции польско-венгерских войск. С помощью Золотой Орды вторжение было отбито, а татары проникли из Галиции в Польшу и Венгрию и подвергли их разгрому. Однако и после этого панская Польша не прекратила своих захватнических устремлений на Галицию, и в 1349 г. польский король Казимир III, прозванный Великим (1333—1370), захватил все галицко-волынские города, кроме Луцка. Литве удалось отнять от поляков Волынь, Галиция же осталась в польских руках.

Захватив Галицию, Казимир превратил ее в польское наместничество и стал широко полонизировать ее. Он щедро раздавал польским феодалам обширные поместья, конфискованные у оппозиционно настроенных галицких бояр, и в то же время подтверждал права на владение имениями тех галицких бояр, которые признали польское владычество. Одновременно значительно усилилось экономическое угнетение феодалами галицкого крестьянства и энергично насаждался католицизм.

Борьба Польши, Венгрии и Литвы за галицко-волынское наследие на этом не прекратилась. После смерти в 1370 г. короля Казимира III, Галиция по договору

1350 г. перешла к королю Людовику Венгерскому. Не довольствуясь захватом Галиции, Людовик в 1377 г. предпринял поход и на Волынь. В результате этого похода и договора, заключенного между Литвой и Венгрией, Польша получила в свое владение западно-волынские земли с городами Холм и Бельз, остальные же волынские владения остались попрежнему за Литвой.

С переходом Галиции под власть Венгрии началась усиленная ее мадъяризация. В стране были расквартированы венгерские гарнизоны, а во главе всего управления Галицией был поставлен венгерский наместник с официальным титулом старосты «Русской земли», управлявший страной через венгерских чиновников. Венгры беспощадно разоряли и грабили галичан, облагали их тяжелыми повинностями, угнетали бесконечными поборами. Когда в 1382 г. Людовик умер, галицкие крестьяне подняли восстание, но оно было задушено. Под властью венгерских магнатов Галиция оставалась вплоть до 1387 г., когда она была захвачена образовавшимся в 1385 г. Польско-литовским государством. По настоянию польских магнатов, король Ягайло-Владислав объявил Галицию и западную Волынь неотъемлемой частью Польши, и в этом положении Галиция оставалась под гнетом польских панов вплоть до первого раздела Польши, т. е. до 1772 г.

С переходом Галиции в 1387 г. под власть Польши вновь началась самая энергичная ее полонизация. Ягайло-Владислав не только подтвердил старые права на земли за «великими» галицкими боярами, но и наделял их новыми землями. Одновременно он щедро раздавал галицкие земли польским шляхтичам. Вместо родного для галицкого населения украинского языка официальным языком галицких канцелярий стал латинский язык. Государственной, т. е. покровительствуемой религией вместо православия стал католицизм, а православие стало подвергаться гонениям и насилиям.

В результате такой политики значительная часть галицкой шляхты быстро ополячилась и окатоличилась. Украинский же народ западных районов Украины и в этой тяжелой обстановке организованного террора, закрепощения и эксплоатации продолжал упорно и стойко бороться с польскими панами против эксплоатации и насилий, за жизнь, за культурную самобытность и национально-политическую независимость вплоть до 1939 г.,

когда наш Советский Союз, не безразличный «к судьбе единокровных украинцев и белоруссов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая», счел «своей священной обязанностью», как говорил в своей исторической речи 17 сентября 1939 г. тов. Молотов, «подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белоруссам, населяющим Польшу...»

Приведенные выше несколько фактов из исторического прошлого народов западной Украины рисуют ту историческую обстановку, в которой на протяжении ряда веков складывался на западном участке территории современного украинского народа украинский этнографический тип и вырастала украинская нация. В основе ее лежат древне-русские племена: уличи, тиверцы, хорваты, дулебы, они же волыняне и бужане, поляне и южные ветви древлян, составлявшие основное население Киевского, Галицкого и Волынского феодальных княжеств, т. е. правобережной части УССР за исключением ее южных районов, занятых в XI—XIII вв. восточными кочевниками.

Как мы видели выше, с самого образования Галицко-Волынского княжества объединенные под его властью племена были включены в сферу влияния Польши, Литвы и Венгрии. Несколько иначе в это же время обстояло дело на востоке исторической Украины, на днепровском левобережье, на территории древне-русского племени северян, основного населения Черниговского (частично) и Переяславльского княжеств. Северянам, главным образом, а отчасти и полянам, с начала их исторической жизни пришлось столкнуться лицом к лицу с турецко-татарскими степными кочевниками — печенегами, узами, торками, черными клобуками, берендеями. В XI в. их сменяют половцы или куманы, более организованный враг, чем все предыдущие кочевники, взятые вместе. Разбитые и оттесненные половцами, черные клобуки и торки оседают на территории Киевского и Переяславльского княжеств по рекам Роси и Суле, включаются в состав населения названных княжеств и служат им заслоном против половецких вторжений. В течение двух веков из года в год половцы производят набеги на Украину, жгут, грабят, насилуют народ и уводят его массами в плен, где держат в качестве рабов или продают на невольничьих рынках. В XII в. половцы настоль-

ко усилились, что стали угрожать самому существованию южно-русских княжеств, которые из-за своей раздробленности и непрерывных княжеских междоусобий не в состоянии были дать им должного отпора.

Но и много половцев попадало в плен к русским и включалось в состав местного славянского населения. Кроме того, отдельные русские князья роднились с половцами. Так, например, Мстислав Удалой и Даниил Романович Галицкий были женаты на дочерях половецкого хана Котяна. Когда в середине XIII в. Украина стала жертвой татарского нашествия, половцы были разбиты татарами и ушли частью на восток, частью на Балканский полуостров и в Венгрию, а частью нашли себе приют и на территории Руси.

Таким образом, в то время как на западе украинский этнографический тип складывался под влиянием западных соседей, т. е. Польши, Литвы и Венгрии и частично с XIII в. татар, на востоке украинский этнографический тип испытывал значительное восточное влияние. Начиная с середины XIV в. западная Украина на долгие века попадает под власть Польши, восточная же Украина вслед за Волынью входит в состав Литовско-Русского государства. В результате экспансии Литвы на территории украинских северян первой же жертвой становятся Чернигов и Новгород-Северск, которые литовский князь Ольгерд (1345—1377) передает во владение своему сыну, Дмитрию Корыбуту. Вслед за Черниговом и Новгород-Северском Ольгерд в 1363 г. захватывает обширное Подолье, занимавшее территорию левого Поднестровья, южного Побужья и нижнюю часть Поднепровья. В 1362—1363 гг. Ольгерд овладевает Киевщиной и частью Переяславщины и передает их во владение своему сыну Владимиру. Таким образом, в начале 60-х годов XIV в. значительная часть Украины (Волынь, Галичина, Черниговщина, Новгород-Северщина, Подолье, Киевщина и Переяславщина) входит в состав литовской державы Ольгерда.

Литовское владычество на первых порах не внесло существенных перемен в жизнь украинского народа. В составе феодальной литовской державы, представлявшей собою обширное многонациональное государство, одни только украинские земли, не считая белорусских и великорусских, более чем в пять раз превышали территорию собственно Литвы. К тому же русское население

составляло в Литве не только количественно преобладающий элемент населения, но и элемент, стоявший по уровню своего развития гораздо выше литовских племен, только что вступавших в период нарастания феодальных отношений. Поэтому русская культура совершенно естественно явилась для Литвы богатой основой и готовой формой, в рамках которой пошло дальнейшее развитие ее государственного, хозяйственного и культурного строительства. Она приняла русское право, русскую администрацию, русскую финансово-налоговую систему и пр. Русский язык в Литве стал государственным, официально-канцелярским языком. На русском языке писались почти все княжеские грамоты и юридические документы, велась дипломатическая переписка. Русский язык стал разговорным языком литовских князей и знати. Многие литовские феодалы-язычники приняли православие. Литовские князья, занимавшие уделы на Руси, обыкновенно тоже были православными и женились на русских. Сам Ольгерд, проведший большую часть своей жизни на Руси, усвоил русскую культуру и русские обычаи, принял православие и был женат на русских княжнах, Марии Ярославне Витебской, а после ее смерти на Ульяне Александровне Тверской.

После смерти в 1377 г. Ольгерда положение вещей в Литве для русского народа резко изменилось к худшему. Преемником Ольгерда на великокняжеском престоле стал его сын Ягайло (1377—1392). Польские паны после смерти Казимира III (1370) избрали Ягайло кандидатом на польский престол. Это избрание было продиктовано великодержавными интересами и агрессивными устремлениями польского панства на украинские и белорусские земли и весьма мало соответствовало государственным политическим и культурным интересам Литвы. Тем не менее, Ягайло принял унизительные для литовского народа условия польских панов (Кревская уния 1385 г.), обратился в католичество с именем Владислава и, женившись на молодой польской королеве Ядвиге, стал королем Польши. Великокняжеский же литовский престол перешел с 1392 г. к Витовту.

По требованию польских панов и высшего католического духовенства, Ягайло, прежде всего, приступил к широкой католизации своих литовских владений, где до сих пор не только крестьянское и городское население, но и помещики, и бояре, и князья были православными.

Католицизм в Литве стал государственной, поддерживаемой и опекаемой правительством религией. Католики и вновь обращенные в католичество пользовались значительными преимуществами и привилегиями сравнительно с православным населением. В частности, православным литовским панам и шляхте не разрешалось занимать высшие государственные должности и участвовать в великокняжеском совете. Массовый переход в католичество литовских и русских феодалов не только открывал в Литве широкие двери польскому политическому влиянию и польской культуре, а равно и национально-религиозному угнетению православного населения. Он также подготовлял почву для захвата польскими панами Украины и Белоруссии. Захват этот начался в 1387 г. с Галиции и Западной Волыни и закончился в 1569 г., когда на Любечском сейме из Литвы и Польши было создано федеративное государственное объединение Речь Посполитая (Люблинская уния). В соответствии с постановлениями этого сейма к Польше отошла вся Украина, за исключением Закарпатской Украины, Буковины, Берестья, Пинска, а также Черниговщины, которая в это время уже находилась во власти Москвы.

С переходом под власть Польши Украина подвергается усиленной польской колонизации. Польские помещики, опираясь на военную силу, проникают в глубь Украины и захватывают огромные земельные владения с городами и селами; строят замки и укрепления в качестве опорных пунктов; доводят до крайних пределов угнетение украинцев, стремясь обратить в крепостное состояние широкие круги украинского казачества; притесняют города, насаждают свою культуру, католицизм и хищнически уничтожают природные богатства Украины... С конца XVI в. на Украине вспыхивает ряд крупных крестьянско-казацких восстаний против панского ига. Восстания эти жесточайшим образом подавляются наемными немецкими и венгерскими войсками. Тем не менее, с каждым десятилетием сила сопротивления украинского народа возрастает. Наконец, в 1648 г. на Украине вспыхнуло огромное восстание, принявшее характер общенародной освободительной войны украинского народа против панской Польши. В результате этой войны (1648—1654), которую украинский народ вел под предводительством Богдана Хмельницкого, владычеству польских панов на Украине был нанесен решительный

удар, а в 1654 г. в Переяславле было провозглашено воссоединение украинского народа с великим братским русским народом.

Для характеристики историко-этнографических судеб украинского народа с XV в. необходимо отметить дополнительно еще несколько фактов. В начале XV в. литовский великий князь Витовт, подчинив своей власти Крым и захватив северное Черноморское побережье, присоединил тем самым к своим владениям обширную территорию на юге правобережной Украины вплоть до Черного моря. На завоеванной территории он построил ряд укреплений (Хаджибей, Черный город и др.) и поселил в районах городов Канев и Черкасы значительное количество татар, кабардинцев и черкесов.

С этого же времени начинается массовое переселение на незаселенные земли юго-восточной Украины галицийских крестьян-беженцев. Доведенные на родине панами до крайнего разорения галицийские крестьяне поднимают восстания против своих угнетателей, избивают помещиков, целыми селами бросают насиженные места и бегут в юго-восточные районы Украины. Такое же массовое бегство крестьян идет и из литовских владений.

Со второй половины XV в. при крымском хане Менгли-Гирее начинаются хищнические набеги на Украину крымских татар. В 1482 г. татары сожгли и разграбили Киев, опустошили киевскую землю и увели в плен множество народа. После этого набеги крымских татар на Украину стали повторяться почти ежегодно. В результате этих набегов все среднее Поднепровье и Побужье вплоть до центральной Черниговщины, Полесья и западной Подолии были превращены почти в пустыню. Немного украинского населения оставалось только в районах сильных укрепленных пунктов — Киева, Брацлава, Винницы, Житомира, Черкас, Канева, Остра, Чернигова. Таким образом, Польша и Литва были отброшены от Черного моря, и Черноморско-Азовское побережье на долгое время стало турецко-татарским владением.

С XVI в. татарские набеги на Украину несколько ослабевают, и ее население, оттесненное ранее татарами на север, начинает возвращаться на старые места. В то же время на юге Украины оседают турецко-татарские степняки, а из-за Днестра на Украину продвигаются «волохи». После Люблинской унии (1569), в связи с переходом Украины под власть Польши и захватом украин-

ских земель польскою шляхтой, на Украину приливает новая значительная колонизационная волна северных и северо-западных украинцев, поляков и белоруссов. Двигаясь с севера на юг, эти поселенцы постепенно проникают в украинские степи, а с XVI в. переходят на левобережье и занимают Полтавщину.

Такова в самых общих чертах суровая историческая, социально-политическая и культурная обстановка, в которой складывался и развивался украинский народ с первых веков феодальной раздробленности. В непрестанной борьбе за жизнь, за право на труд, за национальное самосохранение и культуру, героически преодолевая гнет и насилия своих политических и классовых врагов, украинский народ закалял упорную стойкость своего характера и силу сопротивления своим классовым врагам и насильникам и вырабатывал свой национальный культурно-исторический тип. Этот тип украинский народ вынес «из царства мрака и нескончаемого народного горя, в котором народ Западной Украины страдал на протяжении долгих 600 лет» [80], и как «узник, вырвавшийся на волю, на солнце после долгого, томительного заключения в мрачной темнице» [81], принес вместе с собою в общую счастливую семью братских народов великого Советского Союза закаленную в вековой борьбе с врагами силу характера и несокрушимую волю к свободе.

Белорусский народ также прожил под игом польских панов и литовских магнатов с XIV в. до 1939 г., когда Рабоче-Крестьянская Красная Армия освободила Западную Белоруссию от «проклятого панского ига».

В основе белорусского народа, как мы уже знаем, лежат племенные скрещенности южно-русских древлян со средне-русскими дреговичами и средне-русских радимичей с восточно-русскими вятичами, а также западная ветвь кривичей. В начальный период феодальной раздробленности эти племена составляли три феодальных княжеств: Полоцкое — западные кривичи, Смоленское — восточные кривичи и радимичи и Пинско-Туровское — древляне и дреговичи.

Племенной состав населения доисторической, до-славянской Белоруссии представлял собою, повидимому, комплекс племенных образований, стоявших на стадии еще недиференцированного в этнографическом отношении развития. С течением времени этот первичный этно-

графический племенной комплекс выделил из своего состава в процессе племенных скрещений и племенной диференциации две основные этнографические группы: литовско-латышскую и славянскую.

Интересно в этом смысле познакомиться с наименованием многочисленных рек, речек и селений в бассейне р. Двины (Западная Двина). Так, здесь встречаются: озеро и деревня Двинец, погост Двин, озеро Двинье, р. Двинка, р. Двиноса. Название р. Д в и н а впервые встречается в нашей начальной летописи. В классической древности и в средние века эта река была известна под другими названиями. Только в конце VII в. у равенского географа встречается название Dina, близкое к теперешнему названию этой реки. Немцы называют Двину Düna; латыши, которым принадлежит главная часть этой реки, называют ее Daugava и Duna; у южных эстов она известна под именем Weina-jōgi, а у северных — Tüina-jōgi. Эстское наименование Weina восходит, несомненно, к Dweina. Исходным наименованием надо считать латышское Duna; все прочие наименования — средневековое Dina, немецкое Düna, эстское Dweina и славянское Д в и н а представляют собою разнообразные варианты исконного Duna. Происхождение же этого последнего слова не вызывает никаких сомнений. Это та же основа don- или dan-, которая прекрасно известна по названиям рек: Д о н, Д н е п р, Д н е с т р, Д у н а й и восходит к исконному значению «вода», «река», в каком эта основа бытует сейчас в осетинском языке. К числу таких же до-славянских терминов принадлежит наименование и многих притоков Двины на территории Белоруссии: Велеса, Тросна, Мёжа (латышское mež — «лес»); Hara (финское «грязь», «ил», «тина»); Каспля (ср. Каспий, Каспийское море); Витьба (литовское wytis — «тонкая ветвь лозы»); Лучеса, Улла (литовское ůla — «скала»; латышское ohla — «мелкий камень»); Ушача (литовское užiu — ūšti — «пениться»); Дисна, Дрийка (финское töyrä — «большой холм», «крутизна», «обрыв»); Исса (эстонское iza, финское isä — «отец»); Дубисса (литовское dubus — «глубокий»); Сарьянка (финское sara oja — «река, поросшая осокой») и т. д.

С другой стороны, многие притоки р. Десны именуются словами заведомо славянского происхождения: Го-

рянка, Рожанка, Рубеж, Добрейка, Черногость, Бельчица, Жаберка, Городня, Боровня, Медведица, Волынка, Струнка, Змейка и множество других. К числу древнейших наименований рек на территории Белоруссии, восходящих к ее доисторическому, до-индоевропейскому и до-славянскому прошлому, можно отнести такие наименования, как: Усса (приток Немана), несколько рек, в названия которых входит корень ус (Усупа, Усуп); Сула, Гавья с притоком Жижла, Котра, Вилия; Сервеч, Нароч, Страч, Лоша, Шара и т. д. Однако притоки р. Шары, название которой сближается с литовским saũras — «узкий» или skiaure — «рыбный садок», заведомо славянского происхождения: Ведьма, Липница, Мышанка.

Приведенный нами материал убедительно показывает, что в древнейшие до-славянские времена территория Белоруссии была населена племенами нелитовскими и неславянскими. На основе этих племен сложились зародышевые протолитовские и протославянские племенные образования, давшие затем литовско-латышские и славянские племена; из последних вырос белорусский народ. Таким образом, помимо доисторического культурного наследия, общего для всего русского народа и восходящего к предшественникам славян, народам яфетической стадии развития, вроде наименований рек с основами don-, dan- или us-, в белорусском языке должны оказаться и элементы, представляющие собою местное доисторическое культурное наследие, общее для белорусского, литовско-латышского и финского языков. К такому именно наследию в белорусском языке и относятся многочисленные названия рек. Это не значит, конечно, что белорусские славяне заимствовали подобные наименования у литовского народа. Подобные предположения ни на чем не основаны. Это, наоборот, доказывает, что белорусский народ, сложившийся и оформившийся в особую, самостоятельную славянскую этнографическую единицу на территории своей родины, вырос на основе, общей для него с литовским и латышским народом.

Поставленные лицом к лицу с соседними литовскими племенами, названные выше русские славянские племена, на основе которых впоследствии вырос белорусский народ, после образования в XIII в. первого Литовского государства постепенно попадают под

власть Литвы. Уже первый объединитель литовских племен, князь Миндовг (умер в 1263 г.) подчинил себе западную группу древне-белорусских племен с городами Новгородком, Слонимом и Волковыском, составлявшими так называемую Черную Русь, и сделал г. Новгородок (Новогрудок) своею столицей. В середине XIII в. Миндовг подчинил себе и Полоцк. При Гедимине (1316—1341) Литва захватила Минск и Витебск. К этому времени в состав Литвы уже входило и Туровo-Пинское княжество. Таким образом, при Гедимине почти все белорусские земли входили в состав Литвы или Литовско-Русского государства. Гедимин титуловал себя королем литовским и русским и сделал своим центром г. Вильно. В 1395 г. литовский князь Витовт захватил и последнюю белорусскую область с г. Смоленском. По решению Люблинского сейма 1569 г. (Люблинская уния) белорусские земли остались в составе Литвы. Их дальнейшая экономическая и культурно-историческая жизнь была поставлена в тесную связь с польско-литовскими отношениями. В течение долгих веков белоруссы испытывали под игом литовских магнатов то же экономическое угнетение и католизацию, какие в это же время переживал и украинский народ под игом польской шляхты.

Наименование «Белая Русь», откуда ведет свое начало и название народа белоруссы, впервые исторически засвидетельствовано в XIV в., но можно полагать, что оно было известно и значительно раньше. Термин «Белая Русь» был хорошо известен в XIV в. соседям белоруссов — полякам, а также ливонским, прусским и южным — австрийским немцам.

Кроме названия Белая Русь, издавна было известно еще и название «Чорная Русь». Так называлась область, занимавшая юго-западную часть Полоцкого княжества в бассейне верховьев рр. Нарева, Немана и его притока р. Шары и впоследствии вошедшая в состав белорусских земель. Происхождение терминов Белая Русь и Чорная Русь до сих пор не ясно. Проф. А. Потебня признал в свое время несостоятельными попытки связать эти наименования с цветом платья, свит и яломок (шеланков, магерок) [82]. В начале XVII в. в Москве под «Белою Русью» понималась не только Белоруссия, но этим же термином назывались и украинские Киев и Волынь. Но у поляков в

XVI в. Белоруссия называлась Чорною Русью, а Великороссия — Белою. А. Потебня предположил, что слово белый здесь употреблялось в значении «вольный». В таком значении слово белый действительно употреблялось довольно часто, например, в терминах: белое место, т. е. «нетяглое» (XVI в. Срезневский); беломестьная грамота (там же); белопашец; белый свет (мир) — синоним вольный свет, иногда «белый вольный свет»; белый царь, ставшее названием русского царя, первоначально в более широком значении «вольный царь» («свет ты вольный царь, Иван Васильевич») и т. п. Но акад. Ламанский опроверг это объяснение наименования Белоруссии ссылкою на ее историю. «Вообще Литовская Русь, разумеем народ русский, православный, — замечает Ламанский, — ни в XVI, ни в XV в., за исключением разве века Витовта и то за последние 15—20 лет его княжения, не имела причин и оснований называть себя белою в смысле вольной, независимой, в отличие от Руси северной и восточной... Таким образом, — заключает Ламанский, — белая Русь настоящая получила свое название не за вольность и независимость, которой не имела ни в XIV, ни в XIII вв., а по иной какой-либо причине» [83]. Акад. Е. Ф. Карский в своем капитальном труде «Белоруссы» объясняет эпитет «Белая Русь» внешним видом белоруссов: в большинстве случаев они одеваются в белые свитки или белые кожухи, носят белые магерки (шапки). Такие костюмы, замечает Карский, удержались до сих пор, особенно в восточной части Минской и в Могилевской губернии; в старину такая одежда была повсеместной. У малороссов и великоруссов преобладают другие цвета... Кроме того, Е. Ф. Карский обращает внимание на то, что господствующий тип белоруссов — крайние блондины с голубыми или светлосерыми глазами. Народные названия по внешнему виду, говорит Карский, дело очень обычное: припомним «Чудь белоглазую», «Сорочину долгополую» в былинах, или геродотовых меланхленов. Вопреки мнению Ламанского, Карский полагает, что название «Белая Русь» появилось не раньше терминов «Великая Русь», «Малая Русь», а наоборот — после них и в подражание им. Происхождение термина «Чӧрная Русь» Карский также связывает с цветом кафтанов, которые носили жители этих мест [84].

Приведенные выше объяснения происхождения терминов «Белая Русь» и «Чорная Русь», предложенные в свое время крупнейшими филологами, являются мало убедительными, особенно в отношении термина «Белая Русь». Этот термин весьма распространен по всей территории, занятой русскими славянами, и притом в широком его использовании: белый свет, белый царь, белый город, белая река, белое поле и т. п. Это наводит на мысль, что слово «белый», возможно, совмещало некогда множество значений. То значение, с которым это слово дожило до нас, именно значение цвета, есть продукт позднейшей смысловой диференциации. Установить исходное значение этого термина гораздо труднее, чем объяснить происхождение названия «Белая Русь» цветом костюма или преобладающими антропологическими признаками населения Белоруссии. Задачу эту должны разрешить наши лингвисты-палеонтологи.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И КОММЕНТАРИИ

1. И. И. Мещанинов, К вопросу о происхождении членораздельной звуковой речи, Доклады АН СССР, 1930, № 6.

2. В. В. Хвойка, Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена, Киев, 1913, стр. 1—10.

3. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1932, стр. 22.

4. Н. С. Державин, Об этногенезе древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна, «Вестник древней истории», 1939, книга 1/6, стр. 283 (указана соответствующая основная литература); то же в более развернутой редакции см. в его же исследовании «Троян» в «Слове о полку Игореве», Сборник статей и исследований в области славянской филологии, Л., 1941.

5. Н. Я. Марр, Из переживаний доисторического населения Европы, Избр. раб., V, стр. 314 и сл.

6. Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, Избр. раб., V, стр. 229.

7. Н. Я. Марр, Скифский язык, Избр. раб., V, стр. 194.

8. Н. Я. Марр, Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии, Избр. раб., IV, стр. 198—229.

9. Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, Избр. раб., V, стр. 353.

10. Н. Я. Марр, Скифский язык, Избр. раб., V.

11. L. Niederle, Slovanské starožitnosti, Díl I, sv. II, v. Praze 1904.

12. L. Niederle, Slovanské starožitnosti, Díl I, sv. I, стр 173 и сл.

13. L. Niederle, назв. соч., стр. 27, примечание: K. Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde, II., 1877, стр. 208 и др.

14. L. Niederle, Slovanské starožitnosti, Díl I, sv. I, v. Praze, 1902, стр. 198—201.

15. Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, Избр. раб., V, стр. 352 и сл.; его же, Скифский язык, V; его же, Готское слово guma — «муж», IV и др.

16. Н. Я. Марр, Скифский язык, Избр. раб., V, стр. 194.

17. Н. Я. Марр, Приволжские и соседящие с ними народы и пр., Избр. раб., V, стр. 299.

18. А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, стр. 10 и сл.

19. М. С. Грушевский, Історія України — Русі, I, стр. 176; его же, Киевская Русь, I, стр. 209.

20. Сборник ОРЯС АН СССР, т. CI, № 3, Статьи по славянской филологии и русской словесности, Л., 1928, стр. 492—495.

21. Павел Диакон (Paulus Diakonus), он же Варнефрид (около 720—880 гг.), Historia Longobardorum.

22. В. О. Ключевский, Курс русской истории, т. I, П., 1918, стр. 124—126; его же, Боярская Дума, 1919, стр. 18.
23. В. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», кн. 1, 1939, стр. 322.
24. А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, стр. 10, прим. 1; вслед за Шахматовым на этой же точке зрения стоял и акад. В. Н. Перетц в своем «Слово о полку Ігореві» у Киіві, 1926, стр. 24.
25. В Межамире А. А. Шахматов склонен был видеть Мечимира; в Келагасте—Целогоста; относительно имени Идаризий Шахматов придерживался точки зрения Шафарика и видел в нем «отечественное имя с окончанием «ич». См. его, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, стр. 16, примечание.
26. Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, стр. 337
27. Подробнее об этимологии термина ант см. у Б. Брима, Племенное название «Анты», Яфетич. сборник, V, 1927, стр. 23—31.
28. А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, 1919, стр. 11.
29. Л. Нидерле, Původ a počatky slovanů vychodnich, Dil I sv. IV, v. Praze, 1925, стр. 80, прим. 1.
30. М. А. Тиханова, Готский вопрос. Происхождение готов, по рукописи, с разрешения автора.
31. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1932, стр. 145 и сл.
32. V в., выходец из германского племени ругиев, правитель Италии. — *Н. Д.*
33. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1932.
34. Н. Я. Марр, Готское слово guma — «муж», Избр. раб., IV, стр. 261, 263 и сл.
35. Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, Избр. раб., V, стр. 410.
36. М. А. Тиханова, Готская культура, по рукописи, с разрешения автора.
37. А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, стр. 28—33.
По А. А. Шахматову, летописец назвал только главнейшие племена, умолчав о мелких делениях этих племен, а также и о некоторых отдельных племенах, в том числе о славянах на Дону, упоминаемых арабскими писателями и другими источниками, представлявших собою здесь исконное население (стр. 33—35).
38. Н Я. Марр, Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, Избр. раб., V, стр. 305 и сл.
39. В. Н. Смирнов, Из вопросов и фактов этнологии Костромского края, Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XXXIII, Кострома, 1924.
40. Н. Я. Марр, Из переживаний доисторического населения Европы, Избр. раб., V, стр. 314 и сл.
41. Н. Я. Марр, Яфетическое зори на украинском хуторе, Избр. раб., V, стр. 229.
42. Н. Я. Марр, Готское слово guma — «муж», Избр. раб., IV, стр. 265.
43. Н. Я. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей

«лошадь» и «тризна», Избр. раб., V, стр. 117—152. Страбон — знаменитый греческий географ, род. в 66 г. до н. э. — умер в 24 г. н. э.; ему принадлежит труд под заглавием Γεωγραφικά в 17 книгах.

44. Н. Я. Марр, «Из переживаний доисторического населения Европы», Избр. раб., V, стр. 317.

45. С. С. Гедеонов, Варяги и Русь, ч. II, СПБ, 1876, стр. 420—425.

46. С. С. Гедеонов, Варяги и Русь, ч. II, СПБ, 1876, стр. 430.

47. А. А. Шахматов, Повесть временных лет, т. 1, П., 1916, стр. 33—35.

48. Д. Иловайский, Разыскания о начале Руси, М., 1882, стр. 7 и сл.

49. Порфирий Успенский, Четыре беседы Фотия, СПБ, 1864, стр. 17, 24.

50. Порфирий Успенский, Четыре беседы Фотия, СПБ, 1864, стр. 18 и сл.

51. А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПБ, 1870, стр. 49.

52. А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПБ, 1870, стр. 129.

53. А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. I, П., 1916, стр. 68 и сл.; его же, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1912, стр. 57 и сл.; ср. Д. И. Иловайский, Разыскания о начале Руси, М., 1882, стр. 34—36; В. Пархоменко, Первая известная точная дата существования государства Руси, «Историк-марксист», 1938, кн. 6, стр. 191 и сл.

54. В. А. Пархоменко, названная статья, стр. 13; его же, У истоков руской государственности, Л, 1924; его же, К вопросу о норманском завоевании и происхождении Руси, «Историк-марксист», 1938, кн. 4, стр. 106—111. Относящиеся к этой же проблеме классические труды старшего поколения русских историков отчасти были названы нами выше.

55. А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, гл. V, Начало русского государства, стр. 58—63.

56. У Гардизи: «Длина и ширина острова три дня пути»; «На этом острове живут до 100 тысяч людей».

57. F. Westberg, Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen Osteuropa, Изв. АН, 5-я серия, т. XI, стр. 1/212.

58. Дополнения и поправки к статье А. А. Шахматова см. у С. Ф. Платонова в ст. «Руса», журнал «Дела и дни», СПБ, 1920, кн. 1, стр. 1—5.

Замечания по поводу теории Шахматова и Платонова см. у Н. Я. Марра, Из переживаний доисторического населения Европы, и пр., Избр. раб., V, 1935, стр. 317 и сл.

59. Насколько нам известно, восточные авторы говорят не о скандинавах, а о русах. — *Н. Д.*

60. В. Брим, Происхождение термина Русь, кн. 1 исторического сборника «Россия и Запад», 1923.

61. 1. Сказание о призвании варягов, Изв. Отд. р. яз. и слов. АН, т. IX, кн. 4, 1904, стр. 284—365; 2. Разыскания о древнейших летописных сводах, СПБ, 1808, гл. XIII, стр. 289—340; 3. Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919.

62. С. В. Юшков, К вопросу о происхождении русского государства, Ученые записки Московского юридического института НКЮ СССР, вып. II. М., 1940, стр. 37—59; его же на украинском яз., До питания про походження Руси, Науковi записки, I.
63. Летописный текст цитируется по изданию А. А. Шахматова, «Повесть временных лет», П., 1916, стр. 26—29.
64. А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПБ, 1870, стр. 193.
65. В. А. Пархоменко, Русь в IX веке, Изв. Отд. р. яз. и слов. РАН, т. XXII, 1917 г., кн. 2, отд. оттиск, стр. 3.
66. « ... а Уличи и Тиверцы седяху по Днестру и приседяху к Дунаеви. И бе множество их; садяху бо преже по Бугу и по Днепру оли до моря, и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от грек «Великая Скуфь». А. А. Шахматов, Повесть временных лет, т. 1, П., 1916, стр. 12.
67. А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, стр. 53.
68. В. П. Пархоменко, Русь в IX веке, 1918, стр. 4.
69. Журнал Министерства народного просвещения, 1899, август.
70. А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, изд. 4, М., 1907, стр. 34—38.
71. Акад. А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. 1, П., 1916, стр. 99 и сл.
72. В. А. Пархоменко, Русь в IX веке, 1918.
73. А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, 99—113; его же, Древнейшие судьбы русского племени, стр. 63 и сл.
74. «Придоша под Новгород Суждальци с Андреевицемь, Роман и Мьстислав с Смольняны и с Торопьцяны, Муромьци и Рязаньци с двемя князьма, Полоцький князь с Полоцяны, и вся земля просто Русьская».
75. А. А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПБ, 1908, стр. 328 и сл.
76. А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, стр. 63.
77. М. А. Максимович, Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси, Собр. соч., т. II, Киев, 1877, стр. 307—311.
78. Статья проф. Д. Анучина, Великоруссы, Нов. энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 914—932.
79. В. М. Ламанский, Белая Русь, «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 248 и сл.
80. Из обращения к тов. Сталину и тов. Молотову членов Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Украины, 11 ноября 1939 г.
81. То же.
82. А. Потебня, Этимологические заметки, «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 118 и сл.
83. В. М. Ламанский, Белая Русь, «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 246 и сл.
84. Е. Ф. Карский, Белоруссы, I, Вильна, 1904, стр. 114—118.

КРАТКИЙ СЛОВАРИК

Автохтон — первобытное, коренное население страны; отсюда автохтонный — первичный, коренной, первобытный.

Дилювиальный — букв. допотопный; словом дилювий обозначались отложения материковых ледников.

Неолит — последняя, т. е. ближайшая к нам эпоха каменного века, характерная применением гладко полированных и тщательно отделанных каменных орудий труда и охоты.

Ономастика — учение об именах собственных, преимущественно племенных, фамильных, географических. Эти имена собственные весьма устойчивы и часто помогают установить древних насельников какой-либо территории.

Орография — часть географии, занимающаяся описанием и классификацией форм земной поверхности и выяснением происхождения этих форм.

Палеолит — наиболее отдаленная от нас эпоха каменного века, древнейший период первобытной истории, характеризующийся применением орудий из неполированного, грубо оббитого камня.

Сибилянты — переднеязычные — свистящие и шипящие согласные (с, з, ш, ж). Отсюда — сибилянтная форма слова, т. е. форма с использованием сибилянта.

Соматический — телесный, относящийся к телу.

Спирант — гортанные фрикативы, т. е. согласные х и г; спирантная или спирантизованная форма слова — форма с использованием спирантов.

Топонимический — относящийся к названиям местности.

Тотемизм — одна из наиболее ранних форм религии, возникшая вместе с родовым строем; сущность тотемизма — представление, будто все члены рода как-то связаны с тотемом, т. е. животным, растением или каким-нибудь неодушевленным предметом. Тотем — эмблема, а часто и название рода, считается предком всех людей, принадлежащих к данному роду.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *В. А. Попов.*

8 п. л.+вклейка. 7,95 авт. л. 48 000 зн. в 1 п. л. Цена 3 р. 25 к.
Тираж 40000 экз. Заказ № 2414. Л54921. Подп. к печ. 30/V 1944

Типография Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18.

Зак. 2414

Рис. 4

Цена 1 р. 25 коп.

